

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 6

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР КАФАРОВ – 80

Владимир КАФАРОВ. <i>Стихи</i>	3
Юрий МАМЕДОВ. <i>Он дарил словам цветенье</i>	6

ПРОЗА

Мамед ОРУДЖ. <i>Яллы перемирия. Повесть</i>	9
Сейран СЕХАВЕТ. <i>Карусель. Рассказ</i>	37
Лейла ЭКРЕМ (Мирзоева). <i>Не Евангелие. Повесть</i>	59
Самид АГАЕВ. <i>Дороги хаджа. Роман</i>	98

ПОЭЗИЯ

Саида СУБХИ. <i>Стихи</i>	32
Владимир ГОМОЗОВ. <i>Стихи</i>	52
Виктор ГОРИН. <i>Стихи</i>	55
Габриэль РОЗЕНСТОК. <i>Хайку</i>	94

ПУБЛИЦИСТИКА

Нонна МУЗАФФАРОВА. <i>Писать. И ничего больше</i>	48
Салида ШАРИФОВА. <i>Рыцарь революции: взлет и падение</i>	56
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Я и мир</i>	92

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.05.2015г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА КАФАРОВА**

**Я привел свой корабль,
А меня не ждали,
И не встретил никто,
И каната не принял.
Все же к берегу я пристал.
Ах, торговцы-пронеры,
Записные невежды!
Знать не знают они,
С чем привел я невзрачный корабль.
Вот чуть-чуть отдышусь
И достану мой груз,
И на берег снесу,
И начну раздавать
Безвозмездно.
Может, кто-нибудь разберется
И поможет корабль подновить,
Ибо ждет меня путь:
Обнаружил я залежь несметную,
А корабль-то один,
Жизнь – одна.
Постараюсь успеть.
Может, ждать меня станут,
А когда возвращусь,
По-другому совсем прозвучит:
– Я привел свой корабль!**

Мозг мой подобен дереву,
Мысли – как птицы;
То налетят,
То разлетятся
Гнезд же не вьют.
Стало быть,
Дерево все же не бесплодно,
Если охотно они прилетают,
А улетают так неохотно.
Но почему не гнездятся они?
Просто и птицы мои понимают:
На плодоносных деревьях
Гнездиться нельзя.
Я размышленья мои записал –
Пусть их прочтет кто-нибудь.

В час, когда остаюсь в темноте,
Это море – мое,
И весь мир этот – мой,
Безраздельно мои –
В час, когда я остаюсь
С ними наедине.
Разве я не всецело
Отдан морю и миру?
Так пусть же моими бывают
И они
Иногда.

Так сказала жизнь

Если есть у тебя голова,
Битая – но не разбитая,
Не оступятся ноги твои,
Битые-перебитые.
Дальше сердце пробьется твое,
Битое – не убитое.

Если есть у тебя лицо,
Бритое, иль не бритое.
Брадобрей исказить его
Не посмеет рукой набитою.
Но и зеркало не разбей –
Разобьется лицо открытое.

Ты – битый.
Теперь поглядим,
За таких ли, как ты,
Двух небитых дают.

Этот город достоин того,
Чтобы ты,
Засучив рукава,
Одержимо писал
И выписывал
Каждый угол
и
каждый фонарь,
каждый камень
и
каждый кустик,
и вот эту травинку,
не такую уж бедную,
если с вечностью состоит
в самом близком родстве.

Этот город достоин того,
Чтобы ты,
Не греша междометьями,
Добивался с пером в руке
Достоверности внешней
и
внутренней.

Этот город достоин того.
Лучше ж взяться артелью,
Разделить этот город
На квадраты,
Или – сегменты
И – писать.
Иногда собираться вместе,
Поправляя слегка друг друга.
Чтобы общий выдерживать стиль.
А потом по местам расходиться.
И писать, и писать, и писать.
Этот город достоин того.

Ты создал мир когда-то,
А потом
Отвлекся чем-то,
Чем – уже не помнишь.
И кажется, что ты когда-то умер,
А вот теперь едва родился.
Ах, Боже мой!
Нельзя и отвернуться на минутку.
Придется что-то делать с миром,
Как-то поступать.
Начни с себя.

**Мне просто приятно идти.
В гору идти неспешно
С посильною ношею моей.
Мне просто приятно идти.
Не спрашивайте: «Откуда?»
Не допытывайтесь: «Куда?»
Мне просто приятно идти
В гору свободным, размеренным шагом,
Просто приятно идти.**

**Медленно,
Очень медленно
Ты набираешь силу
Для стремительного броска.
Набираешь силу столетьями,
А летишь один миг.
Но и этого хватит,
Чтоб сократить расстоянье
Для того,
кто полетит после тебя.
И
все равно
Думаешь ты с замиранием сердца –
Как продлить твой полет.**

**Все, что было с тобою вчера,
С кем-то завтра случится.
Все, что будет с тобою завтра,
С кем-то было вчера.
Не спеши открывать Америк.
Ты подумай не раз, не два,
прежде чем обнародовать
записи эти.**

ЮРИЙ МАМЕДОВ

ОН ДАРИЛ СЛОВАМ ЦВЕТЕНЬЕ

Помню, будучи школьником не особенно любившим поэзию, я случайно прочел одно из рубаи Мехсети Гянджеви в переводе Владимира Кафарова, который на всю жизнь врезался мне в память:

*На колесе времен – не год, не два –
Верчусь – полужива, полумертва.
Кружится колесо – весь мир кружится,
И у меня кружится голова.*

Будучи уже взрослым я был поражен, узнав, что и Владимиру Азимовичу особенно дорого именно это ее четверостишие. «Мехсети Гянджеви – единственная поэтесса в кругу корифеев Возрождения, – писал он, – в лирике которой есть сдержанность Данте, нежность Петрарки, лукавство Боккаччо. Более того, она родилась почти на два столетия раньше, чем самый старший из них, являясь единственной поэтессой в кругу корифеев Возрождения. Никакой фигуры, равной ей, не выдвинул ни Запад, ни Восток... Но основное направление ее поэзии – философская лирика. Только в результате глубоких раздумий и долгих поисков могла появиться такая миниатюра».

«Рубаи» (Баку, 1964 г.) остается наилучшим (на мой взгляд) переводным произведением из всего созданного В.Кафаровым. В творчестве Мехсети Гянджеви блистательно выражена любовно-чувственная лирика. Малая форма рубаи требует незаурядного, высокого мастерства – ведь многие четверостишия создавались экспромтом, будто мимоходом! И хотя рубаи – творения письменной литературы, они родственны баяты – созданиям устного народного творчества. На востоке не было принято запечатлеть людей на холсте, ставить памятники, тем более – женщинам. Но Мехсети Гянджеви «бессмертными четверостишиями сама себе воздвигла памятник», к подножию которого Владимир Кафаров принес томик переводов ее стихов, впервые вышедших на русском языке.

Переводами занимались многие, мастерски переводя поэтическую суть иноязычной строки, руководствуясь чаще подстрочником, и порой совсем не владея языком оригинала. Владимир Азимович же глубоко знал и чувствовал азербайджанский и русский языки. «Он не только знает материал, но и любит его... Перевод его точен в той мере, в какой может и должен быть точен перевод», – писал Павел Антокольский. Уж до чего был придирчив и скуп в оценках Ярослав Смеляков, и тот, – говорил Бахтияр Вагабзаде, – прочитав мое стихотворение в переводе В.Кафарова «Перед красотой», повторил вслух концовку: «Остановили не автомобиль, а время мы остановили», и потом еще раз пробежал глазами текст и произнес, обращаясь словно бы не ко мне, а к самому себе: «Вот, посмотри, русским языком пересказано, а все-таки вроде бы по-азербайджански! Это дорогого стоит. Передать слогом каждый может, а вот воссоздать дух – такое не каждому дано».

О работе над своими переводными четверостишиями Владимир Азимович не раз писал («Большие трудности малого жанра», «Капли в море» и др.), и эти его работы были опубликованы на девяти европейских языках и распространены во многих странах мира. Он был неистощим в поисках и находках все новых и новых имен азербайджанских поэтов-ашугов, которых он неустанно переводил, чтобы расширить и издать свою антологию «Я – ашуг, люблю тебя». Этот сборник был задуман как пантеон славы, в котором Владимир Кафаров старался не забыть никого, начиная с XVI столетия и по 20-е годы XX века. За это время по земле Азербайджана прошло множество ашугов, порядка тысячи, и это – только те, что зафиксированы. В этой антологии должна была взойти и воцариться «Звезда Алескера». «Родословная ашугов идет от варсагов и озанов – не просто певцов-поэтов и сказителей, но и мудрецов, ведунов, – писал В.Кафаров. – Ашуг Алескер, знаток слова и сердца человеческого, стал патриархом народного искусства».

Константин Симонов, большой русский поэт, первым перевел стихи ашуга Алескера. Но все же это был перевод с подстрочника. По-настоящему ашуру этих стихов, на мой взгляд, удалось передать Владимиру Кафарову.

Народная поэзия и новейшая наука о переводе – моря, полные неожиданностей. Ашуг Алескер родился, когда Пушкину было двадцать два, а Лермонтову – четыре года. Он был старшим современником своих знаменитых собратьев – Сулеймана Стальского и Джамбула Джабаева. В.Кафаров, переживая его путь, чувствовал себя взрослее, затем – ровесником, а потом видел, как Алескер, сокращая вековой разрыв, шел ему навстречу: «Он молодел, а я старился», – говорил Кафаров и, обращаясь к патриарху, писал: Не думай – я не постарел, я просто / Хочу, чтоб все в нас оставило след./ Чтoб мы, не дожiвшие до ста,/Прoжить умели за день десять лет.

У Владимира Азимовича было много планов, которым к сожалению пришлось осуществиться. Не однажды он выступал на страницах «Бакинского Рабочего» с предложением создать красочно иллюстрированный сборник энциклопедического характера, посвященный

истории возникновения, традициям и обычаям праздника Новруз. Директор издательства «Азербайджан» Назим Ибрагимов поддержал эту идею, посчитав ее реализацию значительным событием XXI века. Но... (о, эти злополучные «но» – так и не позволившие Кафарову издать более восьми, как он не раз говорил, готовых к печати книг по переводам и другим вопросам азербайджано-русской поэзии). Проекту этому так и не суждено было осуществиться.

Не могу не отметить, с каким восторгом вспоминает о Кафарове его однокурсник и друг Тофик Агаев, который в далекой Коми АССР, где он проработал более 10 лет корреспондентом, неожиданно увидел в книжном магазине кафаровский сборник баяты «Ларец жемчужин» – это было как свидание с далекой родиной. Баяты из этого сборника неоднократно печатались в Баку, Москве и Ленинграде, многие включены в учебную программу средней школы.

Более полувека тому назад Владимир Кафаров впервые дерзнул передать русским языком азербайджанские баяты, считавшиеся тогда непереводаемыми. Баяты – производное от этнонима «баят» – племени, из которого вышел вещий Горгуд. Поначалу столицей Гарабахского ханства был населенный пункт Баят, откуда со временем баяты и песни, созданные в Шуше, Ханкенди, Аскеране и их окрестностях, размножились по всему Азербайджану.

*Ты, земля Шуши, – бальзам,
Приложу тебя к глазам.
Письмецо прислал любимый –
Радость с горем пополам.*

Баяты – жемчужины народной поэзии – богатство, которое не скудеет, если им делятся с другими народами и людьми. Именно эта убежденность и руководила Владимиром Азимовичем, создавшим «Ларец жемчужин».

Владимира Кафарова высоко ценили и Константин Симонов, и Расул Рза, и Сулейман Рустам – с последним Владимира Азимовича связывала сердечная дружба.. А Рашид Бейбудов – о чем мало кто знает – пел песню «Мальчик веселый из Карабаха» именно на слова В.Кафарова, и слышать не хотел, когда ему нужен был перевод азербайджанской песни на русский язык, чтобы его осуществил кто-либо другой, кроме Владимира Азимовича.

В.Кафаров очень любил Каспийское море, и в общей сложности провел около трех лет на «Нефтяных камнях», воспевая тружеников Нефтеграда, библиотека которого теперь носит его имя. Написанные там стихи вошли не в один авторский поэтический сборник Владимира, ибо он был не только великолепным переводчиком, но и прекрасным поэтом – без чего, собственно, он, наверно, не смог бы делать столь точных художественных переводов стихов других больших поэтов.

Я посвятил любимому поэту и незабвенному учителю стихотворение «Он дарил словам цветенье», а также скульптурный портрет, своеобразным пьедесталом для которого послужили раскрытая книга и волны Каспия, – то, без чего невозможно представить Владимира Кафарова.

МАМЕД ОРУДЖ

ЯЛЛЫ ПЕРЕМИРИЯ

Повесть

Перевод Надира АГАСИЕВА

Он не сразу узнал преградившего ему путь на пересечении улицы Инглаб и проспекта Азадлыг улыбающегося, с шиком одетого седовласого мужчину. Давненько они не встречались с Эйвазханом, лет пятнадцать. Односельчанин. Хотя и был Эйвазхан моложе на два года, но в комсомол в районном комитете комсомола, прочитав комсомольскую клятву, они вступили вместе, в один день, и после этого торжественного события у них сложились вполне приятельские отношения, при встрече здоровались за руку как сверстники.

Встречаясь иногда с Эйвазханом в Баку, он почему-то каждый раз вспоминал тот прием, обеспокоенность Эйвазхана и устроенный Эйвазханом лимонадный пир для всех принятых в тот день в комсомол. Вкус того лимонада он ощущал во рту и поныне, ему даже казалось, что такого лимонада попробовать ему уже больше никогда не удалось.

Причина беспокойства Эйвазхана по поводу приема в комсомол ему была известна, связано это было с анкетой, заполняя которую он приписал себе два лишних года; очень хотелось в комсомол поскорее вступить.

После окончания школы они встречались иногда в Баку, и Эйвазхан всегда одинаково шумно приветствовал его.

Так и теперь, громко рассмеявшись, приступил к привычному допросу:

– О, Поэт! Что-то стишки твои в «Кирпи» не выходят, или писать бросил?

Конечно, Эйвазхан читал его стихи, когда-то напечатанные в журнале «Кирпи», но сейчас он и предположить не мог, что Эйвазхану ничего не известно о судьбе в свое время очень популярного, всеми, от мала до велика, почитаемого и уже давно прекратившего свое существование журнала «Кирпи», понял также, что ничего он не знает ни о нем, ни о его творческих удачах, получивших признание, по крайней мере, в литературной среде.

Действительно, еще в школьные годы, когда он учился в одиннадцатом классе, в журнале «Кирпи» были напечатаны два его стихотворения, эта публикация сделала его известным всему району. Но дело в том, что после этого он перестал писать стихи, переключился на прозу; его рассказы, повести, эссе порою, бывало, отмечались, удостоивались литературных премий. Он и на телевизионных экранах появлялся, давая интервью как прозаик.

– И где ты сейчас работаешь, Поэт?

Писатель не стал думать об ответе, просто прикинул, знает ли вообще Эйвазхан что-нибудь о нем, о том, где, когда и кем он работал? Тем не менее, с прежним спокойствием ответил:

– По правде говоря, сейчас я ищу работу, не работаю пока.

Эйвазхан, покачав головой, ухмыльнулся. Взял его под руку.

– Пошли, умер я, что ли, чтобы ты работу искал, – сказал он, – пойдём...

Писатель уже год, как искал в редакциях новых газет и журналов работу, но все безуспешно, и за этот год безработицы успел написать повесть «Безработица», которую пока еще не опубликовал.

Шли они недолго, свернули на какую-то улочку, выходящую на проспект, на пятом этаже какого-то старого дома сели за стол друг против друга, и Эйвазхан, указав на телефон на столе, сказал:

– Твоя работа, Поэт, в этом офисе – отвечать на телефонные звонки, – потом, кивнув на блондинку за столом у двери, – а это наша бухгалтер Гюлар-ханым, уверен, что вы поладите.

Хотя женщина за столом одобрительно ему улыбнулась, он отвернулся, посмотрел на Эйвазхана, хотел поблагодарить его, но слов почему-то не нашел.

...Был последний месяц весны, уже четвертый день подряд в Баку беспрерывно дул северный ветер, вообще, когда задували в Баку ветры, ему всегда хотелось куда-то убежать...

Узнав об этой удаче, жена, принимавшая его безработицу как свою личную беду, обрадовалась:

– Эйвазхан нам даже где-то дальним родственником приходится, – сказала она и тут же спросила. – Сколько будет тебе платить?

– Это мы не обговаривали.

– Надо было спросить, – расстроилась жена, – сейчас иные времена, все интерес свой блюдут.

Во всяком случае, спал в эту ночь он спокойно; хотя и не по нутру, но работу он нашел и теперь был свободен от ее поисков.

...Уже на третий день понял, что на этом частном, занимающемся торговлей предприятии он совершенно лишний. Что подделаешь, надо мириться со своей участью, подумал он.

А что касается невысокой, светловолосой бухгалтерши, то оказалось, что она его хорошо знает, помнит даже о самых незначительных, проходных его публикациях...

– Я постоянный ваш читатель, давно мечтала увидеть вас, – это она сказала при Эйвазхане, – должна же была на мою долю выпасть хоть какая-то удача.

Его же восхитил голос женщины; Господи, насколько же голос человеческий может быть прекраснее него самого...

Следующий вопрос бухгалтерши проложил между ними мостик.

– Вы и стихи пишете?

– Нет...

– Но ведь Эйвазхан-муаллим называет вас Поэтом?

Он пожал плечами:

– Не знаю, называет, да...

Впрочем, ему совсем не нравилось, что Эйвазхан обращался к нему не по имени, а называл Поэтом, и другим представлял его не иначе, как поэта, в этом обращении, в самом тоне чувствовалась насмешка, и ему казалось, бухгалтерша это чувствовала.

– Может, спустишься, сигарет мне купишь, а?

Это было впервые в жизни, чтобы младший по возрасту обращался к нему как к мальчишке. Он, конечно, сумел сделать вид, что не слышит, но почувствовал, что эта просьба больше, чем его самого, расстроила бухгалтершу, и он знал, что потом, когда они останутся наедине, о чем бы не заговорила Гюлара-ханым, все будет сказано, чтобы потрафить ему, уластить его самолюбие.

– Вам хорошо известны беды нашего народа, почему вы молчите, ничего не пишете, ведь опыт у вас есть.

Писатель, хотя и растерялся от этих слов малоознакомой ему женщины, но оставлять их без ответа не захотел.

– О чем писать?

– Как это о чем? – женщина, как бы опасаясь чего-то, тихо произнесла. – О войне гарабахской... Вы не пишете, а графоманы пишут. А что может написать графоман? Все ведь очевидно.

И тут ее понесло, будто прорвало, он же не находил, что ответить.

Женщина вновь, не повышая голоса, сказала:

– Напишите о режиме прекращения огня, разве вы не знаете, для чего это перемирие? Кому оно служит?

Вообще-то, подписанное десять дней назад в Бишкеке соглашение о прекращении огня его обрадовало. Подумалось, что теперь уже не будут прибывать из Гарабаха в Баку тела погибших шехидов, молодые ребята, уже четыре-пять лет проходящие срочную службу в армии, начнут постепенно возвращаться, а вместе с ними вернется и его сын, поступит в институт...

Скривил губы.

– Так ведь сейчас никто и не читает...

Женщина, почувствовав легковесность его суждений, сразу же ответила:

– А я, разве я не читатель?.. – Усмехнувшись, кокетливо продолжила. – Вам недостаточно одного читателя?

Знакомый вопрос. Этот вопрос в одном итальянском фильме, название которого он уже не помнил, задавала писателю влюбленная в него женщина...

Странно, но и вчера, когда он случайно встретился со своим другом-композитором, тот тоже советовал ему написать о перемирии. Сообщил, что он уже и сам накропал такое произведение, премию собирается отхватить. И название придумал: «Плясовая перемирия». Но этот композитор был еще тот приколист, никогда не поймешь – серьезно говорит или шутит.

– Напишите, ради меня, напишите, – сказала Гюляра-ханым, – или думаете, не стоит писать для одного человека?

Подтекст этого вопроса заставил его надолго задуматься. Конечно, ему хотелось писать, знал, начни он писать, почувствует облегчение, душа раскроется, освободится от путаных, гнетущих мыслей...

Но прожив уже достаточно на белом свете, он также знал, что домой должен возвращаться с заработком, чтобы его дети утром, идя в школу, могли выпить хотя бы стакан сладкого чаю... А сейчас он не знал, стоит ли делиться с бухгалтершей всем этим?

О перемирии в этой конторе зашла речь и на следующий день, последнее слово

осталось за Эйвазханом: «Перемирие, – сказал он, – оживит наш офис!» Потом, обратившись к бухгалтерше: «Не так ли, Гюлара-ханым?» Сказал это так, будто ему была известна позиция бухгалтерши по всем вопросам, и именно это он хотел донести до него.

Ответ Гюлары-ханым оказался для него совершенно неожиданным:

– Это акт капитуляции, – сказала она.

– Гюлара-ханым, я вас очень уважаю, но прошу больше таких слов здесь не произносить, разве вам не известно, кем подписан этот акт? Я – член партии «Новый Азербайджан», я приверженец Гейдара Алиева, я азербайджанец, я служу Азербайджану!

Эйвазхан говорил так, будто находился не в собственной, созданной им самим конторе, а держал речь с высокой трибуны:

– У нас одна обязанность: быть на службе азербайджанского народа, служить азербайджанству, азербайджанской государственности!!!

Писателю было известно, как именно эта контора служит азербайджанской государственности, знал, что две трети прибыли прячется от азербайджанского государства, он знал, как это все называется, но непонятно было, как можно ухитриться скрывать прибыль от такого, обо всех все знающего, государства?

Вообще-то он в эти дела не вникал, слышал от Гюлары-ханым. И снова вспомнился привкус лимонада, день приема в комсомол: Эйвазхан продолжал ту же речь, изменилось только место.

– Не забывайте, что перемирие открывает перед нашим офисом новые горизонты, оно выведет нас на страны Европы, мы откроем там свои офисы!

Вдруг обратился к Писателю:

– Не так ли, Поэт?

Писатель слегка кивнул головой, показывая, что согласен с ним.

Эйвазхан:

– Ну, тогда, братишка, сгоняй-ка вниз, купи мне сигарет.

Писатель посмотрел на Гюлару-ханым: пытался определить, услышала ли она эти слова? Щеки ее вмиг запылали, стали красными, и не нужно было быть писателем, чтобы понять, от чего загорелись ее щеки. Конечно, если бы они с Хозяином были одни, так сказать, наедине, он бы сумел перевести все в шутку, сказал бы, например: я что тебе, мальчик на побегушках? Но не хотелось усугублять, огорчать его перед этой все понимающей бухгалтершей. И потом, когда Эйвазхан протягивал ему деньги на сигареты, понял, что он пытается унижить его из-за особого расположения бухгалтерши.

Будь у него в кармане достаточно средств, он бы не стал брать протянутые ему Хозяином хрустящие купюры, потому как внутри у него словно все обломалось, когда он взял деньги из рук Хозяина.

Выйдя на улицу, он на какое-то время растерялся, не зная, куда идти, потом, когда всего его словно облизал хазри, обсушил вспотевшее лицо, он понял, что есть еще один выход: тихо, спокойно наплевать на это учреждение и уйти – разве утро не наступит, если петух не пропоет? После того, как он купил в киоске на улице сигареты и, тяжело поднявшись по лестнице на пятый этаж, положил американские сигареты «Кент» перед Хозяином, подумал: написать официальное заявление или просто спокойно покинуть это заведение? Подумав немного, решил остановиться на втором варианте, первый вызвал бы всякие пересуды, рассуждения и, вероятнее

всего, закончился бы его осуждением

Сидел словно на иголках, проткни ножом – и кровь не выступит, бухгалтерша это чувствовала, зазвонил телефон, она сама подняла трубку, и он чувствовал, почему Гюлара-ханым сослужила эту службу...

Хоть провел он весь день в раздумьях, решение свое после окончания рабочего дня, на исходе шестого часа, сумел выразить всего лишь одной фразой:

– Пока, Гюлара-ханым, может, больше и не увидимся, – сказал он бухгалтерше, уходя.

Понял, что бухгалтершу тронули эти слова и, почувствовав, что Гюлара-ханым тоже хочет что-то сказать ему, задержался.

– Уйдете, когда другую работу найдете, – сказала душевно бухгалтерша, – зачем уходить, со свиньи и щетина на пользу будет.

То, что Гюларе-ханым не по нраву хозяин, он заметил с самого первого дня, но не знал, что до такой степени.

Уже в дверях он, как бы между прочим, объяснил свое отношение к земляку.

– От свиньи мне даже и щетины не надо.

На следующий день он еще и дома не успел сообщить, как Эйвазхан сам его разыскал.

– Поэт, каюшь, каюшь, не знал, что ты такой недотрога, – начал он, – ну, ошибся я, прости, не стоило тебя посылать за сигаретами, прости, извиняюсь многократно.

Писатель и слов пока не находил, а Хозяин уже заливался соловьем.

– Понимаешь, я считал тебя своим близким человеком, когда посылал за сигаретами, братаном своим считал, что здесь такого? Разве мы не братаны? Помнишь, мы в комсомол вступали? – спросил он. – Помнишь, братан?

– Ну да, помню...

– Помнишь, что у меня спросили?..

– Нет...

– У меня спросили, почему я в комсомол вступаю? А я ответил, чтобы расширить фронт его борьбы... Помнишь, как хлопали мне?

Ну да, Писатель помнил, как ему аплодировали, но сейчас не понимал, к чему эти воспоминания?

Эти воспоминания напоминали о единственном, что оставалось в памяти, о лимонадном угощении. Еще тогда он почувствовал, что угощение лимонадом связано не только с их вступлением в комсомол, но являлось возможностью показать себя, покрасоваться перед девочками, вернее, перед одной из них.

Только эта девушка пить лимонад не стала, и тем самым как бы заявила, что не так уж и проста.

Во всяком случае, воспоминания эти развеяли сумрак его мыслей, он почувствовал, что уже не жует жвачку обид и что ему тоже надо что-то говорить.

– Вообще-то дело не в том, что ты послал меня за сигаретами!

– В чем же тогда? – переспросил хозяин. – Может, я еще в чем-то перед тобой провинился? Скажи, чтобы я знал... Если есть что, больше подобного не совершу.

Но он знал, в чем провинился.

– Да, была одна ошибочка, – громко произнес Эйвазхан, – не стоило обра-

щаться к тебе с просьбами при этой поблядушке, ведь не знает она, что мы братаны, но узнает, надо будет, я и при ней попрошу у тебя прощения.

Это грубое, пошлое слово, которым он обозвал бухгалтершу, вновь испортило ему настроение, оно никак не могло вязаться с этой перешедшей пятидесятилетний рубеж, оставшейся в девках, вполне благопристойной женщиной. И если и казалась она немного смешливой, то это оттого, что независимо от возраста: в душе она осталась еще девчонкой.

– Ты зря о ней так, она женщина достойная, она...

Но договорить Эйвазхан ему не дал.

– Хорошо, хорошо, пусть так, я ведь тебя не с плохим человеком в одной комнате посадил?

Писатель все никак не мог взять в толк, к чему все это, но он хорошо знал, Эйвазхан хваткий, своего не упустит.

– Знаешь, я человек чистый, а о твоей чистоте мне известно с самого детства, мое же окружение – сущие волки, – сказал Эйвазхан, – рядом со мною должен быть кто-то, кто бы переживал за меня, или нет? Ты думаешь, что я влюблен в тебя, красавца такого чернобрового, черноглазого? Да я чистым сердцем твоим восхищен...

Хотя и получилось у Эйвазхана расположить его к себе своими теплыми речами, рассмешить шутками-прибаутками, но все же тоном, не терпящим возражения, он сказал:

– Нет, Эйвазхан, не обессудь, больше я в тот офис не вернусь!

А хозяин будто только и ждал этих, выпаленных со всей писательской мощью слов, и ответ будто заранее заготовил.

– В офис не вернешься – да помилуй, и не надо, не возвращайся, кто станет тебя насильно в офис загонять? Разве наша работа состоит в том, чтобы в офисе сидеть? Я пошлю тебя на «Волчьи Ворота».

Писатель слышал, что головной склад их организации, заключавшей договоры с несколькими городами СНГ, находится в местечке, именуемом «Волчьими Воротами», но он никогда не задумывался, в чем может заключаться ежедневная работа на этом складе, и какую работу он мог бы там выполнять.

– Там у тебя свободного времени будет сколько угодно, сможешь стишки свои кропать, да в журнал «Кирпи» посылать.

Упоминание полушутя, полусерьезно о журнале «Кирпи» ему не понравилось, но предложение поработать в амбаре на «Волчьих Воротах» показалось интересным. И, кажется, Хозяин в мгновение ока уловил это.

– Там у тебя будет отдельный кабинет, не то, что в офисе. – Хозяин хихикнул, – но, прости, обеспечить тебя бухгалтершей я не смогу, – снова захихикал, – местечко укромное, что-нибудь еще натворишь...

При этих словах Писатель вновь засмеялся, покачивая головой, но Хозяин не дал ему возможности высказать свой решительный протест.

– Ну, а теперь давай, поднимайся, мне надо будет дать тебе ключи от склада, – сказал он, – работу там ты сам организуешь, склад этот – мое больное место.

Писатель и не понял, как это вышло, что он не стал возражать, не понял, как оказался в «Джипе» владельца. Всю дорогу думал, что Зелимхану надо, почему не отстанет от него.

Приблизительно на полпути к «Волчьим Воротам» Хозяин вновь завел с ним разговор.

– Ты, Поэт, человек образованный, – сказал он, – что думаешь по поводу заключенного соглашения о прекращении огня?

Писатель отвечал откровенно:

– Я это приветствую, – и тут же привел в пример слова Гусейна Джавида: – тот, кто кровопролитие остановит, тот спаситель величайший на земле...

– А что ответишь тем, кто перемирие считает предательством?

– Что говорить мне, каждый своим умом-разумом живет.

Он многих за последние годы повидал, и тех, кто был за, и тех, кто был против, и с полной решимостью пришел к выводу – в политику не вмешиваться, так как чувствовал – быть откровенным в политике невозможно.

– Это перемирие полностью развяжет нам руки, – сказал Хозяин, – я пошлю тебя за границу, будешь нашим представителем, знаю, конечно, склад – не достойное тебя место, но что поделаешь, как говорится, покуда лошади нет, садись на ишака.

У Писателя появлялись мысли во что бы то ни стало уехать за границу, пока здесь все не наладится, пожить, не нуждаясь в насущной корке хлеба, в какой-нибудь благополучной стране, потому-то возразить ему и в голову не пришло. Оглядывая округу, подумал: чтобы добираться сюда, до этих берегов, размытых и разрушенных грунтовыми водами, пропахших откуда-то принесенной вонью промышленных отходов, надо ехать автобусом, а после еще идти, как минимум, полчаса пешком.

Хотя он и не знал, что хранится на этом громадном, аршинов в сто, а то и более, складе, он по выцветшей краске стен, по нарисованным на ней звездам понял, что это каменное строение до недавнего времени принадлежало армейской части. Понял по символам Советской армии – звездам. Надписи на блеклых стенах с осыпавшейся штукатуркой, говорили о прошлом – кто его знает, сколько лет просуществовавшей здесь войсковой части Советской армии.

Хозяин, поднявшись на валун, оперев руки в боки, заявил:

– Эти места мои, строение это я снесу, озеро осушу, такую красоту здесь устрою, но ты тогда Бог его знает, в какой стране будешь.

Писатель, естественно, не верил в мечтания Хозяина, сам же мысленно жил в каких-то дальних странах.

– Ну, как тебе эти места? Нравятся?

Какое-то время поразмышляв про себя над ответом, писатель сказал:

– Как место для склада – неплохое, но дорога сюда слишком утомительна, ума не приложу, как сюда добираться каждый день?

Хозяин, положив ему на плечо руку, заявил во всю мощь своего голоса:

– Не беспокойся, братан, найдется, кому тебя каждый день сюда привозить и вечером отсюда увозить, – проглотив окончание фразы, продолжил, – но пока одну неделю ты будешь находиться здесь...

Писатель вспомнил первого встретившегося ему сегодня утром человека. Много раз было проверено, если утром встречался с этим человеком, то обязательно попадал в какие-то приключения.

Хозяин повторил:

– Пока недельку здесь побудешь.

Писатель не стал интересоваться, почему. Просто спросил:

– Один?

– Нет, как это один? – ответил Хозяин. – Здесь сторож имеется, слушаться тебя

будет, чай тебе заваривать.

Писатель подумал – вот тебе и сесть поначалу на ишака, потом на лошадь перебраться. Значит, поручается тебе сторожить амбар, то есть должность твоя – охранник.

– Эльдар, – окрик Хозяина оторвал писателя от размышлений.

Появившемуся откуда-то из-за стеллажей и мигом бросившегося к ним юнцу в резиновых сапогах на вид было лет двадцать, а может, и того меньше. Подбежав, этот низкорослый широкоплечий крепыш стоял, как в чем-то уличенный, опустив голову, в глаза им не смотрел, уставившись на носки своих резиновых сапог.

Поздоровавшись вначале, как полагается, с Хозяином, он протянул руку Писателю, тихо произнес:

– Добро пожаловать!

– Эльдар – моя правая рука, – сказал Хозяин Писателю, – наше учреждение я создал с его помощью. До сегодняшнего дня склад этот на нем держался, было бы среди моих работников еще хотя бы трое таких, как Эльдар, я был бы полностью спокоен.

Но хвала Эльдару имела неожиданное завершение, повернувшись к юноше, он сказал:

– Однако, Эльдар-бек, отныне твоим начальником буду не я, – показал на Писателя, – а Поэт, считай, он тебе как дядя, что ни скажет, исполняй, слушайся его, он такой же чистый человек, как ты, окуни в воду, потом и выпить ее можешь, уверен, вы подружитесь.

Хозяин не отобрал у Эльдара ключи от амбара и не отдал их Писателю, но выделил в его распоряжение небольшую комнатку, где были условия не только писать, творить, но и просто жить, спать, а для связи с городом и телефон имелся.

Оставшись наедине со своим новым товарищем по работе, немного поговорив о житье-бытье, Писатель показал на телефон.

– Работает?

– А как же, конечно, – ответил Эльдар, – а куда вы хотите позвонить?

Писателю в первую очередь хотелось позвонить домой, сообщить, чтобы не волновались, что ничего не случилось, просто он на неделю задержится, не сможет приезжать домой. Ему было без разницы, как жена воспримет это сообщение, он даже был рад, что целую неделю не будет видеть ее.

Оставаясь в последние месяцы без работы, он охладел не только к жене, но и к дому. Как мужчине, который не приносит жене денег, не охладеть к дому? В кармане пусто, принести нечего, что ж домой-то стремиться?

Выпив чашку чая, заваренного его новым товарищем по работе, позвонив по телефону, рассказав жене о своих приключениях, распросив о ее самочувствии, Писатель вышел, чтобы ознакомиться с местом своей новой работы.

Погода была ветреной, ветер швырял ему в лицо пыль, но он все-таки прошелся вокруг склада не один, а несколько раз, и первое, что он заметил, – птичьи гнезда на высаженных в ряд соснах.

Вой ветра смешивался с карканьем ворон, подняв голову, он увидел появившиеся в этот момент на небе серые облака, нарушавшие здешний унылый порядок.

Видимо, людям здесь надо чаще на небо смотреть, чтобы было за что взгляду зацепиться.

Он смотрел в небо уже минут десять-пятнадцать и думал: люди, как облака, – безвольны, ведь еще вчера он и подумать не мог, что окажется здесь.

Стемнело, почувствовав, что продрог в этой безлюдной степи, он вернулся в комнату и сразу же обратился к своему новому товарищу по работе, оторвав его от событий, происходящих на экране телевизора.

– А тебе не страшно одному в этой безлюдной степи?

– Страшно, почему не страшно? – ответил Эльдар. – Но я пока здесь один не оставался. До вчерашнего дня нас было двое.

– Что случилось с твоим товарищем?

– Ушел.

– Почему?

– Услышал о прекращении огня, решил, что война кончилась. Но я тоже здесь не останусь.

– Почему?

– То есть как – почему? Разве это работа, считай, что тюрьма, но другого выхода пока нет, только выйди, загребут в армию.

– Почему же ты в армию идти не хочешь?

– А что мне идти? Двое братьев погибли в Гарабахе. Недостаточно из одного дома двух шехидов? Я последний в доме, убьют, мать одна, без сыновей останется. Да и старая она уже женщина, кто за ней присмотрит?

Он будто в ладонях держал сердце своего молодого товарища по работе, подумал: надо паренька разговорить, его стоит послушать.

– С матерью видеться удастся?

– Нет, не получается, мать в военкомате сказала, что сын уехал, в России, мол.

– Разве мать не знает, что ты здесь?

– Что я здесь – не знает, знает, что в Баку, каждый месяц деньги ей высылаю.

– А как высылаешь, по почте, что ли?

– Если по почте, попадусь, с Пончиком отправляю.

– А Пончик – это кто?

– Это двоюродная сестра моя, каждую неделю приезжает из Барды в Баку, сыр привозит.

– Зовут ее Пончик?

– Да, Пончик.

– Выходит, то, что ты здесь, известно лишь Пончику?

– Нет, и она не знает, я сам еду, нахожу ее на базаре в поселке «Восьмой километр».

Подумав немного, заявил:

– Только один человек знает о моем местонахождении.

– Кто?

– Участковый...

– Не боишься, что заложит тебя?

– Нет. Эйвазхан-муаллим заткнул ему рот.

Хотя и было Писателю все ясно, но чтобы продолжить беседу, спросил:

– Как это, рот закрыл?

На этот раз Эльдар усмехнулся:

– Непонятно разве, как рот затыкают?

Писатель не отвечал, размышлял, насколько он может быть прав, осуждая дезертирство своего напарника.

Наступившее молчание нарушил Эльдар, задав вопрос, порождающий много других вопросов и ответов.

– Вы хотя бы слышали, чтобы сын какого-нибудь министра, или замминистра, или депутата стал шехидом в Гарабахе?

– Нет, не слышал. Но...

Беседу их прервал телефонный звонок.

Это был Эйвазхан. Хотел узнать, не скучно ли Поэту на новом месте работы? Писатель же не только не скучал, он даже был рад, что встретился с этим молодым человеком; ему давно хотелось создать образ беглеца.

– Я вам хлеба послал, – говорил Хозяин в телефоне, – скоро, наверное, уже привезут.

В последнее время снова появились перебои в обеспечении города хлебом, у Писателя не всегда получалось, стоя в очереди, купить хлеб.

– Со вчерашнего дня не ел хлеба, – сказал Эльдар, обратившись к нему, – правда, здесь полно и макарон, и вермишели, но я без хлеба не могу, хоть тонну мяса съем, наестся не смогу. А как вы?

Писатель не стал отвечать на этот вопрос. Спросил:

– Вам каждый день хлеб посылают?

– Что вы, нет, – замахал руками Эльдар. – Разве удастся каждый день хлеб купить? Раз в три дня.

– С наступлением режима прекращения огня вопрос с хлебом разрешится.

Писатель сказал это, дабы не терять нить разговора.

– Лишь бы разрешился, – сказал Эльдар и перевел разговор совершенно в иное русло. – Я здесь пса держал, послушным был, но от голода однажды сбежал, пропнулся, смотрю, нет его. Нормально с едой станет, нового заведу, в поле собака необходима, надежнее человека.

– Сколько лет тебе?

Эльдар, почувствовав, почему возник этот вопрос, отвечал:

– Дело не в возрасте. В эти свои годы я достаточно нахлебался, много шишек на голове набил. Если рассказать все, что со мной приключилось, в книгу не уместить.

Писатель прямо подскочил на месте, так ему захотелось, чтобы Эльдар начал рассказывать свою историю прямо сейчас. Эльдар, глядя на него, опять сменил тему:

– Сын у вас есть?

– Есть у меня сын, твоих лет примерно.

– Студент, наверное? За границей находится?

– Да нет, в армии он.

Эльдар усмехнулся:

– Не верю.

Писатель сказал ему строго, чтобы знал пацан свое место.

– Почему не веришь? Мне, взрослому мужчине, не веришь?

Эльдар извинился.

– Простите, – сказал он. – В таком случае, он, наверное, в аэропорту.

– С чего ты взял?

– Чего мне не знать, если забирают в армию детей больших людей, только туда и отправляют.

– Нет, мой сын в боевой части, – ответил Писатель, – служит на Гей-Геле.

– Фотография его при вас есть?

У него была фотография сына с двумя армейскими друзьями.

Эльдар то всматривался подозрительно в фотографию, то вглядывался в его лицо и, рассмеявшись, сказал:

– Ваш сын в середине. Я прав?

Затем, нарушив наступившую тишину, спросил, глядя на фотографию:

– Пишет?

– Вначале, когда уехал, писал.

– Солдаты – они все такие, поначалу пишут. Мой брат вначале тоже писал. Ездили к нему?

– Ездил один раз. Добираться тяжело... После Хаджикенда, выйдя из машины, еще километров десять идти пешком.

Очередной вопрос Эльдара его удивил.

– Почему же вы его от армии не откосили?

На этот вопрос он ответил вопросом:

– Почему я должен был его от армии освобождать?

Эльдар усмехнулся.

– Все освобождают. Вы не отец разве?

И жена ему часто задавала этот вопрос, он отмалчивался, сейчас надо было отвечать.

– Хорошо, допустим, мне удалось освободить от армии своего сына, кто-то другой спрятался, третий убежал в Россию, родину кто-то должен защищать?

Эльдар расхохотался.

– Вы говорите, как аксакалы по телевизору, – сказал Эльдар, – как с плаката читаете. Смешно.

Вообще-то эти убеждения Писателя были искренними, они часто принимались с усмешкою, и он знал, почему. Каждый раз, понимая это, он умирал и возрождался вновь.

Разговор этот, наверное, продолжался бы долго, но раздавшийся неожиданно женский голос заставил Эльдара вскочить и выбежать на улицу.

Женский голос, в столь позднее время прозвучавший в пустынной степи, заставил и писателя выйти во двор. В тусклом свете единственной лампы, освещающей двор склада, писатель разглядел стоящую напротив Эльдара молодую стройную женщину с банкой гатыга в руках, рассмотрел в достаточной степени и ее лицо. Женщина не задержалась.

– Спокойной ночи, – сказала она, переведя взгляд на Писателя, и, шагнув в темноту, растворилась в ней.

– Она из беженцев, обосновавшихся в этой округе, – сказал Эльдар, глядя ей вслед. – Скот они здесь держат, приносит мне каждый день банку гатыга, – потом, по всей видимости, для убедительности добавил: – Совсем недорого.

Писатель улыбнулся, почувствовал по выражению лица Эльдара, что причиной прихода молодой женщины к молодому человеку в столь поздний час является не только гатыг...

Сигнал машины, раздавшийся во дворе, кажется, освободил Эльдара еще от

одной печали. Вновь вскочив с места, он побежал открывать двери.

– Нам хлеб привезли, – бросил он на ходу.

Молодого человека с тремя буханками хлеба, появившегося в амбаре после сигналов во дворе, Писатель узнал. Встречал его несколько раз в конторе и сразу понял, что он человек, много знающий о конторе, но не понимающий, что говорит. По внешнему виду, по тому, как аккуратно был одет, он напоминал чиновника, но когда начинал говорить, становилось понятно, что лучше бы он молчал.

– Как настроение у Поэта?

Эйвазхан часто так к нему обращался. Стерпеть это от Эйвазхана он мог, как бы там ни было, они давние знакомые, ровесники, друг другу ровня. А этому молодцу, ни имени которого не знал, ни должности в конторе, следовало дать достойный ответ.

– Это твой отец поэт!

Молодой человек понял, что оплошал, тут же высунул на четыре пальца язык.

– Режь, это не я сказал, а язык.

Он рассмеялся, когда увидел, что Эльдар взял со стола нож, протянул ему.

– Режьте, – сказал Эльдар, – ему язык надо отрезать от самого основания.

Налив в тарелку жидкого обеда, Эльдар прямо руками наломал большими кусками хлеб.

– Не могу я, муаллим, когда хлеб ножом режут, не принимает душа, я дитя айрумское, – сказал он, взял один из отломленных кусков хлеба, смачно откусил. Запах еды, приготовленной из мясных консервов, называемых Эльдаром «Говядин», напомнил писателю армейскую службу, но задаваемые Эльдаром бесконечные вопросы отвлекли его от воспоминаний. Вопросы Эльдара были связаны с соглашением о прекращении огня, остановившим гарабахскую бойню. Эльдар интересовался: если он, положившись на заключенное перемирие, вернется домой, не будет ли обвинен в дезертирстве?

Заключительную программу известий азербайджанского телевидения они, наконец, посмотрели бы вместе, но неожиданно погасший свет завершил их рабочий день. Зажегши свечи, Эльдар сказал:

– Муаллим, давайте-ка спать укладываться, завтра у нас будет много работы.

Проснувшись еще затемно, Писатель по петушиной перекличке понял, что до рассвета осталось совсем немного. Когда же к петушиным крикам прибавилось и бляение овец, Писатель встал с постели, вышел во двор.

Хотел уже было зайти за склад, но, увидев нечто живое, большое, чернее ночи, остановился, как вкопанный, волосы на голове встали дыбом. Заметив уставившуюся на него пару сверкающих глаз, он уже ни сил не чувствовал, ни разума, чтобы что-то понять, и голоса подать не мог. Лишь услышав поскуливание, понял, что это собака. Однако пройти мимо нее за склад не посмел, вернулся, сказал своему коллеге-сторожу:

– Пес твой вернулся, Эльдар, поздравляю!

Эльдар все еще лежал под одеялом и даже похрапывал, но тут же вскочил, стал натягивать сапоги.

– Вот спасибо за известие, с меня магарыч, – сказал он, – только сейчас видел его во сне.

Писатель был уже во дворе, когда Эльдар вышел с большим куском хлеба в руках, стоял и смотрел на громадного черного пса, лежавшего перед воротами, подумал, что Эльдар сейчас бросится обнимать пса, о котором вчера вечером так увле-

ченно рассказывал. Но Эльдар стоял, как стоял, уставившись на пса, потом вдруг сказал:

– Это не моя собака, – вздохнул, – жаль...

Писатель по голосу Эльдара почувствовал, как тот расстроен и не знал, что сказать, чтобы парень пришел в себя.

Черная собака, учуяв запах хлеба, смотрела на руки Эльдара, жадно сглатывая слюну, но из-за страха ни звука не проронила. Чувствовалось, что выжидает момент – видимо, в подобных ситуациях собака оказывалась не раз.

– Дай ей хлеба, – сказал Писатель, – жалко беднягу.

Эльдар решительно возразил.

– Сами хлеба найти не можем, бродячим псам будем раздавать?

– Это не бродячий пес, видишь, на шее ошейник, – сказал Писатель, – потерялся, наверное, или на волю выгнали, видя, что прокормить не могут.

Эти доводы Писателя не смягчили Эльдара.

– Хорошим был бы псом, не выгнали бы, – сказал он, – так что гоните его!

На этот раз Писатель свое несогласие выразил решительнее.

– Нет, гнать нельзя, – сказал Писатель, – может, это испытание, посланное нам Аллахом, может, это вовсе не собака, а человек, пришедший к нам в облике собаки, зачем гнать? Дай хлеба, пусть поест, Аллах во всем сам разберется.

Эльдар все противился:

– Муаллим, если Аллах видит нас, то почему бы ему не внять положению нашему? Ты университет закончил, книги писал, тебе ли теперь в амбаре спать?

Странно, но, казалось, собака знала, о чем идет речь, потому и звука не издавала, ждала, может, Эльдар пожалеет ее...

– Если дадим мы ей хлеба, не уйдет, так и останется здесь, – сказал Эльдар.

– Останется, очень хорошо, – сказал Писатель, – твоею будет.

Эльдар сделал шаг к собаке, присел, посмотрел на ошейник.

– А ошейник-то фирменный, – сказал Эльдар. – Брошенная она, кто его знает, чего такого натворила, почему бросили?

– Допустим, своровала что-то, – сказал Писатель, – а в каком случае собака способна на воровство в своем доме? Когда держат ее голодной. Так что выходит – нет на ней вины...

Эльдар еще ближе подошел к собаке, носком сапога потерев ей бок.

– Да она, кажется, брюхата, скоро щенят принесет.

Писатель решил пошутить.

– Щенята будут, хорошо, – сказал он, – повезем на базар, продадим, ведь породистыми будут.

– Какой бы она породы ни была, до пастушьей собаки ей далеко, – сказал Эльдар. – Моя собака была пастушьей породы, как человек, все понимала, оголодала, потому и ушла, – пройдясь вокруг собаки, осмотрев справа, слева, продолжал, – что породистая – это, конечно, да, породистая, здесь, во дворе, ей не выдержать.

– Ну, этого мы пока еще знать не можем, – сказал Писатель, взял у Эльдара из рук кусок хлеба, бросил собаке. Собака схватила его на лету. – Пусть ест, видишь, как схватила.

На этот раз Эльдар рассмеялся.

– Пусть ест! – сказал он. – Как набьет брюхо, уйдет, не сможет привыкнуть к нашему двору.

– Этого знать нельзя, – сказал Писатель, осторожно потрепав собаку за загривок. Собака действительно не ушла, через несколько дней она стала настоящим сторожем двора этого амбара.

Хвостом с белым пятном она виляла только перед троими: Писателем, Эльдаром и девушкой, что приносила Эльдару по ночам гатыг.

У него сложились теплые отношения с Эльдаром, разговора о девушке он с ним никогда не заводил, но чувствовал, что между ним и девушкой есть какие-то отношения. Вечерами, когда она приносила гатыг, он уходил, бродил по просторам, чтобы хотя бы двоим на этом свете порою счастливо жилось.

К исходу недели Эйвазхан позволил Писателю навестить семью, искупаться, поменять обстановку, выдал зарплату, а кроме зарплаты еще и три коробки с продуктами – мясные консервы, рис, масло, вермишель, чай, сахар для дома. Жена смотрела на привезенные мужем продукты, на банки с маслом, кульки с рисом, вермишелью и, казалось, глазам своим не верила, ведь он еще и целую пачку денег положил перед ней...

Жена будто вмиг помолодела, засуетилась вокруг него. На скорую руку приготовила еду и большую часть поставила перед ним, смеясь, рассказывая что-то, смотрела, как он ест. Потом, вскочив с места, спросила:

– Ты чай будешь пить или кофе заварить?

Писатель уже лет пять не видел жену такой заботливой и ласковой. Все эти ласки, заигрывания ему были знакомы, но он не понимал, почему не может ответить жене тем же, улыбнуться ей?

Потом неожиданное появление жены в ванной, когда он стоял под теплым душем, намыливание ему спины, головы и вовсе его растрогало. Может, мыло и не было таким душистым, но он чувствовал сейчас аромат мыла «Сирень», которым жена когда-то впервые обмывала его. Однако теперь она уже не была той женщиной...

...Вообще-то в последние годы никакой другой женщины он не знал, но по причине жизненных тягот последних лет чего только он не натерпелся от жены.

А сейчас это была будто не та самая женщина, что месяцами не обращала на него внимания, не интересовалась им, стакана чаю перед ним не ставила...

И он, видя теперь такое внимание и заботу, не мог понять, почему не в силах простить ее?

Жене же было без разницы, она словно понимала, что ее обязанность – проявлять ласку, а не ждать ее...

– Спасибо Хозяину, пусть Аллах позаботится о его здоровье, хотя и на душе у меня стало спокойнее после прекращения огня, все-таки отпросился бы на несколько дней, съездил к сыну, деньги теперь у нас, слава Аллаху, есть.

Жена произнесла эти слова уже после того, как он, выйдя из душа, прилег на кровать. Писатель не стал возражать, дабы чуточку задержаться, вновь пережить, как когда-то, пусть даже в грезах, те незабываемые весенние дни.

– Поедем, – сказал он, продлевая едва налаженную теплоту отношений, – почему не поехать, но только пока еще нельзя, сторож останется один, за склад отвечаю я. Нельзя терять доверие.

– Дай-то Аллах здоровья Эйвазхану, – опять сказала жена, – все он умеет: и говорить, и дело делать, надо было давно пойти к нему, пошел бы к нему вовремя, мы бы горя не знали.

Он промолчал, и жена обеспокоенно спросила:

- Работа у тебя, наверное, тяжелая?
- Нет, не тяжелая, – отвечал Писатель, – но ответственная.
- Да и пусть, пусть будет, ты надежный человек.

Работа его на складе не была тяжелой: он вел учет поступающих за день на склад и выбывающих из него товаров, по телефону передавал сведения в головной офис, Гюларе-ханым. Обычно он звонил ей, но случалось, что и она сама, позвонив, интересовалась учетом. Хотя разговор их не переходил официальных рамок, он по голосу Гюлары-ханым с каждым разом все больше чувствовал новый виток жизни, наслаждался необычайным таинством этого голоса...

Ему даже хотелось написать что-то, связанное с этим голосом, но он почувствовал, что из-за новой работы к творчеству совершенно охладел.

По одиночному голосу ночной птицы он понял, что было уже полночь. Голос все отдалялся и отдалялся, будто, бросив все, уходил куда-то. Да и сам он, словно ушел куда-то из этого мира, но, глядя на жену, которая, раздевшись, лежала рядом, видел, что мир снова возвращается, и как бы это странно ни выглядело, дотянуться до лежащей рядом жены он не мог, точно между ними было огромное расстояние. Шепот жены вмиг преодолел это расстояние.

- Ты сейчас о чем думаешь?
- Правду сказать?
- Конечно, правду, ведь ты меня никогда не обманывал?
- Нет, не обманывал...
- Тогда говори правду.
- Есть там у нас на складе черная собака, о ней думаю.

Жена долго смеялась.

– Ну, ты у меня юморист, – сказала она, поглаживая его по голове, по волосатой груди.

Писателя жена разбудила поцелуем, как в сказке. Запах варившейся на кухне рисовой каши охватил всю квартиру. И этот запах был из тех, что оставил след в его жизни. Когда-то в такой же квартире жена готовила ему по утрам рисовую кашу, потом без устали смотрела, как он ест ее, забрасывая ложкой в рот. И песня, звучащая на кухне, была Писателю знакома. В песне говорилось – не будь жестокой, любимая, ведь ты такую не была, тебя ведь подучили...

В это весеннее утро жена будто на сцене осуществляла постановку событий сорокалетней давности: сорок лет назад эта песня была любимой песней двух молодоженов, мужа и жены. Казалось, не весенний дождь омыл стекла окон, а эта песня.

Поднявшись с постели, увидев вращающуюся на радиоле «Серенада» сорокалетней давности пластинку и убедившись, что это та самая пластинка, он удивился: с какой же целью жена сохранила ее, ведь за все это время, часто переезжая с квартиры на квартиру, жена многие вещи, чаще всего это были пластинки и книги, на новое место не перевозила.

Потом, когда он умылся, оделся, сел за стол и опустил ложку в большую тарелку с рисовой кашей, на поверхности которой подтаивало сливочное масло, жена сказала:

- Поторопись, на работу опоздаешь!

Беспокойство жены ему было понятно, поэтому он решил ее успокоить.

– Эйвазхан пришлет за мной машину, – сказал он, – не беспокойся.

Это известие жену обрадовало.

– Дай Бог ему здоровья, – сказала она, – впрок ему все, что делает, чтобы ни говорили, умелый он, ты должен был сам его разыскать, не чужой ведь, зять внучки тети моей бабушки Багдагюль.

Он слышал, что так неожиданно ставший деловым человеком, оборотистым собственником Эйвазхан приходится ему дальним родственником, но просить чего-то для себя не мог. И еще Писателю казалось, что он ни на что, кроме как писать, не способен, хлеб насущный может заработать лишь писаниной.

... Пусть и не по душе ему это было, но он, может быть, и свыкся бы со своей должностью на складе, смирился бы с судьбой... Если бы не черная собака...

Днем собака, пристроившись где-нибудь, подремывала, а ночами сна не знала, от амбара ни на шаг не отходила, и у собаки этой, рычавшей на каждый звук по ночам, на каждый шорох, была своя причуда.

На снующих туда-сюда по двору склада целый день людей и машины, привозящие и увозящие товары, собака, взглянув лишь краешком глаза, больше уже внимания не обращала, но стоило появиться Хозяину, превращалась в раненого тигра, льва. Лай поднимался неимоверный, собака рычала, скалилась, все норовила вонзить в Хозяина зубы.

Эйвазхан, чувствуя эту опасность, приезжая в амбар, от Писателя ни на шаг не отходил, одним глазом все поглядывал на черную собаку.

И в конце концов выразил недовольство:

– Не пойму, с чего эта собака невзлюбила меня, – сказал он, – не знает, что ли, что хлеб мой ест?

Собака будто услышала и поняла эти сказанные полушутя, полувсерьез слова и в этот день на глаза не попадалась.

В один из весенних дней Эйвазхан приехал на склад с молодым человеком. На груди этого высокого, шикарно одетого мужчины красовался депутатский значок.

Хозяин обычно представлял Писателя всем своим знакомым, но депутату не представил, отчего он сделал вывод, что есть, видимо, у депутата доля на складах.

Собака подошла к депутату, это заставило Писателя подойти к ним поближе, быть начеку.

Небольшой черный чемоданчик депутата, пока они ходили по амбару и по округе, Эйвазхан нес лично сам, шел не рядом с ним, а на шаг отступя, все время скаля зубы. Самый забавный момент произошел, когда депутат наступил своими новыми лакированными башмаками на свежее собачье дерьмо, Эйвазхан, как бы это ни выглядело странным, достав из кармана платок, охотно стал вытирать ему обувь. Почувствовав, что Писатель наблюдает за столь неприятной для него ситуацией, решил не придавать значения, засмеялся, подмигнув ему. И для Писателя очевидной стала причина, по которой несколько дней назад Эйвазхан гонял его за сигаретами.

Хозяин, приезжая, как правило, на склад днем, сам следил за погрузкой-выгрузкой товаров, но однажды случилось так, что он приехал в амбар после того, как стемнело. Он был не один. Писатель понял, что привез он сюда эту молодую женщину не для ознакомления. Черная собака вновь проявила свой нрав, отошла лишь после

вмешательства Писателя.

На складе у Хозяина имелась рабочая комната, где были созданы все условия для жизни и работы. В этот вечер Хозяин задержался в своей комнате часа на два, и черная собака все это время от склада не отходила, издавала разные звуки, скулила; кто знает, чем была недовольна эта своенравная псина.

Собака появилась неожиданно, когда Хозяин вел девушку под ручку в туалет, черная, стремительная, неслась на всех парах на Эйвазхана, и он, опередив девушку, закрылся в туалете в тот миг, когда на всю округу «Волчьих Ворот» раздался крик девушки. Но, как ни странно, кусать ее собака не стала, зубов своих в тело не вонзила, ретировалась, подошла к дверям туалета и стала грызть его деревянную дверь. Наверное, она ее разнесла бы, и кто знает, что бы еще было, если бы Эльдар не схватил собаку за холку и не увел бы ее подальше? Далеко во дворе склада посадил ее на цепь давно покинувшей это место его белой собаки.

Когда Хозяин вышел из своего убежища, девушка прошла в туалет, нужды в этом уже не было: в воздухе пахло мочой. Извинившись перед девушкой за происшествие, Хозяин строго наказал ему и Эльдару:

– Уберите эту собаку отсюда!

Писатель и Эльдар переглянулись, ни один из них не проронил ни слова. Эйвазхан, усадив девушку на заднее сидение «Джипа» и заведя мотор, снова обратился к ним:

– Слышали, что я сказал? Уберите отсюда собаку!

Писатель молчал, Эльдар возразил:

– Как это убрать?

Хозяин, чуть повысив голос:

– То есть что значит, как убрать? Не знаешь, как собаку отвадить? А еще ай-румец. Два-три дня не кормите, сама уйдет, собака верна, пока кормишь...

Неожиданно раздался голос девушки:

– Да и люди такие же...

Собаку не кормили не то что три дня, неделю не давали есть, но никуда она не ушла, если и исчезала днем куда-то, вечером возвращалась, до утра не знала сна, словно хотела доказать, насколько она верная.

Через неделю Эйвазхан снова приехал затемно. Писатель, не теряя времени, пока Эйвазхан выходил из машины, дабы ничего не произошло, отвел черную собаку за амбар и там посадил на цепь.

В ту ночь Эйвазхан в своем амбарном кабинете с девушкой, которую представил как сотрудницу Министерства налогов, задержался не на два часа, а на целых шесть. Никому и в голову не могло прийти, что черная собака, напрягшись, найдет в себе силы разорвать цепь и, залегши недалеко от туалета, снова попытается показать свою верность.

Спрятаться на этот раз в туалете у Хозяина не получилось, но ему удалось успеть выхватить пистолет из нагрудного кармана. Выстрел почему-то не прозвучал. То ли пули были старыми, то ли Эйвазхан не сумел послать пулю в патронник. Писатель успел встать между ними, показав на пистолет, сказал:

– Вот почему невзлюбила тебя собака. А я-то думаю, в чем дело, что с собакой случилось?

То что волки и некоторые собаки очень чувствительны к запаху пороха, Писатель вычитал в произведениях одного американского писателя, прочитал, что запах

пороха волков гонит прочь, а некоторых собак, напротив, привлекает, идут на этот запах.

Объяснять все это разъяренному и насмерть перепуганному Эйвазхану писатель не видел смысла, но клятвенно пообещал, что непременно выполнит поручение Хозяина, не сегодня-завтра избавится от собаки.

Указание, как избавиться от собаки, Хозяин, садясь в машину, дал сам:

– Поэт, собаку «потеряешь» ты, возьмешь такси, отвезешь в Говсан, правда, это не очень далеко, но живой она оттуда не вернется...

Хотя поручение это касалось напрямую Писателя, Эльдар подал голос:

– Потеря собаки пусть будет на мне, Эйвазхан-гага, – сказал он, – но и вы с правами поторопитесь.

То, что Эйвазхан обещал Эльдару достать водительские права, Писатель знал, но никак не мог поверить, что у Хозяина получится сделать это для скрывавшегося в амбаре беглеца. Он так и сказал Эльдару – чтобы тот не особо верил, не все, что говорят и обещают, сбывается. Когда же Хозяин достал из кармана водительское удостоверение, выписанное на имя Эльдара, и раскрыл его перед ними, Писатель был просто поражен.

– Вот они, твои права, – сказал Эйвазхан, – но только зачем они тебе сейчас? Даст бог, закончится режим прекращения огня, объявят мир, когда ты уже будешь знать, как тебе быть, тогда я и отдам тебе твои права, мы ведь пока живы, правда? – посмотрел на Писателя: – Как я, прав?

Писатель промолчал, Хозяин вновь обратился к Эльдару.

– Но от собаки Поэт сам пусть избавится, – сказал он, – в Говсане ты и сам можешь заплутать!

На следующий день Писатель нанял такси, чтобы отвезти черную собаку в Говсан и оставить ее там. Водитель, увидев собаку, сказал:

– Зачем ее везти? Отдайте мне, я возьму, мне как раз такая нужна, сторожить скотину.

Хотя и было это предложение Писателю по душе, соглашаться он не спешил.

– До Говсана довезем, а там, как знаешь.

– Я как раз в Говсане и живу, – сказал водитель. – Раз уж я везу ее к себе домой, тебе-то какой смысл ехать со мной?

Мысль, конечно, была резонная, но писатель, как многоопытный человек, боялся, что водитель обманет, отъедет немного да и выпустит собаку.

Эльдар поддержал Писателя, обращаясь к водителю, сказал:

– До Говсана довезите, а там как вам будет угодно.

До самого Говсана водитель молчал, лишь раз высказался в адрес Эльдара.

– Проныра этот пацаненок, все в этом мире знает – и что под землей, и что сверху. Но я его не виню, почему он должен верить мне? Если сам пророк сказал: кроме меня, никому не верьте.

Писатель, заинтересовавшись, спросил:

– Какой же пророк сказал это?

Водитель ответил, немного погодя.

– Это пророк Иса сказал.

– Я и говорю, – сказал Писатель, – Магомед этого не говорил.

Когда во дворе в Говсане собаку вывели из машины, и водитель, надев на нее ошейник, посадил ее на цепь, Писатель в душе порадовался: собаку он жалел еще и

потому, что та вот-вот должна была оцeniться.

После того, как «потеряли» черную собаку в Говсане, Хозяин стал чаще появляться в амбаре. Однажды даже остался в своем кабинете на всю ночь. Конечно, не один...

Потом один из летних путаных снов Писателя повторился наяву. Утром, проснувшись, он увидел, что черная собака вернулась, на шее белый ошейник. Разбудить Эльдара заставили глаза собаки: они были мокрыми. Естественно, собака не плакала, глаза были мокры от выпавших на ее долю мучений, кто знает, сколько дней добиралась она до «Волчьих Ворот» из Говсана?

Эльдар, отломив ровно половину оставшегося с вечера хлеба и бросив его собаке, сказал:

– Не понравится Эйвазхан-муаллиму, если он опять увидит ее здесь. Что делать будем?

Писатель тоже об этом думал. Вдруг...

– Может, отведем ее к беженцам, – спросил он, – к тем, что тебе гатыг посылают?

Эльдар, покраснев, ответил:

– Нет, – сказал он, – они сами еле концы с концами сводят, как еще и собаку прокормить?

Писатель был уже достаточно осведомлен об отношениях Эльдара с семьей беженцев из Гарабаха, обосновавшихся в районе «Волчьих Ворот», и не сомневался, что одной из причин, держащих его здесь, а может, самой главной причиной, была невеста, которую среди них он себе нашел.

– Во всяком случае, – сказал Эльдар, – нам надо что-то придумать, если Эйвазхан придет и увидит ее здесь, поднимет шум.

Целый день они искали выход, вечером же собака сама исчезла. И на следующий день собаку никто не видел. Но на третий день оказалось, что собака никуда не пропадала, она оценилась, затаившись под брошенным листом жести в дальней части складского двора.

Из восьми щенят только один родился, как она, черным, остальные были серыми, рыжими, желтыми. Еще ни у одного из щенят не прорезались глаза, а черная собака всех их уже кормила. Они еще и звука проронить не могли, копошились у материнского брюшка, но на запах молока тянулись к соскам.

Это было зрелище, от которого Писатель оторваться не мог.

Ради щенят сварил Писатель для собаки еду. Он туда и масла добавил, чтобы, поев, собака могла досыта накормить малышей. Эльдар, пересчитав щенят, заявил:

– Подохнут они все, дело к осени, от холода подохнут. – Потом совсем не к месту добавил: – Больше, чем собака, ни один зверь щенят не приносит, а стай собачьих не бывает.

Больше возвращения собаки Писателя радовало то, что она оценилась, он думал – теперь ему здесь скучать не придется.

Щенята, после того, как у них открылись глаза, похорошели, и Писатель впервые, может быть, пожалел, что у него нет кинокамеры. Очень хотелось заснять щенят, как они сосут мать и на ходу засыпают, во всяком случае, он, как писатель, сумел заснять этот вид на ленту своей памяти, и щенята снились ему во сне.

О том, что черная собака оценилась, знали все, кто привозил на склад и увозил из него товары, и все шли смотреть на кормление щенят. Однако черная собака

не каждого подпускала к своему жилищу за жостью, иногда даже и на Писателя рычала, когда он делал попытки, протянув руку, погладить какого-либо из щенят.

Гюлара-ханым также узнала о собаке, даже позвонила как-то, чтобы справиться о щенках.

У похорошевших щенят появлялись даже покупатели. Эльдар в шутку говорил: щенки достанутся тому, кто оставит задаток.

Щенков же осталось лишь пятеро, трое погибли, еще не открыв глаза.

Жилище свое черная собака покидала очень редко, словно знала, что крысы уже учуяли запах живности. Двух еще не открывших глазки щенят нашли загрызенными крысами. Он не знал, понимала это черная собака или нет. Оказывается, даже стервятники «Волчьих Ворот» уже знали, что черная собака родила и где она располагается со своими щенятами, целыми днями кружили в небе над этим местом. В один из солнечных летних дней, как раз тогда, когда стервятнику удалось неожиданно унести добычу, на склад приехал Эйвазхан. На этот раз в «Джипе» была другая девушка. Еще собака и лаять не начала, как Эйвазхан, не выходя из машины, стал ругаться.

– Поэт, разве я тебе не сказал, чтобы ты убрал отсюда эту собаку?!

Писатель долго молчал, не знал, что говорить. Хозяин еще никогда с ним так строго не разговаривал, не задавал вопросов в таком тоне.

– Так я ее и увез, – сказал он, – как вы говорили, в Говсан, но она вернулась, что поделаешь?

– Вернулась?! Убей! Что, не можешь?

Вопрос этот, пронзив все нутро Писателя, растворился, и он снова не смог ответить.

Хозяин выйдя из машины, обратился к девушке.

– Выходи, кого ждешь?

Девушка возразила по-русски:

– Ни в коем случае, я боюсь.

Хозяин пошел не к девушке, а к собаке, Писатель увидел у него в руках пистолет, попытался вмешаться, но сил отобрать пистолет не хватило. Вместе с выстрелом раздался визг собаки, Писатель вздрогнул, он еще никогда так не пугался: будто это не собака визжала, а насмерть перепуганный человек. Покрасневшие черные глаза собаки, обведа угасающим взором округу, медленно закрылись.

Щенята, что-то учуяв, вышли из укрытия, стали толкаться у материнских сосков. Кровь, окрасив соски собаки, стекала по животу на землю. Щенятам же было без разницы, лишь бы поесть досыта.

Вдруг неожиданно Эйвазхан повернулся, Писателя удивили его блестящие, полные влаги глаза, он стоял, сжав кулаки.

– Ты в грех меня ввел Поэт, знал бы, что щенята у нее, не стрелял бы.

...Возможно, куда-то на важное дело спешащих полицейских свернуть с дороги заставил почти человеческий визг собаки. Выйдя из машины, на крыше которой продолжали работать мигалки, они с опаской подошли к Хозяину. Оглядевшись по сторонам, старший по званию спросил:

– Какие-то проблемы, Эйвазхан-муаллим?

Пистолет был у Хозяина в руках, глядя на оружие, он ответил:

– Собаку подстрелил, знал бы, что с щенятами, ни за что бы не стал убивать.

Писатель был знаком с полицейскими, и машину их видел. И знал, для чего они

раз в месяц приезжают поздороваться с Эйвазханом...

Офицер положил руку на плечо Эйвазхана.

– Можешь всех перестрелять, – сказал он, – а закопать – это наше дело, – потом спросил. – Эту отнести закопать?

Хозяин отвечал сквозь зубы:

– Было бы неплохо.

Полицейские волокли по земле тело собаки, а один из щенков так и не отпустил сосок матери, словно знал, что больше уже никогда не попробует такого сладкого молока.

Один из полицейских, решив пошутить, сказал:

– Начальник, вот если бы ты был в Голландии, дело это так легко не обошлось бы, все-таки умышленное убийство, уголовное преступление, штраф минимум в пять тысяч долларов.

Хозяин громко рассмеялся.

– Пятидесяти долларов тебе будет достаточно, – протянул им деньги, – вот вам, пойдете, пообедаете, но только после того, как собаку закопаете.

Писатель смотрел и думал: когда-нибудь он об этом напишет, и потому решил для себя, что никогда не пожалеет, что часть его жизни прошла здесь, на складе, среди крыс...

После того, как скрылась полицейская машина, Хозяин не стал задерживаться, прошептал что-то на ухо Эльдару, сел в машину и уехал.

Поздно вечером, когда уже наступила ночь, Писатель стал прощаться со своим товарищем по работе.

– Я ухожу отсюда, – сказал он. – Сам смотри, но учти одно: перемирие может продлиться еще сто лет. Ты же не будешь отсиживаться здесь сто лет!

Эльдар вздрогнул.

– Как это – может длиться сто лет?

– Да, может, и сто лет продлится, – сказал Писатель, – потому что прекращение огня всех устраивает...

– Я доверяю вашему мнению, – сказал Эльдар, – но понимаю и другое: если выйду отсюда, меня арестуют, а здесь, во всяком случае, получше будет, чем на зоне...

...Щенята, выйдя из своего укрытия, подошли к ним, стали скулить, будто только что поняли, что теперь уже сладчайшее материнское молоко они могут попробовать только во сне.

Писатель, погладив одного из них, сказал:

– Одного я приеду и заберу, еще одного возьми ты.

Эльдар ничего не сказал, потом охотно откликнулся на раздавшийся неподалеку знакомый голос:

– Иди сюда, чужих нет!

Девушка, приносящая каждый вечер банку гатыга, Писателя уже больше не стеснялась. Приходила с непокрытой головой, также с непокрытой уходила.

Жена хоть и удивилась его неожиданному возвращению, но вида не подала, встречала, улыбаясь, но после ужина, выяснив все и поняв, что муж больше на склад

не вернется, свое несогласие выразила лишь одним вопросом:

– Что же мы теперь будем делать?

Писатель ответил скупом:

– Я не могу жить под покровительством лиса.

Жена, повысив голос:

– А ты что, лучше тех, кто живет под покровительством лис?

Он промолчал, жена продолжала ворчать:

– Кто не хочет быть под покровительством лис, должен быть лисом сам, но ты и этого не можешь!

– Время покоса, в селе траву косят, поеду в село, там всегда есть работа.

Жена издевательски рассмеялась:

– Ну, как знаешь, – сказала она, молча пошла в спальню и, словно оттого, что ей больше нечего было сказать мужу, сильно хлопнула дверь.

На следующий день Писатель до самого вечера искал работу там, где, как ему казалось, мог ее найти. Ходил даже к знакомому директору гаража. Когда вернулся, выяснил, что его целый день искала по телефону женщина. Женщина недолго заставила гадать, кто бы это мог быть. Позвонила снова, это была бухгалтер офиса Гюлара-ханым.

Голос ее пронзил его до мозга костей, душа раскрылась.

– Эйвазхан-муаллим хочет вас видеть, – сказала Гюлара-ханым, – прошу вас приехать завтра в офис.

От этого предложения защемило сердце, и он ответил уверенным голосом.

– Нет, Гюлара-ханым, в этот офис я больше не приду. Передайте Эйвазхан-муаллиму, пусть не беспокоится обо мне, я нашел себе работу.

Самое неожиданное произошло на следующий день. Уже глубоким вечером Хозяин сам пожаловал к нему домой.

– Не обижайся, Эйвазхан, в это твое учреждение я уже больше не приду.

– Не придешь и не надо, – сказал Эйвазхан. – У меня к тебе другое дело.

– Какое?

Хозяин не ответил, молча открыл крышку дипломата, достал из него аудиокассеты, высыпал на стол.

– Здесь десять кассет, я всю свою жизнь надиктовывал на эти кассеты – и прием в комсомол, и первую свою любовь, и ваши издевки надо мною.

Писатель вдруг вспомнил, как в детстве они мучили, издевались над Эйвазханом: его называли Лисом. Но не в лицо, а за глаза. Видимо, Эйвазхан знал об этом.

Вообще-то Писатель приблизительно понял, что хочет от него Эйвазхан, но все же переспросил.

– И чего ты хочешь?

– Хочу я, чтобы все записанное на кассетах ты перевел на бумагу, обратил в роман.

– Это могут сделать и другие.

Эйвазхан покачал головой.

– Поэт, я знаю, куда пришел, мне надо, чтобы вышло это из-под твоего пера.

Пока Писатель искал пути для вежливого отказа, свое отношение высказала жена:

– А я беру на себя рукопись перепечатать на машинке.

Вмешательство жены не понравилось Писателю, но он промолчал. Последнее

свое слово Эйвазхан сказал, положив на стол тысячу американских долларов.

– Это задаток, остальные две тысячи долларов я отдам постепенно, потом у нас будут и другие проекты.

У Писателя после распада Союза таких денег в руках еще не было, эта пачка виделась ему змеей, дотронься – ужалит.

Когда Эйвазхан ушел, жена сразу нашла, куда потратить оставшиеся лежать на столе деньги.

– Дочь без приданого выдавали замуж, чувствует теперь она себя перед свекровью и свекром неловко, первым делом купим ей мебель. А потом и сына поедем навестить.

Ему казалось, что после прекращения огня солдат, прослуживших в национальной армии три, четыре, пять лет, постепенно начнут увольнять, вернется в их числе и его сын, но об этом пока разговоров не было, и все еще продолжали поступать тела шехидов.

Он не находил себе места. Ночная прохлада облегчения душе не принесла, он немного побродил по двору, осмотрел виноградник на навесе, потом вернулся домой.

– Где деньги? – спросил сердито.

Жена отвечала дрожащим голосом.

– Я взяла.

– Зря. Неси сюда!

– Зачем тебе деньги ночью?

Ответил он строго:

– Сам знаю, – увидев растерянность жены, фразу закончил тихо, – верну.

Жена удивилась.

– Ты с ума сошел!

– Да, сошел, – ответил он спокойно.

Уже выйдя из дома с деньгами и сев в автобус номер 44 у метро Ахмедлы, вдруг вспомнил, что не знает ни дома, где живет Эйвазхан, ни номера его телефона. Вспомнилась Гюлара-ханым. Из новых товарищей по работе он знал только ее номер телефона.

Услышал ее голос в телефонной трубке, и куда-то исчезли его гнев и злость, поэтому к цели своего звонка перешел не сразу, расспросил о делах, самочувствии.

Дав ему номер телефона Эйвазхана, она сказала:

– Вы сегодня сделали меня счастливой, звоните иногда...

Ему думалось, что эта одинокая женщина поинтересуется, для чего ему в столь поздний час телефон Эйвазхана. Но Гюлара-ханым не спросила. И хорошо, что не спросила.

Возвращаясь домой после встречи с Эйвазханом, в автобусе и в метро он думал о произведении, которое станет писать. Название уже придумал: «Яллы перемирия». Решил, что рукопись эту, прежде, чем отнести в редакцию, даст почитать Гюларе-ханым...

И когда, наконец, взял он в руки перо и стал писать, ему показалось, что он пишет, глядя на Гюлару.

САИДА СУБХИ

МОНОЛОГИ СОВРЕМЕННОГО

Иллюзорное

*Иллюзия — это вера в реальность
того, чего не существует...*

Шри Иша Упанишад

Мы все уроды —
 в иных мирах.
В своих невзгодах —
 как в рудниках...
Разрыты клады
 святых мощей.
Ползем, как гады,
 в тисках вещей.
Была Победа,
 была война —
Забыты деды
 и ордена...
«Натюре морте» —
 ни лечь, ни встать.
Идет с аборта
 уже не мать...
Наш мир иллюзий —
 кошмарный сон,
Зажатый в узел...
 А был ли он?..

* * *

...И как же тут не выжить из ума?..
Как жалок мир, больной, как я сама!..
Мне жалко пса и жалко сироту,
и голоса, что гаснет на лету.
Как тесен мир — теснее тесноты...
Раздеть себя до вздорной наготы
и зашагать, с прохожими на «ты»...
Зачем, скажи, позориться в кругах,
где кто не в дураках — тот во врагах?..
И как, скажи, не тронуться умом?..
Я знаю мантру.
Помогает.
— Ом-м-м...

* * *

Сойти с ума, да не сойти с пути:
унять сердцебиение в груди,
не спать, не есть, не пить и не дышать,
ходить босым в мороз и не дрожать.
Усердно медитировать на смерть,
никем не быть и ничего не сметь,
не убивать, не врать и не вредить,
покаяться в грехах и всех простить.
Петь мантру «Харе Кришна» (или «Ом»),
читать молитвы, биться в небо лбом,
листать ночами жития святых,
держаться в стороне от суеты,
раздать долги, в отшельники уйти...
Сойти с ума –
но только не с пути.

Тост

За мой несостоявшийся рояль
и за твою несбывшуюся скрипку,
за встречный взгляд,
за наш с тобой февраль,
ж-д вокзал и первую открытку;

За истину горчащего вина,
за вербы, за тюльпаны и за розы,
за то, что на двоих одна вина
и крест литературного невроза.

За то, что мы с тобой, как Нет и Да,
как Инь и Янь, как черно-белый кадр,
за то, что на двоих одни – беда,
и кукловод,
и кукольный театр.

За мысли вслух и за слова в блокнот,
за ночь, фонарь и улицу с аптекой...
За то, что на двоих одно окно,
и подоконник, и библиотека.

За музыку, музеи, поезда,
шум города и тишину природы,
за то, что на двоих одна звезда,
и Родина, и вера, и порода...

За то, что пьем с тобой на брудершафт,
за эту дрожь мурашками по коже...
За то, что на двоих одна душа,
одна Любовь,
и Бог,
и хлеб, и ложе...

* * *

Надежда – жестокая штука:
когтями берет за кадык.
Устала протягивать руку,
в ответ получая под дых.
Вы все мне, как блудные дети –
вернетесь отпеть, отмолить...
На грешном, измученном свете
мне просто хотелось любить...

Без названия

Я предпочла бы ничего не значить
И никого собой не озадачить.
Оставь меня за чаем, я в печали...
Куда бы мне отчаянно причалить?..

Воздействуя то явно, то подспудно,
друг друга мы дурачим обоюдно,
живя и помаленьку умирая...
«Кину конец» –
я больше не играю.

...А чтобы жизнь
малиной не казалась,
я в ней посмертно разочаровалась...

Письмо

...Я напишу тебе письмо
и отнесу на почту.
Быть может, пряною весной,
когда деревья в почках,
почтовый голубь донесет
обветренный конвертик
с пустым листом,
что позовет
тебя в мое бессмертье!..

Птенчик

Я, как из клетки вылетевший птенчик,
из всех аптек, и оптик, и аптек,
из всех больничек и госпиталей
бежала – что болей, что не болей –
от опухолей и иных болячек,
что я припоминаю наудачу,
которых мне не показалось мало...

Но я свое, похоже, отхромала...

Монолог поэта

**Я был, есть и буду,
как вечность и миг –
нигде и повсюду,
и мал, и велик.**

**Ни жизни, ни смерти
мне более нет.
Я – стихнувший ветер,
я – вспыхнувший свет.**

**Ни ада, ни рая,
ни дна, ни конца...
Я – тот, кто играет
в театре Творца.**

**И мост, и дорога,
и птица, и зверь...
Я – в Господа Бога
открытая дверь.**

Сон

**Приснилась мне намедни
зеленая звезда,
луны горошек медный,
комета без хвоста.**

**А над лесной копною –
молочные дожди,
и что-то там такое
про смерть, любовь и жизнь.**

**Менялись панорама,
актеры и декор,
больницы, тюрьмы, храмы,
моря, вершины гор...**

**Летучие фрегаты,
крылатые киты,
и молнии раскаты,
и лунные коты.**

**И что-то неземное
мне голос пел во сне
и говорил со мною
о вечном и весне.**

**Что на планете этой,
как на любой другой,
лишь обратившись к Свету,
ты обретешь Покой...**

Посвящение себе

Очнувшись от четвертого наркоза,
дойдя до алогичного конца,
я все же верю в Дедушку Мороза,
в Святого Духа, Сына и Отца.

В Мадонну, Магдалину и Матрону,
и в Гену с Чебурашкой, и в Ягу...
А вот в байду мирского лохотрона –
как ни старалась, верить не могу!..

Сойдя с чужих трибун и пьедесталов,
сбежав из всех больничек навсегда,
я осознала, что никем не стала...
Никем другим,
а вот собою – да.

Теперь, горя в немом уединенье,
со всей своей любовью – не к себе,
питаюсь светом, умываясь тенью,
я буду вновь протягивать к тебе

свою уже не руку (что в ней проку?..),
а только лишь подобие крыла.
А то, что жизнь была ко мне жестока –
но ничего, зато она была...

Из всех своих смертей и возрождений
извлекла одну лишь пустоту,
из лунных снов и солнечных видений –
одну лишь правду, да и то не ту.

А то, что мне осталось от любви,
я отдаю Тебе на сохраненье,
и этот жар в негаснущей крови,
и тишину, и все стихотворенья,

всю высоту, и всю несуету,
и голос свой, звенящий на лету
в той комнате на третьем этаже,
где я – уже не я,
где я уже...

СЕЙРАН СЕХАВЕТ

К а р у с е л ь

Рассказ

Перевод ЛАЧИНА

Фатма обронила как-то раз, мол, буфетчик Сабир – ещё тот кобель, мужик что надо, от него озноб по телу, ненасытный такой, у-ух, сестричка...

Женщина, которой Фатма доверила этот секрет, тоже раз обмолвилась, мол, говорят, буфетчик Сабир – тот ещё мужик, неутомимый...

Этого было достаточно, чтобы буфетчик Сабир стал притчей во языцех некоторых женщин, прозвавших его «видным мужиком».

Тридцатилетняя Фатма была миловидной полной женщиной, и к тому же весьма элегантных манер. Поддавшись её обаянию, даже самый завалющийся субъект вспоминал, что он тоже мужик. Сочные выпуклости её груди так и лезли в глаза мужчинам, и те глазели на них, точно охотники на птиц в небе. Фатме это нравилось, хоть сама она и не стремилась кого-то соблазнять. Уж такой её создал бог, и она имела такое же право захаживать на базар да в лавочки, что и остальные женщины районного центра. Раз видели её выходящей из городской библиотеки.

Хоть Фатма и пробыла десять лет замужем, но детей у неё не было. Муж её был кузнецом, весьма уважаемым кузнецом в этом маленьком городке, а сама она работала медсестрой в центральной больнице района. Овдовела Фатма – муж её в прошлом году, возвращаясь домой с вокзала, погиб в автомобильной аварии. Сейчас она жила одна.

А буфетчик Сабир работал в павильоне, что на берегу реки стоял. Шашлык готовил, следил за чистотой и порядком, клиентов обслуживал, самовар ставил. С каждым мог и разговор поддержать, и пошутить. Словом, на все руки мастер, да и языкастый к тому же.

Было буфетчику Сабиру сорок лет. Была у него дочь; в прошлом году, незадолго до гибели мужа Фатмы, замуж вышла. Зять Сабира монтером работал, и звали его тоже Сабир – монтер Сабир. Когда дочери буфетчика было пятнадцать лет, жена его захворала, невесть с чего за несколько дней истаяла, хотела с предсмертным вздохом сказать что-то, но не успела. Так и осталось тайной для горожан, что с такой здоровой женщиной вдруг приключилось...

Остался буфетчик Сабир вдовым. Жил один. Дочка часто его навещала, прибирала, подметала, да и возвращалась в своё гнездо.

Фатма без мужа осталась, буфетчик Сабир без жены. Тут только ашуга Алескера в пору вспомнить, вот и вспомним:

*Тебе б вдовой остаться, мне вдовцом,
Были б мы с тобою вместе в трауре...*

Но ведь жизнь-то продолжалась, и даже светлая память о муже Фатмы и жене буфетчика Сабира не могла застопорить её ход – что случилось, то случилось... И потому не кажется ли вам, что когда ашуг Алескер писал вышеприведённый бейт, да декламировал его на меджлисах, то имел в виду именно Фатму и буфетчика Сабира? Лично мне кажется, что Дед Алескер этот бейт именно им посвятил. Это можно и благословением посчитать – благословением Деда Алескера Фатме и буфетчику Сабиру. Сами думайте...

В тот день буфетчик Сабир поставил свой модный, новенький, в масле, серый «Москвич-412» под деревьями за павильоном, мол, нет меня здесь, закрыт павильон. Запер дверь павильона на замок весом с килограмм, а ключ в карман упрятал. Потом обогнул павильон и вошёл в него через заднюю дверь. Посмотрел на часы. До часа ночи оставалось двадцать минут. И столько же минут оставалось до прихода Фатмы. Каждый раз, поджидая Фатму, он предпринимал все эти меры предосторожности. Очень боялся позорной огласки. Не сегодня-завтра собирался он стать самым молодым дедушкой в городе, и так радовался предстоящему событию...

Горела одна лампочка. Каждый раз, возвращаясь домой, буфетчик Сабир, гася повсюду свет, оставлял гореть одну эту лампочку. Это воспринималось всеми как мера предосторожности. Хоть и приделана была лампочка «ко лбу» павильона, но когда она горела, слабый свет просачивался вовнутрь, создавая романтическую атмосферу. Это и Фатме нравилось – деревенская романтика...

Всемирно известным отелям – «Хилтону» и «Паласу» – подобная романтика и не снилась. Они видят другие сны.

Буфетчик Сабир вытащил из холодильника приготовленную днем кавурму и положил на электрическую печку. Разложил на складном, на двоих, столике сыр и зелень. Не забыл и два гранёных стакана с двумя стограммовыми стаканчиками. Стол, вместе с самим буфетчиком Сабиром, был готов. В этот час все сто десять тысяч жителей района спали сладким сном. Все, да не все – были ещё двое...

В пятидесяти – шестидесяти метрах от павильона появилась тень, поспешно, крадучись, приблизилась к павильону, прошла через заднюю дверь и обратилась в Фатму. Всегда так бывало: сперва явится тень, потом сама Фатма.

Буфетчик Сабир со стуком захлопнул дверь, но оба они – и Фатма, и Сабир – не вздрогнули от этого звука. Этот звук стал для них привычным и родным, с ним врывались они в реку своих желаний, что и несла их дальше – так чего им вздрагивать?

Взять бы и написать сейчас: «как только она вошла, они прильнули друг к другу, сплелись в объятии, и буфетчик Сабир стал покрывать поцелуями её шею, лицо и грудь», только неправдой всё это было бы; вас бы, может, я убедил, да только сам бы в это не поверил.

Войдя в помещение, Фатма сразу прошла к своему обычному месту и уселась, а буфетчик Сабир принёс и поставил на стол, на железную подставку подогретое мясо. Будь я лично знаком с Фатмой и буфетчиком Сабиром, вложил бы в конверты бейт ашуга Алескера и отправил бы по их адресам. Стопроцентно уверен, что не знают они этих стихов, не читают, чёртовы дети, как книгу увидят, будто материнского хахаля увидят.

– Фатма...

– Что, родной...

– По сто грамм коньяка со мной выпьешь?
– Сабир, миленький, я с тобой и яду выпью, только я ведь и на вкус не знаю всё этакое.

- Не знаешь, так узнай.
- Ой, Сабир, боязно мне...
- Да чего ж ты боишься?
- Боюсь, голова закружится, не устою, упаду.
- Не бойся; будешь падать, подхвачу.
- Сабир, а если я выпью, я не буду тебе противна?
- Так я ж при тебе столько раз пил здесь. Ну и что, опротивел я тебе?
- Нет, не дай бог... Только ты дело одно, а я другое...
- Почему же другое?
- Так я ж баба...
- Ну и что?
- Ну, говорят же...
- Что говорят?
- Если баба пьёт, знать, гулящая.

Смутился, растерялся буфетчик Сабир, видать, крепко ему не понравилось слово «гулящая».

– Ладно, – сказал, – я один выпью... Будто я каждый раз не пью один... – добавил он, не глядя на Фатму.

- Не обижаешься? – кокетливо спросила Фатма с улыбкой.
- Не пьёшь – не пей, я ничего не говорю...

Буфетчик Сабир встал, взял в углу павильона припасённую пузатую бутылку коньяка и поставил на стол.

- Видишь, что на бутылке написано?
- «Ширван», – прочла Фатма надпись на этикетке.

– Во, точно... Хороший коньяк. Его большие начальники пьют. Первые секретари, почитай... Даже повыше райкомов, не каждый в исполкоме его пробовал... В Баку купил. Дорогая вещь... Специально для тебя, между прочим... Ну, тогда я твой стаканчик уберу, что ли...

- Не-ет, не стоит для этого из-за стола вставать, – игриво возразила Фатма.

Сперва буфетчик Сабир «Ширван» открыл, наполнил стограммовый стаканчик.

– Да не сочтет Аллах тебя, Фатма, чрезмерным благом для меня, – сказал он. На сей раз он свой рот открыл, да туда коньяк и отправил.

При каждой встрече Фатма слышала от него эту фразу по три-четыре раза. Длинных тостов буфетчик Сабир не любил. Повторяющаяся фраза не надоедала Фатме, напротив, каждый раз она с нетерпением ждала этих слов, которые она знала наизусть, и каждый раз будто впервые их слышала. А буфетчик Сабир всегда подкреплял эту фразу ста граммами водки – коньяк сегодня был впервые.

– Да, наверху-то знают толк в выпивке. Как по маслу прошла. Говорят, что это, – показал головой на бутылку, – сразу в кровь проходит. Да как побежит по крови... – он легонько провёл рукой по животу.

Фатма не то, чтобы ела, так, поклёвывала, а буфетчик Сабир ринулся на еду, как изголодавшийся. Фатме доставляло удовольствие смотреть, как он уплетать умеет: какой едок, такой и мужчина...

Буфетчик Сабир был не из тех, что со своими клиентами по пятьдесят грамм

опрокидывают. На такие предложения он отвечал:

- Ты где работаешь?
- Ты же знаешь, в банке...
- На работе пьёшь?
- Не-е...
- А почему?
- Нельзя же, на работе то...
- Вот и мне нельзя; я что, не на работе, что ли?

Только на свадьбах знакомых он расслаблялся, ел и пил будь здоров, а потом, что-то напевая себе под нос, возвращался домой.

Трижды в неделю, по чётным дням, он изменял своему обычному распорядку и действовал в соответствии с распорядком Фатмы. Днём это было невозможно – человека со свету сжили бы. Только глубокой ночью. Вот и сейчас была одна из таких ночей.

Утирая пальцем жирные губы, он заметил на себе взгляд Фатмы; не выдав своего смущения, вытер руки бумажной салфеткой, говоря Фатме со смехом:

– Что ты смотришь так?

– Так я ж и пришла сюда на тебя посмотреть... – Фатма растаяла в улыбке, буфетчик Сабир растаял за ней, и этот необычный процесс таяния завершился тем, что их руки сплелись воедино.

Вот и стал буфетчик Сабир одноруким, и ко Второй мировой войне это вовсе не имело отношения... Улыбнувшись Фатме, он сразу получил ответную улыбку, захватил другой рукой, что приказа об аресте ещё не получила, со стола кучу зелени, запихал в рот да так пошёл уплетать с хрустом, что смахивал на машину, перемалывающую силос. Налил себе коньяк правой рукой, поскольку левая ещё амнистии не получила. Он вконец раскраснелся, и это прибавляло ему обаяния. Взял он стаканчик, дабы ещё более раскраснеться да покрасивше выглядеть, и повторил:

– Да не сочтет Аллах тебя, Фатьма, чрезмерным благом для меня...

Фатьма будто языка лишилась, только глаза говорили, будто язык у них развязался...

Началась вторая серия поглощения пищи буфетчиком Сабиром, да без всяких титров и всякого такого, и казалось, что через пять-шесть минут посуда на столе зеркалом заблестит, так он её вычистит. Несомненно, процесс поглощения Сабиром пищи действительно был сюжетом для многосерийного фильма, и единственным, но страстно заинтересованным зрителем была Фатма. Кто знает, может, если бы явился второй зритель, неважно, какой красоты и обаяния, Фатма пополам бы треснула, потому что весь этот сериал, с его главным героем, принадлежал одному человеку – Фатме.

Буфетчик Сабир, кажется, сделав вывод из недавно брошенного на него взгляда Фатмы, утёр блестевшие от масла губы салфеткой.

– Фатма...

– Да, родной.

Если б она ничего не ответила, он бы сразу к делу перешёл. А теперь он немного помолчал и сперва сказал о другом.

– Ты никому не проговорила секрет?

Впервые он задал такой вопрос за долгое время их встреч, и Фатма была несколько растеряна. Но, впрочем, ответила:

– Ну что ты говоришь, Сабир, такого быть не может...

– Я тебе верю, Фатма. А то...

– А то что?

– Ты знаешь, как ты мне дорога. Но если что дойдёт до меня, – он говорил шутливо, – язык с корнем вырву.

Фатма показала ему язык. Буфетчик Сабир притянул её к себе за плечо, лица приблизились друг к другу, руки вновь переплелись.

Фатма была счастлива, что рядом сидит тот единственный человек, что может вырвать ей язык с корнем, и эти его слова были ей как маслом по сердцу.

– Фатма...

– Что, родной... – Фатма вновь помешала Сабиру перейти прямо к делу.

– Фатма, возьми это, – указал на коньяк, – во, молодец... теперь налей мне немного...

Фатма налила, крепко держа толстушку бутылку обеими руками. Это выглядело так комично, что Сабир невольно улыбнулся. Но вы не подумайте чего, для Фатмы это было дело не шуточное – своего рода «дебют». Сабир недавно видел фильм, где француженка в ресторане наливает виски своему кавалеру по его просьбе, и теперь вдруг вспомнил об этом. Вот тебе и интеграция в Европу, ещё в советские времена – нате вам, пожалуйста.

– А чего ж ты двумя руками бутылку держишь?

– Уж больно она толстая...

– Толщина дело хорошее... Во всём...

Фатма прыснула, ухватила его за кончик большого носа, что был под стать широкому лицу, и погрозила пальчиком: «Э-эй!...»

От этой «угрозы» у любого мужчины слюнки потекли бы, размышлялся бы он, чтобы ему хотя бы три – четыре раза в год так же пальчиком грозили. Будь вы на месте Сабира, поняли бы, что это такое – да только согласился бы на это Сабир? Да ни за что...

– Сабир, хочу сказать тебе кое-что, да стесняюсь...

– У тебя что, крыша поехала?

– Не-е... а что? – она слегка обиделась.

– А что ж ты меня стесняешься? Нам с тобой друг друга стесняться давно уже нечего, забыла, что ли? Я никогда не забуду... – Сабир ел её глазами.

Фатма поняла намёк, улыбнулась, оттаяла.

– Ладно, ладно... Что, коньяк в голову ударил?

Фатма, Сабир и коньяк «Ширван» – каждый из них делал своё дело, и, если можно так выразиться, эта троица дело своё на том не закончила. Пока что главную роль играл «Ширван», вторую – Сабир, а на третьем месте Фатма размещалась. Такова была ситуация в данный момент, но она могла измениться в любую минуту.

– Ну и в чём там было дело? – спросил Сабир.

– Это между нами останется? – посмотрела на него Фатма.

– Не-е... я это всё в газете пропечатаю.

– Сабир, мне тоже хочется...

– Коньяку?

– Да...

– Да на здоровье, я ж для тебя и покупал, родная...

Кажется, роль «Ширвана» ещё более активизировалась.

– Он очень горький?
– Я тебе так скажу. Во рту он вроде горький, но как войдёт вовнутрь, так всё слаще и слаще становится, чистый мёд.
– Да-а? – подивилась Фатма.
– Да... сейчас сама проверишь, чего ждать.
– Сабир, ты помнишь?
– Что?
– В прошлом году в этот день я хотела тост сказать, а ты не позволил...
– Почему?
– Сказал, что кто не пьёт, тот и тосты говорить не должен. А теперь имею право?

– Имеешь, родная... Говори, что хочешь – от души...

Фатма зажала стаканчик в руке, в горсти, собираясь что-то сказать, но Сабир перебил:

– Да что ты так стакан зажала, пальцами возьми... вот так, как я...

– Пролить боюсь...

– Прольёшь, ещё налью, всё твоё... Когда чай пьёшь, как стакан держишь? Считай, что это чай, у них и цвет одинаковый.

Фатма последовала совету, вышло неплохо.

– Сабир, храни тебя Бог, – глаза её наполнились слезами, – если тебя не будет, я утоплюсь... – И тут же, зажав нос левой рукой, как больной, принимающий горькое лекарство, так «профессионально» махнула добрую порцию коньяка, что у Сабирова глаза на лоб повылазили, и, раскрасневшись, рассмеялась.

– Что ты... так выпила?

– В первый раз, родной... со страху так, чтобы одним махом покончить с этим.

– Ладно, давай закуси чем-нибудь... Не горько было?

– Нет вроде... даже языка не коснулось... прямо в горло и вовнутрь. Только в горле горит немного.

– Лимонад возьми попей... прошло?

– Да...

Сабир знал бесчисленное количество анекдотов и хорошо умел их рассказывать, потому как имел чувство юмора – будь моя воля, я бы запретил людям без чувства юмора анекдоты рассказывать, никуда их рассказы не годятся. Да, именно так вот. Есть у меня друг детства, академик, учёный с мировым именем. Так он если анекдот расскажет, слушатели и бровью не поведут. А Сабир как рот откроет, так ты враз и ухочешься. Вот и сейчас он рассказал анекдот, слышанный ещё в армии, и Фатма так и покатила со смеху. Только я вам этот анекдот рассказать не могу, это лучше в их состоянии слушать, к тому же всё это относилось только к ним – двоим, не троим...

У Фатмы щёчки так разгорелись, что хоть срывай их, как фрукты, да ешь. Но ни вам, ни автору сделать это никак нельзя, даже если и захочется, ни права на это нет, ни смелости не хватит – рядом-то Сабир сидел, вот он и мог сорвать – не рукой, губами, а то сомнутся ведь...

– Сабир...

– Что, родная... – на сей раз Сабир помешал Фатме перейти к делу.

– Сабир...

– Да, родная, – опять помешал ей.

– Да погоди ты, дай сказать... – Фатма сделала вид, что обиделась. В подобном кокетстве – целый мир, каждому мужчине можно пожелать такое...
– А ты вообще хотел бы жениться?
– Да ни в жизнь!
– Почему?
– Да мне сорок лет, куда мне жениться? Женившийся в сорок в могиле счастлив будет... или не будет.
– Твои ровесники сейчас только женятся, есть такие, что раньше и не были женаты...
– Фатма...
– Да, родной.
– Послушай. Ну вот женюсь я, хоть завтра. Не сегодня-завтра у меня внуки будут. Где-то через год моя жена в роддом отправится, сына родит. Внук старше сына будет. Но сын будет дядей внука. Когда внук подрастёт, как он будет младшего по возрасту дядей называть, а? Безобразие это, не по мне. Хватит об этом. К тому же где я найду такую, как ты? Да не сочтет Аллах тебя чрезмерным благом для меня.
– Так нашёл уже...
– Ну я же тебе только что подробно объяснил всё.
– А если женишься, то на ком?
– Ни на ком.
– А если придётся?
– Да отчего же придётся. У меня голова на плечах, к тому же...
– Сабир...
– Да, родная.
– Сабир, женился бы ты на мне, а?
– Ну хватит тебе, я же всё объяснил. Закончим этот разговор. Вдруг Сабир задумался.
– Слушай, – спросил, – а что же ты замуж не выходишь?
– Никто, кроме тебя, мне не нравится, один ты мне по сердцу... Зачем ты так говоришь? Хочешь, чтобы я замуж вышла? – погрустнела. – Надоела я тебе?
Как Фатма пригорюнилась...
– Ерунды не говори; кто на тебе женится, я его на куски разрублю... да на мелкие кусочки...
Фатма приободрилась от этих слов, расцвела...

Здоровяк Сабир, неутомимый мужчина, евший за троих, исполнив все, даже самые тайные желания Фатмы, в половине пятого ночи усадил её в «Москвич», и они уехали. Проезжая мимо парка, Сабир спросил:

– Хочешь, по парку прогуляемся немного?
– Давай... – Фатма как будто давно дожидалась подобного приглашения, – только до рассвета вернёмся... по домам...

Когда они остановили машину у ворот парка, рассвет ещё почивал, просыпаться не думал...

Горы Малого Кавказа, накиннув на себя покровы из густого леса, теснились друг к другу, друг на дружку опирались. Солнце каждый вечер отдыхало за ними; зимой грело им спины, летом прожаривало насквозь. Щедрая, чёрная земля людям была что твоё лекарство, огородами одаривало, в коих одно изобилие. От окружающей

красоты и люди становились добрее, и жить веселей было. Бог не поскупился на эти места – всем одарил, чем богат...

– Возьми меня под руку, – сказал Сабир, как только они вошли в парк.

– Прямо как в Баку, – по-детски радовалась Фатма, взяв его под руку.

– Как-нибудь повезу тебя в Баку.

Фатма ещё пуще обрадовалась.

– Интересно, – спросила, – а почему наши, когда в парке гуляют, не ходят под руку, как бакинцы?

– А здесь Баку, что ли? – отвечал Сабир. – Здесь нельзя, это район, здесь народ не поймёт.

Они постояли возле памятника матери с ребёнком. Сабир поднял голову, внимательно посмотрел в лицо женщины на постаменте, потом спросил:

– А почему она грустная такая?

– ...

– Тебе лучше знать... обе вы женщины...

– Наверно, сына на войне потеряла, потому и грустная.

– А на руках у неё кто, свой ребёнок?

– Не... внук, наверно. Видишь, старая женщина...

– Да, ты права, – согласился Сабир.

Разобравшись со скульптурой как два местных «искусствоведа», они направились к карусели, поставленной здесь три-четыре месяца назад.

– Слушай, Сабир, вот я думаю, ну до каких пор мы будем воровато так ходить?

– Тебе что, сказать больше нечего? И то хлеб, что вот так гуляем... – Хочешь, посажу тебя на карусель, – предложил Сабир, когда они подошли к карусели.

– Хочу. – Сегодня у Фатмы был счастливый день.

– Ну, давай тогда.

– Только мне одной боязно, – сказала Фатма, оглядев карусель.

– Ладно, давай вместе.

Они поднялись на карусель и уселись. Сабир обнял её, прижал к себе и, подержав так, спросил весело:

– А кнопку кто нажмёт?

– И вправду...

– Сейчас, – сказал Сабир с видом человека, осенённого догадкой, – ты посиди, я сейчас вернусь.

Он спустился и вскоре вернулся с длинным гладким прутом.

– Наверно, дети здесь играли, кто-то свою «лошадку» забыл, – сказал он, усаживаясь поудобнее рядом с Фатьмой.

– А что ты собираешься делать? – спросила Фатьма с интересом.

– Сейчас увидишь, – сказал Сабир и протянул прут к кнопке. После двух-трёх попыток ему удалось нажать на кнопку.

Карусель пришла в движение. Фатму сильно порадовала «находка» Сабира. По мере ускорения карусели её волосы развевались и путались все больше, это красило её, что не ускользнуло от внимания Сабира, частенько на неё оглядывавшегося. Фатма положила голову ему на плечо. Когда развевающиеся пряди её волос касались его лица, он невольно закрывал глаза и был так счастлив – никогда раньше такого не испытывал, никогда...

– Сабир, пора идти, – сказала Фатма немного погодя.

– Да...

Сабир протянул прут, чтобы нажать на кнопку, когда она будет рядом, но никак не мог этого сделать. После десяти-пятнадцати безуспешных попыток прут разломался на мелкие щепки.

Его прошиб пот. Они продолжали вертеться. Прыгни они вниз, разбились бы насмерть. Сабир подумал, что Фатма ведь опозорится, он то ничего... чёрт с ним...

Фатма посмотрела на его потемневшее встревоженное лицо и растерянно проговорила:

– Опозорилась я...

В таких ситуациях у нас куда больше страдают женщины, мужчине-то что... А про неё все женщины такое будут говорить... Она была почти без чувств. Её трясло в холодном поту.

Эта карусель отличалась от той, на которой Сабир раз прокатился на бакинской набережной: там карусель сама останавливалась через десять минут после запуска, с помощью реле. Этого Сабир не учёл.

Так они продолжали вертеться, и вся надежда их была на Бога да ещё на контору электросети, – если бы вдруг вырубил электричество, они бы сошли и спаслись от позора. Да только ничтожно мала была надежда.

Была пора сбора винограда. Людей, отправляемых на сельскохозяйственные работы, собирали именно здесь. Скоро сюда должны были прибыть первый секретарь районного партийного комитета Махмуд Махмуд-заде с группой партийных чиновников, прокурор и начальник милиции. Первые лучи солнца уже убивали надежду Фатмы и Сабира на спасение. Слёзы текли по лицу Фатмы, и вместе с рассветными лучами знаменовали приближение её позора.

В самом начале седьмого часа служебная машина «ГАЗ-24» товарища Махмуд-заде остановилась у входа в парк. Свита чиновников окружила его, как стая ворон. Никто не здоровался с ним за руку, все почтительно кивали на расстоянии, он ответил небрежным кивком, да не каждому в отдельности, а всем зараз.

Пара продолжала вертеться...

Хотя начальником собранного штаба по отправке людей на сбор винограда был не Махмуд-заде, а последнее слово за ним было.

– Машины готовы? – спросил он.

– Да, товарищ Махмуд-заде, – начальник автобазы вышел на шаг вперёд и отступил обратно.

– Сегодня вечером рапортовать будем, план должен быть выполнен.

– Так точно, товарищ Махмуд-заде.

– Какое положение в колхозе «Украина»?

Пара всё вертелась...

– Сахаристость повысили?

Пара вертелась...

– На заводе как?

Пара всё ещё вертелась, да так, вертясь, и наблюдала за совещанием представителей партии и правительства. Ну, а сами представители партии и правительства смотрели только на товарища Махмуд-заде – по массе самых разных причин.

Махмуд-заде среди них был самым крупным, видным мужчиной. Вдруг он указал правой рукой в сторону карусели:

– Это что такое?

– Карусель, товарищ Махмуд-заде.

– Почему она вертится ни свет ни заря? Да там, кажется, люди, двое сидят...

– Так точно, товарищ Махмуд-заде.

– Приведи их сюда, – сказал первый секретарь начальнику милиции.

Спустя мгновение парочка смущенно стояла перед первым секретарём. Оба испытывали срочную необходимость найти мышиную нору, дабы там отсидеться.

– Кто это такие? – спросил товарищ Махмуд-заде у окружающих.

– Товарищ Махмуд-заде, – выступил вперёд начальник милиции, – так это ж Сабир, буфетчик Сабир.

– Это тот самый краснобай?

– Так точно, товарищ Махмуд-заде.

– Пошлешь человека из ОБХСС опечатать его павильон.

– Слушаюсь, товарищ Махмуд-заде.

– А его самого на сбор винограда, живо.

– Слушаюсь, товарищ Махмуд-заде.

– Это что за время на карусели кататься... безобразие...

Сабир должен был спасти Фатму. Он немного приподнял голову и сказал:

– Товарищ Махмуд-заде... мы обещали друг другу, что за день до свадьбы придём сюда ночью... чтоб никто нас не видел... сядем на карусель... утром в ЗАГС... Сели, карусель завести некому. Нашли длинный прут, кнопку нажали, карусель завертелась, а остановить не могли, два часа вертелись...

Хоть первого секретаря и смех разбирал, но он удержался, ограничившись усмешкой. В присутствии подчинённых смеяться нельзя, чего доброго, повредишь своей репутации серьёзного начальника.

– Оставьте его, – сказал он начальнику милиции, – пусть своим делом занимается.

– Слушаюсь, товарищ Махмуд-заде.

– А кто эта женщина?

– Это невеста моя, товарищ Махмуд-заде.

– Что ж так поздно женишься?

– Я в районе раньше всех женился... потом... жена скончалась.

– Да будет земля ей пухом.

– Спасибо, товарищ Махмуд-заде.

– А почему же ханым так поздно замуж выходит?

– Она тоже, как и я, раньше всех замуж вышла, потом муж погиб, в аварии...

Кажется, Махмуд-заде впервые забыл за все годы работы в этом районе, что он первый секретарь.

– Привезите сюда начальника ЗАГСа.

– Я здесь, товарищ Махмуд-заде, – выступил на шаг вперёд пятидесятилетний мужчина в чесучовом костюме.

– Распиши их, да прямо здесь.

– Слушаюсь, товарищ Махмуд-заде.

Мужчина в чесучовом костюме обернулся мигом, и вернулся он с папочкой под мышкой. Подписи были поставлены на столе штаба, покрытом красным сукном.

Стоило Махмуд-заде приблизиться к красному столу, пожать Сабиру руку и сказать «поздравляю», как все партчиновники хором провозгласили:

– Поздравляем!

Сабир спасал Фатму от позора, больше ни о чём не думал. А теперь кто что скажет? С невестой на карусели прокатился, ну и что...

Сидя в машине, с трудом справившись с произошедшим внутри неё разрушительным землетрясением, утирая влажные глаза, Фатма прошептала:

– Сабир...

– Что, милая...

– Сабир, родненький... Я тебе в ножки поклонюсь...

– Ладно, замётано... занят я сейчас, потом поклонисься...

– Сабир...

– Да ладно тебе... едем к нам, сегодня на работу от меня пойдёшь... и всю жизнь так.

– А люди...

– Так от людей мы избавились... в парке... Теперь у меня бумага есть, и наши имена в ней прописаны...

– А что там написано?

– Написано, что Фатма – жена Сабира, а люди пусть своими делами занимаются.

Как Сабир говорил, так и вышло. Когда пришел срок, Фатма сына родила. И был он дядей, что на два с половиной года младше своего племянника – напророчил Сабир, словно в воду глядел...

С тех пор часто ходили они уже втроем на эту карусель, ни от кого не таясь. Женщины, прогуливающиеся по парку, глядя на карусель, хихикая, говорили:

– Карусель Фатмы...

А мужчины говорили:

– Карусель Сабира.

Вы не подумайте, что это шутки: довелось Фатме и Сабиру то, что во всём Азербайджане никому, ни одному классику, гению при жизни ещё не доводилось – вот таким вот образом, хоть и в парке маленького городка, свои имена увековечить.

Ну, а теперь... Сами знаете: упали с неба три яблока, одно Фатме, одно буфетчику Сабиру, третье – первому секретарю партийного комитета района товарищу Махмуд-заде...

А мне яблока не надо...

НОННА МУЗАФФАРОВА

ПИСАТЬ. И НИЧЕГО БОЛЬШЕ

Я буду писать книги. Это единственное, что я вижу за пределами настоящего, в раскинувшейся передо мной пустыне моей будущей жизни.

Маргерит Дюрас

С фотографии смотрит девушка. Её взгляд обращён на нас. Волосы девушки собраны в незатейливую причёску. А это не портит – оттеняет её черты, ведь она безоговорочно красива... Изящный нос. Чётко очерченные полные губы. Глаза с чуть азиатским разрезом, что придаёт ей ещё большее очарование...

Это лицо можно смело причислить к образам, воплощающим непорочную красоту, к примеру – образам мадонн, коих так часто изображали художники Возрождения. Если бы не одно *но*. Глаза девушки так откровенно насмехаются... Эта насмешка – не промелькнувшая и схваченная фотографом случайность. Она вызвана знанием чего-то важного, но нам неведомого. Чего-то тайного – нам не раскрытого... Так чему же иронично улыбается девушка с фотографии? Что знает и утаивает Маргерит Донадьё?

Знает о славе, что достигнет её совсем скоро? Знает о неумолимом и таком стремительном увядании? Не только своего лица, но и самого сильного чувства... Или, может, этот холод в глазах – априори убеждённая в своём бессмертии? Причастности к Плеяде Мастеров...

Но всё **это** не сейчас – всё это впереди, а пока...

«...А пока мне пятнадцать с половиной лет.

Я еду на пароме через Меконг.

Этот образ так и стоит у меня перед глазами всё время, пока паром пересекает реку.

Мне пятнадцать с половиной лет, и я живу в краю, где нет времён года, где всегда лето – жаркое, тягучее, однообразное: я живу в тёплом краю, где нет весны, нет обновления».

Писать, как играть – в сквош

Она осталась верной совету Раймона Кено – старшего коллеги по цеху (писателя, поэта, участника сюрреалистического движения), который, прочитав её дебютный роман «Бесстыдники», воскликнул: «Пиши! Пиши, и ничего больше!» Она и писала. Она всю свою жизнь исписала – исчерпала до последнего слова. Эта безоговорочная красавица с разрушенным раньше срока лицом.

«Время подчинило себе все мои черты одну за другой, я видела, как они меняются, как глаза становятся больше, взгляд – печальнее, рот – решительнее, лоб пересекают глубокие морщины. Не могу сказать, чтобы это меня напугало, наоборот, я наблюдала, как стареет моё лицо, будто читала увлекательную книгу».

Если верно заключение, что «литература – лучшая форма эскапизма», то к нашей героине эта мысль применима как нельзя более кстати. Поскольку все незаживающие

шрамы – обиды детства, все неумолкающие отголоски пережитых увлечений, все наблюдения – незаметные для иных, для неё же очевидные – она переносила в собственные книги.

Она изучала жизнь, словно вооружившись лупой. Сквозь её увеличительное стекло изучала движение человеческих чувств. Разглядывала их с неиссякаемым любопытством... Затем подмеченное, ловко схваченное заносила в страницы бесконечных романов и пьес, сценариев.

Она рассказывала о самом сокровенном – о своей семье – с такой прямоотой. Беспощадной и вместе с тем чарующей... Она рассказывала о любви, заведомо предчувствуя приближение её агонии. Да, она была безжалостна – пыталась избежать нежности, всегда оглушающей. Всегда захлёстывающей её гигантской волной.

Она не знала в ней полумер – в любви к младшему брату, обожаемому, рано скончавшемуся Полю. К единственному сыну Жану Масколо. Роман «Модерато кантабиле» об этом её чувстве – безграничной и мучительной любви к своему малышу... Любила ли она также и своих мужчин? Робера Антельма, Диониса Масколо, Жерара Жарло, Яна Андреа... С такой же бескорыстной иступлённой любовью? В ответ мы можем лишь пожать плечами...

Являлось ли творчество для неё терапией? Может быть. Может, раз за разом обнажая свои раны, она пыталась понять что-то важное, пыталась избавиться от своего злополучного детства – нелюбящей матери, несносного старшего брата – пыталась заполнить словами зияющую внутри пустоту?..

Литература стала для неё своеобразной игрой в *сквош* – от себя к себе же самой... Этой игрой она овладела виртуозно. Настолько мастерски, что не так-то и просто было отличить правду от вымысла, аллегорическую сублимацию от чистого изложения фактов... А надо ли вообще – различать эту грань? Не лучше ли просто приняться за чтение её жизни – бесконечного романа. Бесконечного, пока пульсировала в жилах кровь, пока стучали – пульсировали – клавиши печатной машинки Маргерит Дюрас.

Неумолкающее эхо детства

Шёл 1943 год. Открестившись от фамилии Донадьё, она приняла новое крещение. На литературной арене вместе с романом «Бесстыдники» появилась Маргерит Дюрас.

«Я уже сказала матери: единственное, чего я хочу, – это писать. Сначала она не ответила. Потом спросила: что писать? Книги, романы, сказала я. Она – против, это недостойное занятие, ну, разве это работа? Так, забава, позже она скажет: ребяческие бредни».

Дюрас. Так называется деревенька, расположенная на юго-западе Франции, родом из которой был отец Маргерит. Директор одной из начальных школ в Пномпене (столица Камбоджи) Анри Донадьё скончался от малярии, подхваченной на просторах французского Индокитая. В год смерти отца – в 1921-м – ей было семь. Об отце Маргерит почти не писала – он не стал для неё источником литературных эксгумаций... Нишу памяти заполнила мать. Заполнила всецело. Да так, что на склоне лет Маргерит признается: *«Я только и писала, что о своей матери... Я обязана ей всем».*

Мать – директриса в школе для белых девочек, ставшая после смерти мужа отцом для троих детей и защитой от болезней и смерти. Мать, обуреваемая приступами отчаяния, сменяющимися утопическими проектами... Мать, более всего любившая старшего – совершенно порочного и безнадежного сына Пьера. Продавшая по его велению земли, леса. Продавшая всё имущество, за одну ночь им же просажненное. Мать, прощавшая ему всё. (Или закрывавшая глаза на всё?) *«Он крадёт деньги у боев, чтобы курить опиум. Крадёт деньги у матери. Ворует. Играет...».* *«...Это был не гангстер, а просто паршивая*

овца в семье, проходимец, воришка, рывшийся в шкафах...», напишет на склоне лет Дюрас в своём самом знаменитом романе «Любовник».

И это внутреннее недоумение – непонимание всепоглощающей любви к конченому сыну – обратилась не совсем состраданием, не совсем жестокостью, а чем-то, что будет выделять Дюрас из общей массы других писателей. Будет придавать особенный – горьковато-сладкий привкус, бессердечно-чувственный характер – окрас её произведениям.

Темой собственных произведений Дюрас делала свою жизнь. Собственная её биография становилась сюжетом для романов. Что, тем не менее, не причисляет её творчество к разряду банальной беллетристики. Дюрас умела балансировать между кажущейся *исповедальностью* и вымыслом. Она – искусный эквилибрист – как никто другой умеет следовать по грани. Даже когда пишет от первого лица. Даже если героями собственных произведений делает мать, ненавистного старшего брата Пьера и обожаемого младшего – Поля, мы всё равно зачитываемся не мемуарами, не семейной хроникой, не выдержками из дневников – мы читаем прозу высшей пробы.

Она умело перетасовывает реальность с фантазией. Как шулер-ас обводит она читателя вокруг пальца. По сей день остаётся тайной – имела ли место на самом деле интимная связь юной героини (*альтер эго* писательницы) и миллионера-китайца, описанная в наиболее автобиографическом романе «Любовник»...

«Любовник», как верно выразился один из критиков, «самая человечная» книга Дюрас, которую за нарочитую *сухость* языка называли «Беккетом в юбке». Кажется, только в этом романе она дала волю чувствам – боли, слезам и ненависти – не стесняясь. Репутацию семидесятилетней, давно признанной во Франции писательницы, ничто бы, пожалуй, не подпортило. Случилось с точностью до наоборот. В 1984-том году роман принёс Дюрас Гонкуровскую премию. Двумя годами позже престижную премию Хемингуэя за «лучший зарубежный роман, опубликованный на английском языке». Как результат – миллионные тиражи и мировое признание.

От слова к образу

И вот уже с фотографии смотрит на нас женщина. Её взгляд обращён на каждого из нас. Взгляд сквозь стёкла очков в роговой оправе... Взгляд усталых глаз, взятых в кольцо морщин. Этот взгляд не так ироничен, нет. Не так самонадеян... Печален, быть может? Разве что слегка. Ведь у Дюрас – этой неисправимой трудяги, издававшей книги почти каждый год – не оставалось сил на уныние. По крайней мере, работой она могла его заглушать.

Тексты Дюрас зазвучали со сцен театров и с киноэкранов. Бесчисленные пьесы, сценарии к картинам, фильмы, в которых она выступала и в качестве постановщика.

Творчество Дюрас неотделимо от слова. Именно словами, а не коллизиями сюжета она в первую очередь плела свою паутину, в которой неизбежно оказывался читатель. Но в эту ажурную сеть попадались и кинематографисты. Потому что *слово* Дюрас рождало магнетические образы.

За пределами Франции её имя ассоциируется в первую очередь с упомянутым романом «Любовник». Стоит отметить, что немалую роль в этом сыграла и экранизация режиссёра Жан-Жака Анно (1992год), оказавшаяся весьма успешной. Но не по мнению самой Дюрас, которая, в принципе, не была удовлетворена ни одной из экранизаций своих произведений – ни романа «Модерато кантабиле», реализованной Питером Бруком, ни экранной версией «Моряка из Гибралтара», осуществлённой Тони Ричардсоном. И этот перечень можно продолжить.

«Мне захотелось делать кино, потому что фильмы, которые ставили по моим романам, были для меня невыносимы. Все, воистину, предавали написанный мною роман,

но до такой степени, какую я не могла даже вообразить». И тогда она стала снимать сама. Снимала много. Упрямо следуя собственным представлениям о пластике кинематографа.

Её фильмы знакомы только по названиям. Да и то лишь узкому кругу кинофилов. Её эксперименты оказались органичны в писательской лаборатории, но, увы, в кино они не прижились.

Но иначе – гораздо успешнее – сложилась судьба Дюрас-сценариста. Одно лишь упоминание фильма Алена Рене «Хиросима, любовь моя» – фильма, который и по сей день не теряет своей высокохудожественной ценности – говорит само за себя красноречивее всяких слов.

A la «durassien»

Ни один написанный о нейopus – будь то эссе, статья в литературном журнале или предисловие к книге произведений, переизданных в очередной раз – не обходится без упоминания о её манере. О пресловутом стиле «durassien»:

нервном –

ряд повторяющихся слов, а порою – целых фраз и в самом деле создают впечатление, что произведение создавалось в состоянии приграничном к нервному срыву;

ритмичном –

её прозе присуща музыкальность. Не мелодичность, вовсе нет. Аритмичная перкуссия раздаётся со страниц всех произведений, созданных верной своему почерку Дюрас. Леденящий душу джаз «поколения двух мировых – опустошительных – войн»;

чувственном –

почти во всех её произведениях полновластно царствует любовь. Любовь, сопровождающаяся отчаянием, болью, потерянной «...в пустоте Вселенной»;

прерывистом –

действие романов только кажется непоследовательным – неожиданно соскакивающим от начала к финалу, от середины вновь к началу сюжета. На самом же деле оно подчинено строгой логике, *расставляющей* все точки над «i» лишь накануне развязки.

Непоследовательными кажутся не только коллизии сюжета, но и сам метод повествования Дюрас. Внезапно от описания одного состояния, персонажа или события автор словно бы отвлекается – «переключается» на нечто другое. Поначалу, казалось бы, неуместное. На самом же деле этот флешбек или преждевременный забег в будущее, создают эффект *кубизма* – когда изображаемый объект можно рассматривать с различных позиций одновременно. С позиции прошлого, настоящего, с позиции ещё только предстоящего. Или наоборот.

Как видите, те свойства, что упорно приписываются исключительно женской природе, были подняты ею, ни много ни мало, а до высот индивидуального *стиля*. То, от чего стыдливо отрекались феминистки, Дюрас сделала своей неповторимой особенностью.

Такая вот женская уловка.

Вместо эпилога

Маргерит Дюрас похоронена на кладбище Монпарнас. Поклонники её творчества оставляют на её могиле камешки... Пьером¹ звали её старшего – ненавистного – брата. Производными от немецкого слова Stein нарекла она ключевых героинь своих произведений. Штайнером называла и своего последнего спутника жизни Яна Андреа. Почему? В ответ мы можем лишь пожать плечами и оставить свой камешек на могиле Маргерит.

¹ La pierre с французского (также как Stein в переводе с немецкого) означает «камень».

ВЛАДИМИР ГОМОЗОВ

Когда уйду

Когда уйду во тьмы обитель,
Когда не станет вдруг меня,
Судьбы за это не корите –
Всё воздала мне жизнь сполна.

Мой пес отслужит панихиду,
Отвыв по мне за упокой.
Надежду, веру и обиду
Я унесу в тот мир с собой.

В тот день жена моя у гроба,
Как прежде верность мне храня,
Застынув, глянет исподлобья,
Жалея грешного меня.

А ровно в полдень кто-то скажет:
– Пора, наверно, выносить...
И понесут меня без маршей
В молчанье скорбном хоронить.

...Ах, ради Бога, не молчите –
Хоть прозой, хоть каким стихом,
Но говорите, говорите
Вы обо мне, как о живом!..

Как я дышал, творил и думал,
Встречал с любимую рассвет.
Как чувства рифмовал и думы –
Ведь был я, помнится, поэт.

Так, ради Бога, не молчите –
Налейте доброго вина,
И добрым словом помяните,
Почтите грешного меня!..

Дождь в Пятигорске

В мелодии дождя,
Услышал я тебя.
Услышал сердца стук –
Дождинки по стеклу.
И пляшут пузырьки
В аквариумах луж...
Мы были так близки
(И далеки к тому ж).
Но музыка дождя
Мне душу теребит –

Чем дальше от тебя,
Тем злее гром гремит.
Но скоро смолкнет все
И нет назад пути.
Ну что сказать еще...
– Прости меня,
прости!..

Алты-Агач

Я снова в отпуске на даче,
Во власти гор, в плену лугов.
Я кайф ловлю в Алты-Агаче,
Проснувшись с пеньем петухов.
Здесь все мне мило, все знакомо –
От крайней хаты до ручья.
Здесь даже рыжие коровы,
Меня приветствуют, мыча.
И те же гуси бабы-Дуси,
И те же утки-крикуны
В едином лапчатом союзе,
Грозятся снять с меня штаны!..
Величье гор волнует душу,
И щебет птиц лелеет слух,
Ведет своих овец по лужам
Его Величество пастух...

Кто побывал в Алты-Агаче,
Со мной к согласию придет:
Что лучше места нет для дачи –
Здесь каждый пень,
и тот цветет!..

Ревность

Меня ты ревнуешь к моим же стихам,
Ревнуешь к звонкам телефонным,
К рассвету ревнуешь
и к звездным ночам,
И мыслям моим потаённым.
Ты рядом со мною, я рядом с тобой –
Ну разве нам этого мало?..
А если стихи ты нашла о другой –
Что ж, чуточку той перепало.
Дороже тебя, мне поверь, в мире нет...
А то, что в вечёрке читала –
Так это ж всего стихотворный сюжет,
Так, лирика без гонорара.
Я лишь стихотворец –
а был бы поэт,
Ты б круче еще ревновала!..
Но только с тобою делю я рассвет,
Укрывшись одним одеялом...

Ты рядом со мною, я рядом с тобой,
И жарче не нужно накала.
Ты слышишь,
 как бьются сердца в унисон-
Ну разве нам этого мало?..
...Оттаяв и нежно взглянув на меня,
Она в полутьме прошептала:
«А все же –
ревную, ревную тебя...» –
Отбросив к чертям одеяло!..

Бакинцы

По вас я тоскую бакинцы,
Вас в сердце своем берегу –
Всех тех, кто теперь за границей
С теплом вспоминает Баку.

Стоит он такой же, как прежде,
На Шелковом древнем пути,
На трассах извечной надежды,
С которых мне трудно сойти.

Не все устояли на месте –
Что ж, сердце ведь не монолит...
Но так же, в гранитной одежде,
Нарком Нариманов стоит.

И бродит во мне ностальгия
По канувшим тем временам,
Когда мы друг с другом делили,
И душу, и хлеб пополам.

Делили и радость, и горе...
Но все понеслось кувырком:
Закончилось наше застолье,
Разрушился наш бастион.

Поехало все и поплыло,
Смешались обида и боль.
Но было все это, ведь было!..
И вера была, и любовь!..

И жили, и были бакинцы...
Ах, где ж вы мои земляки?..
Где ваши радушные лица,
Где мудрые те старики?..

Наш город еще возродится –
Ни с чьей-то, а с нашей руки.
И станут счастливей бакинцы
И станут мудрей старики...

...А вам, земляки, будет сниться
Тот, вами покинутый кров –
Извечная сердца столица,
Тот город надежд и ветров!..

ВИКТОР ГОРИН

Время

Незримое, сквозь нас струится время,
А мы его совсем не замечаем:
Смеемся, плачем, любим и страдаем –
Незримое, сквозь нас струится время.

Но неужели так оно незримо?
Откуда сеть морщинок появилась,
Откуда грусть в глазах,
скажи на милость?..
Да неужели так оно незримо?..

Что гонит всех нас по ухабам жизни
К тому концу, который есть начало
Реки Забвенья, что течет устало?..
Что гонит всех нас по ухабам жизни?

Со дня рожденья и до самой смерти
Плывем среди секунд, годов, столетий –
Туда, где маяком Звезда нам светит...
Со дня рожденья и до самой смерти.

Другу

Мир, как домик карточный, распался.
Не согреть твоих холодных рук...
Что же ты наделал, что наделал,
Мой надежный закадычный друг?!..

Ну, к кому теперь мне прислониться,
Где найти такое же плечо,
С кем бедой-печалью поделиться?
А сколько мы не сделали еще!..

Ты лежишь, спокойный и смиренный –
Видно, поманил небесный край...
Я стою у койки на коленях
И молю тебя:

«Не умирай!..»

САЛИДА ШАРИФОВА

В книге Р.Н.Иванова «Смертельная схватка» опубликованы архивные материалы, которые ранее не были доступны азербайджанскому читателю. Обнародованные документы свидетельствуют о малоизвестных аспектах политической борьбы Наримана Нариманова за независимость Азербайджана в качестве суверенной социалистической республики. Перед глазами читателя воссоздаётся сложная политическая мозаика, которая характеризовала ситуацию в Азербайджане в первой половине XX века. Книга вышла в 2015 году с предисловием вице-президента Национальной Академии Наук Азербайджана академика Исы Габиббейли

РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Работа писателя-публициста Рудольфа Николаевича Иванова «Смертельная схватка» оставляет у азербайджанского читателя неоднозначное, двойственное впечатление. С одной стороны, в авторском тексте остро проявляется идеологическая тенденциозность, которая была присуща социалистической пропаганде, с другой стороны, Р.Иванов порой жертвует исторической объективностью в угоду стилистическому оформлению. Поэтому азербайджанский читатель может и не принять данную книгу, что, конечно было бы поспешным и необоснованным. Дело в том, что в «Смертельной схватке» воссоздаются крупницы исторической мозаики Азербайджана начала XX века, которые ранее были известны лишь узким кругам специалистов. Опубликованные в книге 475 исторических материалов, которые ранее были сокрыты грифом секретности, представляют собой ценность для размышляющего читателя. Автором проделана поистине огромная работа, как по сложности, так и по своему замыслу. Книга «Смертельная схватка» уникальна, что обусловлено жизненным и профессиональным опытом самого Р.Иванова. На это особое внимание в предисловии к книге обратил внимание академик НАНА Иса Габиббейли: «Важное значение для глубокого изучения темы Рудольфом Ивановым имеет хорошее знание российских архивов, опыт военного историка, членство в Союзах писателей и журналистов России». Размышляющий читатель обнаружит во включенных в книгу документах новые оттенки в азербайджанской истории XX века, в которую внес свою лепту и Нариман Нариманов.

Нашему современнику легко хвалить или осуждать Н.Нариманова. Работа «Смертельная схватка» позволит понять всю внутреннюю диалектику государственной и политической деятельности этого исторического лица. С одной стороны, на Н.Нариманове лежит груз политической ответственности за борьбу против Азербайджанской Демократической Республики, за участие в подразвёрстке, которая привела в Азербайджан голод (не такой катастрофический по масштабу как в Поволжье, в котором массово распространился каннибализм), за молчаливое соглашательство при разделе азербайджанских территорий в угоду центру (тут следует также подчеркнуть особую роль Н. Нариманова в предотвращении отчуждения Гарабаха), за поддержку политического курса по противопоставлению Южного Азербайджана с Северным Азербайджаном и т.д. С другой стороны, Н.Нариманов вступил в острую политическую борьбу за защиту азербайджанских интересов. За это оппоненты нередко его обвиняли в приверженности идеалам М.Э.Расулзаде. Интернационалиста до мозга костей клеймили как националиста. Конечно же, Н.Нариманов не был мусавитом, но его борьба по защите политических и экономических интересов Азербайджана способствовала формированию политической платформы, созвучной взглядам М.Э.Расулзаде.

Во всем этом проявляется вся трагичность жизненного пути Н. Нариманова. Будучи глубоко порядочным человеком, Н. Нариманов стал рыцарем социалистической революции на Востоке. Для того чтобы дать общую характеристику Н. Нариманову как политическому деятелю, обратимся к записке наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, которая приведена в книге «Смертельная схватка». Характеризуя Н. Нариманова, нарком писал о нем: «Его советы пропагандистам среди мусульман замечательно разумны. Но в области общей политики, даже в отношении Ближнего Востока, он уже обнаруживает некоторую наивность». Хочется возразить коммунисту-дворянину и подписанту неоднозначного Брестского мира Чичерину, что Н. Нариманов не наивен, а порядочен. Именно эта порядочность подтолкнула Н. Нариманова обратиться в 1921 году к Ленину с телеграммой с просьбой исполнить решение 1-го Всеазербайджанского съезда советов об освобождении и возвращении из концентрационных лагерей, тюрем и домов заключения лиц, высланных из Азербайджана в 1920-1921 годах.

Иногда кажется, что противостояние Н. Нариманова сродни борьбе Дон-Кихота с ветряными мельницами. Идеология, которой служил Н. Нариманов, сначала подняла его на вершины политического олимпа, а затем, когда Н. Нариманов выступил против нее, перемолола его. Политическое одиночество Н. Нариманова было обусловлено тем, что ему не простили старые обиды азербайджанские националисты, сменившие при власти советов свои политические ориентиры; так и бывшие большевистские соратники по подполью не смогли воспринять его идеалы о независимой АзССР. Парадокс истории в том, что компартия противостояла стремлению Н. Нариманова по созданию независимого социалистического государства в Азербайджане с помощью бывших националистов, демонстративно принявших «левый» уклон внутри компартии. И тут рождается вопрос: кто истинный патриот Азербайджана – идейный коммунист Н. Нариманов, вступивший в неравную схватку за независимость Азербайджана, или же те, которые, предав интересы Азербайджана, сознательно стали орудием политики экспансии? Внимательно читая документы, опубликованные в «Смертельной схватке», отчетливо видишь роль ЧК в этой борьбе, натравливавшей на Н. Нариманова новоиспеченных коммунистов, на которых имелся значительный компромат. При этом до смерти Ленина негласная активность ЧК в большей степени нейтрализовалась дружбой Наримана Кербалаи Наджаф оглу и Владимира Ильича. На этом фоне не случайно, что Н. Нариманову удалось в открытой борьбе победить председателя ЧК АзССР Э. Ю. Ханбудагова и отстранить его от занимаемой должности.

Судьба Н. Нариманова была предрешена, когда коммунистическое руководство в Москве отказалось от экспорта коммунистической революции. Н. Нариманов нужен был центральной власти как революционный глашатай на Востоке. Поэтому его терпели. Терпели, пока доминировала идея общемировой революции. Сам Сталин, будучи наркомом по делам национальностей, молча выносил активность своего заместителя Н. Нариманова, критиковавшего начальника. Дело в том, что Н. Нариманов был личностью общесоюзного масштаба, способной составить мощную конкуренцию лицам, входившим в высший политический истеблишмент. Н. Нариманов являлся одним из сопредседателей Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР), то есть высшего органа государственной власти СССР в 1922-1938 годов. Иными словами, Н. Нариманов был главой СССР, что особо подчеркнул в своей работе Р. Иванов.

Не случайно, что запущенная Москвой кампания против Н. Нариманова не дала ожидаемых результатов. Когда Н. Нариманов обратился с заявлением о выходе из состава ЦИК СССР, его оппоненты опешили. Пропагандистская кампания была срочно свернута, а её результаты нивелированы. На этом фоне политической загадкой стала странная смерть Н. Нариманова. Враги не смогли устранить рыцаря революции в ходе политической борьбы, очернить его имя или заставить его замолчать. Не исключено, что смерть Н. Нариманова явилась делом рук ЧК. К сожалению, опубликованные в «Смертельной схватке» документальные материалы оставляют этот эпизод за завесой тайны. Однако, к чести Р. Иванова, он в своей работе особо подчеркивает странность смерти Н. Нариманова и заинтересованность в этом самого Сталина, сконцентрировавшего к тому времени поистине необъятную власть в своих руках.

Н. Нариманов понимал, что основной мотив борьбы с ним – это нефтяные ресурсы Азербайджана.

В документе Центральной контрольной комиссии РКП «Основные обвинения, выдвинутые тов. Наримановым против Бакинского комитета АКП, ЦК АКП и тов.Орджоникидзе» особо подчеркивается, что Н. Нариманов выдвинул против А.П.Серебровского обвинение о неотчислении руководимым им производственным объединением «Азнефть» средств в пользу АзССР. Н. Нариманов выступил также против договора 1921 года, согласно которому объединялись железные дороги РСФСР и АзССР, а азербайджанская нефть передавалась в ведение РСФСР.

СССР остро нуждался в нефти и не мог позволить потерю контроля за этой сферой. Все политические и идеологические перипетии борьбы Н. Нариманова за самостоятельность и самобытность Азербайджана сводились в основе своей к борьбе за нефть. В пункте 5 решения политбюро РКП от 17. 10. 1921 года Н.Нариманов закрепляет свои идеи о предоставлении Азербайджану нефтяных бонусов. Читая документы, включенные в «Смертельную схватку», понимаешь, что создание в 1922 году ЗСФСР (ЗакФедерации) преследовало цель лишить республику тех преимуществ, которые смог закрепить за Азербайджаном Н. Нариманов. Кстати, из Азербайджана Н.Нариманов был устранен именно путем перевода на руководящую должность ЗСФСР.

К великому сожалению, Н.Нариманов нефтяную борьбу проиграл. Он так и не смог добиться независимости для Азербайджана. И что наиболее тяжело воспринимать современному читателю, – так это молчаливое предательство большинства азербайджанских партийных функционеров, оставивших Н.Нариманова один на один с центральной властью.

Напрасна ли была борьба Н. Нариманова? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Однако особо хочется отметить, что именно благодаря Н. Нариманову удалось как предотвратить дальнейшее отчуждение земель Азербайджана в пользу соседних республик, так и заставить центральную власть активнее привлекать азербайджанцев в партийные структуры и органы государственной власти. Борьба Н.Нариманова была трагична, но результативна. А главное – был создан прецедент, получивший свое развитие с приходом к власти в АзССР Гейдара Алиева. Если «политический романтик» Н.Нариманов в результате интриг ЧК так и не смог консолидировать вокруг себя местные кадры, то Гейдар Алиев сумел создать сплоченную команду. Не случайно, что на обложке «Смертельной схватки» за фотографией Н.Нариманова размещена фотография общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева. Этим Р.Иванов подчеркивает, что борьба за экономические и политические интересы Азербайджана была продолжена Гейдаром Алиевым, так же, как и Нариман Нариманов. Поднявшимся до высот политического руководства СССР.

Гейдар Алиев сыграл особую роль в реабилитации имени Н.Нариманова. В интервью 1990 года на вопрос о причинах проведения в 1972 году юбилея Н.Нариманова с опозданием в два года он ответил, что пришлось вести острую борьбу с партийными бонзами за проведение юбилея. Следует особо подчеркнуть, что выделяющийся здоровым прагматизмом и одаренный политическим чутьем Гейдар Алиев, выведя борьбу за экономические и политические интересы Азербайджана на новый уровень, вышел из нее абсолютным победителем.

Хочется выразить искреннюю признательность автору этого труда. Благодаря «Смертельной схватке» Н.Нариманов раскрывается как масштабная историческая личность, которая способна была преобразовать весь Восток. Однако история распорядилась иначе.

ЛЕЙЛА ЭКРЕМ (МИРЗОЕВА)

НЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Повесть

Часть I

Роковое предназначение

Недалеко от Баку. Наше время

При раскопках руин древнего селения археологи наткнулись на колодец глубиной в 15 метров. Из-под многовекового слоя песка и камней, с самого дна колодца археологи извлекли два человеческих скелета. Радиоуглеродное датирование костей показало, что им приблизительно две тысячи лет.

Скелеты принадлежали молодым мужчине и женщине.

Найденные два скелета навечно застыли в позах отчаянного сопротивления своей злосчастной судьбе – видимо, даже после падения в колодец, эти люди были еще живы. Изувеченные падением с пятнадцатиметровой высоты, жертвы медленно, мучительно задыхались.

Археологи аккуратно извлекали скелеты из окаменелой земли. И наткнулись на какой-то предмет, который оказался сумкой из сыромятной кожи. В сумке были обнаружены обрывки пергаментных свитков с текстом на арамейском, латинском и древнегреческом дорийского диалекта языках. Время сохранило немного.

Это была, написанная на трех самых распространенных языках времени Иисуса Христа, история Иуды Искариота. Текст был подписан одним из двенадцати апостолов Христа – Нафанаилом Варфоломеем, который, как известно, исполняя завет своего Учителя идти и проповедывать Слово Его в дальние страны, дошел до Кавказской Албании и погиб мучительной казнью в культовом центре страны – Албанопле.

И расступилась толща веков. И обнажила истину, о которой столь долго молила душа усопшего.

Кавказская Албания. 71 г. I века н.э.

Мир вам! Как послал меня Отец, так и я посылаю вас.

В городе Албанопле Варфоломея снова побили камнями. Он много говорил об истинной вере, об отдавшем себя в жертву во имя спасения людей Боге, о грядущем Втором Пришествии и о вечном блаженстве и добре в Царствии Небесном.

И вырывались из-под земли огни местных непонятных идолов-богов.

Побили на этот раз сильно. Он только прижимал к груди свою сумку из сыромятной кожи, словно в ней было великое сокровище.

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь...

И побили бы насмерть, если бы не чудом отворившаяся дверь дома, куда его втащили. И он лишился чувств. Придя в себя, сквозь пелену затуманенного сознания, разглядел молодую женщину, подносящую ему кубок. Отхлебнув из него, почувствовал крепкий мятный вкус с примесью каких-то неизвестных ему трав. Но все больший прилив бодрости ощущался после каждого глотка.

Руки и ноги ломило, голова болела. Женщина стала менять ему повязки, и больной снова ощутил терпкий запах каких-то незнакомых трав.

Затем увидел мужчину, который заговорил с женщиной на местном гортанном языке. Женщина кивнула ему в ответ и, глядя на больного, улыбнулась доброй, красивой улыбкой. Как ни был слаб пришедший в себя человек, какие бы духовные мысли не владели им и во сне, и наяву – он не мог не обратить внимания на то, насколько была привлекательна склонившаяся над ним женщина. Он ей улыбнулся и снова забылся сном, но более спокойным, чем за последние сорок лет мучений, скорби, лишений и духовного блаженства.

Проспал до полуночи. В окно светила полная луна, и он, разбуженный ее светом, уставился прямо на нее. Круглая красавица... Круглая предательница! При ее свете взяли Его... Там, далеко, в Гефсимании... Тогда, давно, сорок лет назад... Но имеет ли значение время, когда он на пороге Вечного Царствия Небесного?.. Заслужил ли он его, это Царствие Небесное? Ведь тогда, в тот страшный день исполнения предначертаний он, как и все, покинул Его... Струсил... Сбежал... И унес с собой страшную вину и страшную тайну... И эта ноша давит на него вот уже сорок лет... Заслужил ли он его, Царствия Небесное?

Он все смотрел на луну, а луна смотрела на него. Смотрела и смеялась над ним, вот уж сорок лет рыдающим, страдающим, иногда ропщущим – его сил не всегда хватало быть таким, как повелел Он – Мудрый и Великий, Спокойный и Смиренный, Добрый и Всепрощающий...

Женщина склонилась над ним. Затем снова поднесла ему кубок.

Странник пригубил воды и вдруг резко почувствовал жуткий голод. Словно угадав его мысли, женщина вышла из комнаты, и через некоторое время вернулась, держа в руках глиняную миску с восхитительно пахнущей похлебкой. Мужчина тем временем приподнял и усадил старика на его постели. Раны заныли с новой силой, и он застонал. Спустя некоторое время женщина заботливо принялась его кормить. Когда он поел, присевший на скамью мужчина заговорил с ним на греческом:

- Как тебя зовут, странник?
- Нафанаил, добрый человек, – ответил гость.
- Откуда ты родом, странник?
- Из Канны Галилейской...
- Далеко...

Странник тяжело задыхался и откинулся на подушки. Женщина стала укорять мужчину в несдержанности – это понял знавший албанский язык Нафанаил. (Язык дался ему с легкостью, *открылся*, как говорили апостолы, *по предназначению*).

– Ладно, отдыхай, странник. Ахурамазда не оставил тебя! – Мужчина ушел. И женщина, заботливо поправив страннику постель, тоже удалилась.

Опять эта тишина, одиночество и луна. Это призраки прошлого душат его, не дают забыться, лишают сна. И даже когда природа все же берет свое, и он засыпает, то эти призраки приходят изнутри, из самых потаенных частей его мозга, и снова, и снова душат его, сдавливают голову, ломают тело. А услужливая память тут как тут

– вот они в Гефсиманском саду, Иисус рассказывает им о таинствах настоящего и грядущего, затем обнимает Иуду – любимого ученика своего, и они, как всегда вместе, разговаривая друг с другом, отходят в сторону. Не то, чтобы Нафанаил ревновал своего Учителя к Иуде Искариоту... Хотя все апостолы завидовали столь сильной и не всем понятной связи Сына Божьего и одного из двенадцати – Иуды Искариота... О чем говорили они, удаляясь так далеко, что никто не мог их слышать? Возможно, для Иуды уже не осталось ни одной тайны мироздания...

Нет, не завидовал Нафанаил... Ну, во всяком случае, не больше, чем остальные.

На следующий день он почувствовал себя лучше. Смог самостоятельно встать и, ковыляя, пройти по светлой комнате.

Хозяева были очень гостеприимны. Женщина ухаживала за ним, неустанно поднося то еду, то питье. Мужчина приветливо смотрел на странника своими голубыми глазами. Нафанаил все больше проникался симпатией к этому обаятельному человеку – худощавому, не очень мускулистому, не очень высокому, с правильными чертами лица и светловолосому. На вид ему было лет двадцать пять, женщине – не больше двадцати.

Чувствуя к себе справедливый интерес хозяев, Нафанаил после обеда сам начал разговор.

– Как я уже говорил, я – Нафанаил из Канны Галилейской.

– Я – Кенон, а это моя жена Дира. Она не знает греческого.

Женщина, догадавшись, о чем говорит супруг, смущенно улыбнулась.

– Позволь спросить, а откуда знаешь греческий ты, Кенон? – Нафанаил перешел на вполне приличный албанский язык. Кенон лишь удивленно взглянул на гостя, а волю радостным эмоциям дала его жена.

– Мой отец был торговцем, возил в Афины и Рим стекольные поделки местных умельцев, а привозил раковины каури, геммы, ткани... Меня брал с собой. Так я выучил греческий. Потом отец разорился... Тогда я выучился на ювелира... Могу и оружие ковать.

Варфоломей только сейчас заметил, что шею и руки жены ювелира украшали довольно искусные изделия. Странник быстро отвел от них равнодушный взгляд.

– Ну а ты, Нафанаил, откуда путь держишь? Откуда наш язык знаешь? Откуда знаешь вещи, о которых говорил у нас в городе? Ведь ты здорово разозлил людей...

– Вопросов много, хозяин. Но я отвечу по порядку. Я прибыл из Иерусалима. Призвание мое – нести Благою Весть в вашей стране. Поэтому и язык открылся мне без труда... А знаю я то, о чем говорю, потому что и сам многое видел, и знал Того, для Кого отверсты все тайны миров... И миссия моя – открыть Истину каждому открытому сердцу...

– Я слышал, как ты говорил, что наши боги ложны – и лишь твой Бог истинный?

– Да... Только это Бог всех и каждого – твой и мой...

Кенон покачал головой. Женщина вопросительно поглядела на мужа и недоверчиво улыбнулась. Затем собрала со стола посуду и удалилась. Кенон последовал за ней, и Нафанаил снова остался один – со своими безрадостными мыслями и неспокойной совестью.

Он взял свою сумку и вытащил из нее исписанные свитки пергамента. Но не стал читать, а прижал свитки к груди и закрыл глаза. Он находился во власти печальных воспоминаний о событиях, которым было вот уже почти полвека.

* * *

– Нафанаил, помоги мне, – истошно кричал друг его Иуда.

Нафанаил выбегает из лесу к берегу реки и видит тонущего Иуду. Им всего по пятнадцать лет, но кажется, что они неразлучны целую вечность. Нафанаил бросается в реку – его подхватывает течение и несет мимо Иуды. Иуда скрывается под водой.

– Иуда, Иуда! – кричит в отчаянии Нафанаил. Но не видно больше Иуды.

Нафанаил просыпается в холодном поту. На него смотрит предательница-луна, а он в таком знакомом ужасе не отрывает от нее ответного, укоряющего взгляда.

Этот кошмар снится Нафанаилу каждую ночь вот уже сорок лет. Хотя в действительности, давным-давно, когда им с Иудой было по 15 лет, все было совсем не так, а с точностью до наоборот. Это он, Нафанаил, тогда тонул и был спасен Иудой. Но во сне подсознание каждый раз преподносит ему перевернутую версию тех событий – и уже сорок лет заставляет его в ужасе просыпаться от пронзительного крика друга о помощи...

Нафанаил знал, о чем вот уже столько лет молит душа Иуды... Она молит об истине, сокрытие которой значит для нее самое страшное: смерть духовную.

Когда-то они, Нафанаил и Иуда, поклялись друг другу в вечной дружбе. И судьбе было угодно, чтобы однажды между ними оказался Третий.

Нафанаила Назаретянин выбрал сам. То было *предназначение*, и Нафанаил слился с Ним всей своей душой. И даже теперь Нафанаил чувствовал эту незыблемую связь с Учителем.

Иуду же к Назаретянину привёл он, Нафанаил. И вот уже сорок лет он понимает, что это тоже было *предназначение*. Столь важное для Спасения всего человечества, и столь трагическое для самого Иуды.

* * *

Нафанаил собирался в путь. Раны затянулись, а полного выздоровления он никогда не дожидался – силы всегда давались ему свыше, и он шел и шел, выполняя завет Сына Божьего проповедовать Слово Его.

– Останься. Люди тебя еще не забыли. На этот раз тебя могут убить, – пытался остановить его Кенон.

– Не сейчас, так однажды...

– Что это за Бог, ради которого ты так счастлив умереть?

– Это Бог, который однажды умер за нас... Знаешь, Кенон, перед тем, как уйти в Свое Царство, он каждому из нас определил дары. И всем до единого – способность быстро осваивать те языки, на которых говорят люди в странах, *предназначенных* нам волей Его для распространения Слова Его... И еще один из тех даров – *понимать* будущее...

– Ты видишь будущее?!

– Я не так сказал. Я сказал – *понимать*... И мы еще увидимся с тобой, брат мой. Ибо и ты призван...

Сказав это, Нафанаил, лишь мельком бросив благодарный взгляд на Диру, вышел из дома. Перед ним была длинная узкая улочка. А позади – длинный тяжкий путь веры и страданий. Он близился к концу.

В храме Митры был полумрак. В каждом углу храма и на жертвеннике, нахо-

дящемся в пирефии¹, пылал неугасимый огонь. Кровь запеклась по краям жертвенника – жертвоприношение животного Лучезарному было совершено двумя часами ранее.

Перед пирефием стоял иеревс² – главный маг храма, и задумчиво глядел на пылающее пламя в жертвеннике. Его губы шептали что-то, и только Митра знал, что не было то во славу их, богов огненной страны.

А шептали губы иеревса вот что:

– Ахурамазда, Митра, Анахита!³ Давным давно вы, ведомые пророком Зороастром и опекаемые царем Гушдаспом, пришли и сбросили ложных идолов. Выдержите ли теперь, когда пришел Единственный и бросил вызов всем нам?

И дуновение ветра, ворвавшегося сквозь открывшуюся дверь и встретившегося с ветерком из приоткрытых окошечек, задуло огонь жертвенника.

– О, горе! – простонал иеревс и закрыл лицо руками. Он истолковал погасший огонь как страшное знамение. – У нас общая участь!

А дверь приоткрыл иеродул⁴. Он заглянул в святилище узнать, не занят ли иеревс настолько, чтобы не заметить, как он собирается украсть из чана во дворе немного мяса.

* * *

Был удушливый день, иеревс прогуливался во дворе святилища. Перед ним возник нескладный худощавый человек и распластался ниц.

– Господин!

– Встань и говори!

– Господин, он еще в городе. Сеет смуту непотребными речами.

– Где же он выжидал эти три дня?

– Господин, после того, как я настроил толпу забить его камнями, его почти уже убили.

– Почти?!

– Да, господин! Но он вдруг будто провалился в одном из проулков. Это мастер Кенон спрятал его! А его жена врачует, господин!

Лицо иеревса исказила злая гримаса.

– Ты знаешь, что делать!

Человек поднялся, низко поклонился и исчез также незаметно, как появился.

Ночью случилось ужасное. В дом Кенона ворвались храмовые иеродулы. Кенон изо всех сил старался защитить жену от непрошенных гостей, но силы были неравны. В ночной тишине их, с заткнутыми кляпами ртами и связанными руками, бесшумно вывели из дома и увели в пугающую неизвестность.

Понимал ли Варофоломей подобное страшное будущее спасших его людей, невольным виновником которого был он сам, неизвестно. Одно ясно, что он не спешил покинуть город, считая любую череду событий – божественным предначертанием.

* * *

Истина – лучшее благо, – говорится в одном из яштов «Авесты». А иеревс не

¹ Пирефий – огражденный священный участок в храме, посреди которого находился жертвенник. На жертвеннике маги поддерживали неугасимый огонь.

² Иеревс – наиболее уважаемый после базилевса муж, верховный жрец.

³ Митра, Ахурамазда, Анахита – главные божества пантеона в Кавказской Албании.

⁴ Иеродул – храмовый раб.

знает больше истин, кроме одной: что

Оба духа положили начало

Жизни и тленности...

Это – безначальные и бесконечные Ахурамазда и Ахриман.

В Святой книге также сказано, что

Лжеца осилит праведный,

И Ложь осилит праведный.

Именно этим, он, иеревс храма Митры, сейчас занят – уничтожает лживую истину, пресекает лживые пагубные речи. Ведь нет ничего абсурднее, чем Единый дух в едином теле... Ему передали, что говорил этот полоумный – пришел сын Божий на землю, снизошел с небес, творил чудеса – исцелял, даже воскрешал людей... Но из слов полоумного выходило, что предан был сын Божий своим же народом, к которому пришел и творил чудеса. В результате был казнен мучительной смертью... и тем самым, якобы, спас всех людей – ныне живущих и грядущих, заказал им место в лучшем мире после смерти... Красивая сказка! Кому, как не ему, храмовому магу, не знать магию красивой лжи... во имя истины... Во имя обуздания темного народа, вселения в него надежды, что если не в этой жизни, то в какой-то другой, грядущей, если не в этом мире, то хотя бы в том, ином – все будет намного лучше... Ведь истина – лучшее благо, не так ли? И ради этого блага можно и праведно солгать? Ведь лжеца осилит праведный... А кто, как не он, иеревс храма бога Митры, является праведником? И кому, как не ему, верховному жрецу – мобеду храма бога Митры, потомку одного из первых учеников самого Зороастра, обладателю мистических знаний о таинствах магизма – не понимать того, о чем думает народ, чего желает и в состоянии уразуметь каждый его невежественный представитель!

А истина, собственно, в том, что народ достаточно запуган той мистикой, которой ловко манипулировали они, маги. Незримый, беспощадный и непобедимый враг везде и повсюду. Он невидим, но всегда желает зла.

И безысходный страх людей выражался в повседневных заклинаниях ужаса:

Они проникают из одного дома в другой,

Они не удерживаются дверями,

Они прокрадываются между деревьями как змеи,

Они крадут детей из недр людей,

Они – голоса, которые проклинаят и преследуют человека...

Иеревс усмехнулся. Невежество – вот истинный ужас и кошмар.

Но теперь... Что за мысли пытается породить у его народа упрямый странник – о каком-то Едином Боге? Он говорит, что несет Благою Весть... И кто уверует в Сына Божьего, тот непременно спасется... Благая Весть... Но ведь и в Святой книге Авесте Зороастр предначертал:

Благая мысль одержит

Победу над Злой мыслью...

Что же это, о каком благе возвещает этот странный пришлый мудрец? И что это за Злая Мысль, которая обречена быть побежденной?!

А в голове звучали слова самого Зороастра:

Из мертвых восстанет

И явится вживе

Бессмертный Спаситель

И мир претворит.

Иеревс стряхнул с себя эти мысли. Слишком страшным ему казалось это, записанное пророком Зороастром, пророчество. Исполнение предначертания грозило многострадальному народу счастьем, древнему магизму – концом.

* * *

Иисус сказал им: мир вам! Как послал Меня Отец, так и я посылаю вас.

Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие...

Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И пошли они, ученики его, по миру возглашать Слово его, и жизнь во имя Его стала полна боли, лишений и скорби. Свой путь Варфоломей начал вместе с Филиппом и сестрой его... Но когда Филиппа убили, он пошел один. Пошел в Кавказскую Албанию – ведом он был туда божественным провидением, в Слове Божьем нуждались эти, склонившиеся перед огненными идолами, люди.

Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами во Имя мое...

Изгонят вас из синагог; даже наступит время, когда всякий убивающий вас, будет думать, что он тем служит богу...

И одно из последних пророчеств Христа:

Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною...

Снова в холодном поту очнулся Варфоломей от тяжелого сна. Ибо прозрел во сне. Разум их Великого Учителя был столь необъятным, что им, простым смертным, никак не дано было уразуметь даже поверхностное значение глубочайшего смысла его Слова.

Ведь и Иисус как-то сказал:

Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить.

Истинный смысл речей Божьих лишь приоткрывался, но людское сознание ограничивало его, приземляло и даже оглупляло. Ведь сказанное Учителем имело куда более глубокое значение, чем жалкие отрезки их жизней, чем они вообще были в состоянии понять своими человеческими умами. Божественный взгляд был непостижимо глубок! Он говорил обо всех временах, тайны которых были открыты ему, как давно знакомая книга! И во все времена будет страдать народ Израилев – за то, что принял от Него благодать, затем – что покинул Его, а после – что предал Его смерти. Ибо выродка Варавву посчитал достойным жалкой преступной жизни, но не Его, сотворившего сначала их, затем столько чудес – для них и, в конце концов, отдавшего себя в жертву во имя их и всего человечества. И Понтий Пилат – лишь щепка, несущаяся в потоке вины народа Израилева перед Ним...

И радовались они бесконечно, когда он говорил с ними не малопонятными притчами, а простыми словами...

Но что же делать с предначертанием? Ведь все до единого, на пути к великой цели Спасения человечества, сыграли свою роль... И не будь этих ролей...

Но я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы я пошел (на смерть): ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам.

И когда Он говорил, что не успеете (проповедуя) обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий;

И когда он говорил о разрушении храма, что не останется камня на камне от него, и чего так испугался Пилат – то он тоже смотрел в века! А их ничтожные жизни

– лишь мгновения в Его непостижимом знании вечности...

И также когда предсказывал войны, убийства, лжепророков и их лжезнамения!

Нет пророка в своем отечестве... Ведь даже они, его любимые ученики – апостолы, не до конца верили ему. Пока не увидели его, воскресшего после казни... И все равно усомнились! *Ибо и братья его не веровали в Него.*

И сам Он укорял их в неверии:

Наконец явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили.

Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет. И ничего не будет невозможного для вас.

И безмятежно заснули тогда в Гефсиманском саду, когда знали, что на верную смерть идет их любимый Учитель. И не было укора в словах Всепрощающего:

Что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение...

Он снова заботился о них.

Ибо сам говорил:

Вы судите по плоти, Я не сужу никого.

Уже в который раз во сне посещает Варфоломея враг человеческий.

– Зачем тебе мучения? Зачем тебе умирать за Того, кто покинул тебя? Покинул тебя, Филиппа, Андрея, Петра и других?

Варфоломей пытается оправдать Его, объяснить, что вовсе не покинул Он их, рассказывает о знамениях Его и помощи, но слова его звучат не очень убедительно.

Ответ – страшный презрительный хохот.

– Апостолы! Где ум ваш? Половина из вас убиты безмозглой толпой – и то же ждет оставшихся еще в живых! Ну и где помощь Его?

И снова жалкий лепет Варфоломея.

– Зачем умирать за Того, кто дал человеку одни страсти и желания, но законы установил противоположные? – не унимался враг Божий и враг человеческий. – Зачем тратишь жизнь на бессмысленные проповеди о мифическом Пришествии? А ведь обещал Он вам: *есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу.* Ну и где ж оно? Царствие обещанное? – и снова хохот, от воспоминания о котором и наяву у Варфоломея тряслись поджилки.

– Чего ты хочешь? – спрашивает вконец сломленный Варфоломей.

– Душу твою, душу! Дай мне ее!! И ты познаешь истинное блаженство во плоти!

– Изыди, нечистый! – Варфоломей пытается сотворить крестное знамение, но просыпается в холодном поту и шепчет в отчаянии: – Почему оставил нас, Господи?

Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем.

Когда Христос дал им способность врачевать, исцелять и изгонять бесов, пошли они проповедовать в близлежащие земли о Царствии Небесном. Это был их первый апостольский опыт еще во время пребывания Учителя на земле. Но то было, как Варфоломей понимал теперь, очень нетрудным заданием. Учитель был с ними, они были молоды, и Он ждал их там, откуда послал. Теперь же Варфоломей успокаивал себя тем, что Он ждет их в Царствии Небесном. И никто никогда не узнает, что горчичное зерно веры Варфоломея иногда становится еще более ничтожно малым. Разумеется, кроме Него...

* * *

Варфоломей бесстрашно лез в пекло. К огненным идолам неизвестной страны... Сейчас он проповедовал о Царствии Божиим на рыночной площади, недалеко от дома иеревса – того, от кого уже пришел ему один раз приказ покинуть город. А он все говорил о бесконечной благодати сына Божьего, о том, что Он умер за всех людей на земле – ныне живущих и грядущих, что Он явился добровольной последней жертвой. И не надо более приносить жертв – ни животных, ни, Господь упаси, человеческих – этим кровожадным идолам огненным, а надо принять в сердце твердую веру в Единого бога, возлюбить друг друга, простить обиды врагам своим и смиренно ждать Его Второго Пришествия.

Так проповедовал Нафанаил Варфоломей и не видел отклика в людях – торговля шла бурно, и на него уже никто не обращал внимания.

Но неустанно говорил Нафанаил, все более стараясь убедить отягощенный мирскими заботами народ в духовной истинности Слова Божьего. И это вконец надоело торгующему в ближайшем лотке продавцу овощей.

– Да заткнешься ты, старый дурак, из-за тебя ко мне покупатели не подходят!

Его поддержали еще несколько человек. Мальчишки стали натравливать на него собак, а один запустил в него внушительного размера камень.

Не привыкать было Варфоломею, он ловко увернулся, но все же стал потихоньку ретироваться. Потасовка ничего хорошего для него не предвещала, и он уже хотел бежать с рыночной площади, как дверь большого дома иеревса отворилась и из нее выбежала рабыня. Она громко верещала, дергала себя за волосы и царапала себе лицо. Затем в дверях показались еще два раба, которые бегом устремились на другой конец рынка. Когда след их простыл, верещавшая рабыня вмиг успокоилась и тут же охотно рассказала собравшейся толпе о том, что после недельного затишья дочери иеревса снова плохо, она кричит, бьется головой об стену, говорит, а точнее рычит не своим голосом и произносит непонятные слова. Иеревс разговаривает с духами, шепчет заклинания, его дочке легче, но ненадолго.

– Быть того не может! – шептали в толпе. – Ведь жрецы вездесущих богов могут все!

И ни капли сомнения не закралось в души людей...

Варфоломей все слышал. За свою длинную жизнь он уже не раз видел такое – и, с благодати Божией, умел с этим справляться.

Он решительно открыл дверь дома иеревса и вошел. Оказался в продолговатой комнате, в которой сутились рабы. Двое сразу подскочили к нему и попытались вытолкать обратно.

– Стойте, – остановила их старая рабыня.

Она дала ковригу хлеба мальчику и сказала:

– Дай тому доброму человеку. Он беден и голоден.

Мальчик подбежал к Варфоломею, но тот остановил его:

– Не за тем я, добрые люди. Я пришел с тем, чтобы помочь болящему чаду.

– Ты?! – и все засмеялись.

– Пустите меня к ней!

– Уходи подобру-поздорову, глупый старец, – и рабы, схватив его за плечи, уже собрались вышвырнуть его за дверь.

– Пусть попытается, – это был сам, уже впавший в отчаяние, иеревс. Сейчас он терял не только дочь, но и свой авторитет всемогущего мага. Авторитет теряли и его

боги. Иеревс смотрел на Варфоломея взглядом, в котором читались и презрение, и безысходность.

– Пройди в ее покои, – сказал он. И видно было, что он совершенно не верит старцу, но просто в страшном отчаянии.

Варфоломей вошел в комнату, где корчилась в судорогах девушка. В помещении царил полумрак и стоял резкий запах благовоний, которыми обычно окуривают святилища. Убранство было необыкновенно роскошное, богатой отделке стен и потолка предпочиталась драгоценная инкрустация, постель девушки была застелена пестрыми персидскими тканями, а подсвечники были из чистого золота.

«Разве магам нужен другой Бог?» – пронеслось в голове у Варфоломея.

Старик подошел к кровати девушки, и она, едва до сих пор сдерживаемая тремя рабами, дико поведившая глазами и издававшая мерзкие слуху звуки, вдруг стихла, обмякла и кротко взглянула ему в глаза. Варфоломей поднял руку для крестного знамения, девушка задрожала и стала умолять сладким голосом:

– Не делай этого, не отправляй меня в бездну. Нет!

Тем временем крестное знамение было сотворено, и Варфоломей громко приказал:

– Именем Сына Божьего Иисуса Христа – изыди, злой дух – вон из тела, сгинь в аду!

И повторял так семь раз, а девушка корчилась в страшных судорогах, стонала хриплым грубым голосом, то умоляла не изгонять *его*, то что-то кричала на непонятном языке.

Потом она стихла. Стихла сразу, будто что-то, так долго терзавшее ее душу, покинуло ее тело... Варфоломей, словно видевший нечто, что было открыто только ему, перевел странный сосредоточенный взгляд с девушки на отполированный золотой зеркальный диск, который задрожал и со звоном скатился на пол.

– Теперь он в другом мире... – со вздохом облегчения произнес Варфоломей. Сам же упал в изнеможении – лохмотья его промокли от пота, а из носа полилась кровь. Как всегда после такого...

Иеревс, немного придя в себя от изумления, бросился к дочери. Та заснула безмятежным сном, а на щеках стал проявляться давно позабытый румянец. Лицо также начало принимать прежние красивые очертания.

Иеревс взял её за руку. На руке девушки блестел золотой браслет в виде кобры – с такими змейками-амулетами жреческие дочери никогда не расстаются вплоть до замужества.

Иеревс провел по браслету большим пальцем и остановил сосредоточенный взгляд на алмазных глазках, обвившей руку его дочери, золотой кобры. Казалось, он впал в транс одного из тех магических ритуалов, которые привык совершать каждый день.

– Пусть спит, ей надо отдохнуть... – тихо сказал Варфоломей. Иеревс вздрогнул и отвел взгляд от браслета дочери.

Варфоломей лишился чувств.

...И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь,

И чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов.

* * *

Учитель выбрал и Петра, и Иакова, и Иоанна, и Андрея, и Филиппа, и Варфоломея, и Матфея, и Фому, и Иакова Алфеева, и Фаддея, и Симона Кананита, и... Иуду Искариота... *«Который и предал его»*...Предначертание... Варфоломей не раз задавался вопросом – знавший и предсказывающий будущее Учитель не мог не знать о том, что сделает Иуда... Но лично призвал его. Не обрек ли он, тем самым, его друга на печальную, безысходную судьбу? А человечеству, *тем самым*, даровал бесценный дар – Спасение?

Многое понял Варфоломей. И пишет он о том людям, чтобы знали истину грядущие поколения...

Дружба была у них, у Иуды и Нафанаила, крепкая. Все делили поровну, всегда были честны друг с другом.

В один прекрасный день, когда Нафанаил отдыхал в тени смоковницы, подходит к нему Филипп, старый его знакомый, и рассказывает о том, что встретил он Иисуса из Назарета, о котором еще Моисей писал как о Спасителе, и другие пророки писали. Нафанаил (Варфоломеем, именем отца его стал звать его Иисус), не веря ни во что и ни в кого, а только в свои, способные утолить голод и спасти от холода, руки, скептически пожал плечами и сказал:

– Из Назарета может ли быть что доброе?

– Да сам посмотри, коль не веришь!

Никогда не был Нафанаил любопытен, а тут ноги словно сами понесли его в сторону, где спокойно стоял какой-то высокий, длинноволосый, облаченный в богатые одежды человек. Едва приблизившись, услышал приветливо обращенные к нему слова:

– *Вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.*

Обомлел Нафанаил. Как он мог слышать слова, сказанные более, чем в 50 саженьях от него?!

– Откуда ж ты знаешь меня? – спросил он.

– Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, я видел тебя.

Сейчас Варфоломей понимает, что имел в виду Учитель, когда говорил «Я видел тебя»... Он видел его задолго до их встречи, возможно, задолго до сотворения мира – как и всех других, кого призвал... И Иуду тоже.

Тогда подобное еще не могло прийти ему в голову, но он все равно почувствовал в этом, неожиданно возникшем в его жизни человеке что-то необъяснимое... неземное... в человеке, изменившем не только всю его судьбу, но и будущее всего мира...

Сейчас же Нафанаилу было достаточно и того, что у его собеседника такое острое зрение и такой удивительно тонкий слух.

И он воскликнул чуть ли в не экстазе:

– Равви! Ты – Сын божий, Ты – Царь Израилев.

Иисус, улыбнувшись доброй спокойной улыбкой, сказал:

– Ты веришь, потому что потрясен тем, что я смог разглядеть тебя под смоковницей. Увидишь больше сего.

– Что же я увижу, равви?

– *Истинно говорю вам: отныне увидите и небо отверстым, и Ангелов Божиих,*

* * *

До встречи с Учителем Иуда не был предателем.

Когда Нафанаилу и Иуде было по 25 лет, еще до того, как в их жизнях появился Он, отправились они в Дамаск по поручению их отцов по торговым делам. Не справившись с заданием, возвращаться домой не спешили.

Недалеко от Кесарии Филипповой Нафанаил крепко заснул под смоковницей, а Иуда только собирался вздремнуть, когда увидел двух приближающихся людей. Это были финикийцы, которых все опасались и старались обходить стороной. Было известно об их промысле – они похищали, уводили на свои корабли и продавали в рабство свободных граждан.

Приблизившись к двум товарищам, финикийцы стали что-то возбужденно обсуждать, указывая на безмятежно спящего Нафанаила. Иуда, не понимая их языка, но почуяв опасность, встал перед другом и вытащил пугио¹, который подарил ему отец. Финикийцы сразу остановились и умолкли. Все знали: они были настолько же трусливы, насколько и подлы.

Наконец, один из них заговорил на ломаном греческом языке:

– Добрый человек, мы не желаем тебе зла. Просто тот, спящий, уж очень похож на нашего раба, который сбежал вчера вечером.

– Добрые люди, – усмехнувшись и передразнивая финикийца, ответил Иуда, – мой друг никак не мог от вас вчера сбежать, потому что был со мной с самого начала нашего пути!

Финикийца явно раздосадовали слова Иуды, и он сказал что-то своему товарищу. Тот гневно закричал на него, затем молниеносно сменив злую гримасу на слащавую мину, посмотрел на все еще спящего Нафанаила, затем на Иуду. Ответил своему товарищу увещательным тоном. Физиономия того также быстро изменилась, он подобострастно поклонился Иуде, и только морщинки у прищуренных глаз выдавали какую-то задуманную хитрость.

– Добрый человек, мы и сами видим, что этот человек – не наш раб. Но он так на него похож... Кто он тебе, брат? Ибо даже брат не стоит того золота, что мы тебе дадим за него... Понимаешь, добрый человек, нам очень важно вернуть беглого раба на наш корабль. Но его нет, и найти мы его не можем. Продай нам своего брата! – И финикиец вытащил мешочек, в котором зазвенели золотые монеты. – Продай, ибо если до захода солнца мы не приведем курчавого, красивого, молодого раба... – в глазах финикийца Иуда заметил неподдельный страх. Его товарищ стоял, понуриив голову, и, глядя на них, можно было бы проникнуться к ним сочувствием, если бы то не были финикийцы, просившие продать им в рабство свободного человека.

Что это был за раб, ускользнувший от своих мучителей и стоивший так дорого, Иуда не узнал никогда. Он только догадывался, что принадлежал он, скорее всего, богатой финикийке, и теперь двух мужчин, не сумевших выполнить ее приказ найти и вернуть его, ждало суровое наказание. Последней отчаянной попыткой хоть что-то предпринять – вернуть ей пусть не того, но похожего на ее раба-любownika человека – вот, вероятно, что означала просьба финикийцев.

– Бери, добрый человек, здесь тридцать золотых. Ты сможешь и дом купить, и скот.

¹ Пугио – кинжал римских солдат с коротким широким клинком.

Иуда не был ни подлецом, ни предателем. Тогда... И соблазнительно звеневшие в мешочке тридцать золотых монет не прельщали его вовсе. Хотя это золото с лихвой могло бы покрыть его потери в торговой сделке и, что было гораздо важнее, избавить от гнева отца.

– Убирайтесь вон, низкие люди! – закричал в ярости Иуда. – Вон! – и стал угрожающе размахивать пугио. Привстал разбуженный и, сквозь дымку истончающегося сна слышавший последнюю часть разговора, Нафанаил.

Увидев, что предмет их торгов в полном сознании и силе озирается по сторонам, финикийцы проворно ретировались.

– Почему ты их выгнал, Иуда? И за что они предлагали тебе тридцать золотых?

Иуда усмехнулся.

– Вставай и пойдем уж. До ночи мы должны дойти до постоянного двора.

– Ты мне не ответил!

– Вставай, говорят! – И Иуда, не дожидаясь товарища, пошел вперед.

Нафанаил, еще разбитый после резко прерванного сна, поплелся за ним.

В этот день Иуда не рассказал другу о том, что это были за тридцать золотых монет. Не рассказал он об этом ему и после.

Иуда не считал, что дружба может стоить этих денег, ни этих, не других. И хвататься своим бескорытием и верностью простым человеческим ценностям также не считал приемлемым.

Но рассказал Иуда однажды, через немало времени, своей любимой жене, которая после смерти его поведала о том Варфоломею.

Сильно досталось Иуде от отца за неудачу в торговой сделке. Нафанаил отделался значительно легче – его отец был менее вспыльчив.

И задумал отец Иуды остепенить сына, что значит женить. Была уже и девица на примете – из семьи такого же достатка – богатого торговца.

Иуда был хорош собой, да так хорош, что пользовался известностью даже у женщин из соседнего селения. Выбранная отцом девица никак его не привлекала, впрочем, как и сама идея жениться. Ему было уже 25, и по понятиям его народа, в холостяках он уже изрядно задержался. Большинство ровесников его круга уже имели и содержали семьи, утверждая, тем самым, свою состоятельность перед обществом.

Хотя, кто знает, пади выбор отца на некую другую особу, он был бы, может быть, несколько сговорчивее. Но это было невозможно, потому что речь шла о дочке простого плетельщика рыболовных сетей. Для Иуды же данное обстоятельство не имело никакого значения.

У девушки его мечты были черные миндалевидные глаза, и она так беззаветно любила Иуду, что он с добровольным бессилием растворялся в этой любви.

День свадьбы был уже назначен, и Иуда, как часто водится в таких делах, узнал о нем последним.

– Отец, молю, не делай этого, я не готов...

Отец строго глядел на сына, и последние искорки надежды почти погасли в Иудином сердце.

– Почему не желаешь серьезной жизни, сын?

– Да был бы не против я... только с любимой...

Отец, нахмутив брови, сурово смотрел на единственного сына – надежду всей

семьи, продолжателя рода и дела отца. Только никаких особых талантов к хитрому торговому делу не углядел в Иуде до сих пор его отец, и это его печалило и удручало.

Сейчас он сразу понял, в чем причина нежелания сына жениться на указанной девице – видно, вскружила голову красавцу какая-нибудь сельская простушка. Ведь приличных девиц из домов не выпускают.

Не получилось у Иуды разговора с отцом. Он кричал о том, насколько испорчены ныне нравы, что дети смеют перечить родителям. Что он, в бытность молодым, также женился по указанию отца, и чувствует с тех пор себя достаточно счастливым.

Именно в этот момент, весьма вовремя, как показалось Иуде, появилась его мать и увещательным тоном стала успокаивать мужа. Затем, обнадеживающе взглянув на свет очей ее – любимого сына, увела отца из комнаты.

Матери часто удавалось смягчить гнев отца по-отношению к чаду. Иуда чувствовал, выручит она его и на этот раз.

Юноша сел за стол и опустил голову на руки. Образ девушки с миндалевидными глазами возник сам собой. Девушка улыбалась ему, манила его и шептала ему ласковые слова.

Спор Иуды с отцом разрешился сам собой. Вспыльчивый торговец на самом деле бесконечно любил сына, а все тонкости достижения счастливой жизни его чада разъяснила ему жена. На следующее утро отец сам подошел к Иуде, обнял его и решил жениться на дочке плетельщика рыболовных сетей.

– Но смотри, сын мой, условие мое выполнишь! Женишься! – И в глазах его вновь заиграли такие знакомые Иуде суровые огоньки.

Иуда любил отца. Когда он его обнял, то увидел стоящую в другой комнате мать. Она улыбалась ему. Но Иуда и так знал, что счастье его – её заслуга. Мать он любил еще больше.

Однако все случилось не так, как ожидалось. Этот ничтожный плетельщик сетей отказался отдать свою дочку «бесчестному торговцу»! И запер дочку дома.

– Он оскорбил твоего отца! – негодовала мать. – Как он смел назвать его бесчестным!?

Иуда стоял подавленный и несчастный.

Позже выяснилось, что плетельщик сетей обещал свою дочь какому-то родственнику, тоже торговцу.

Семья начала враждовать. Пока Иуда не похитил любимую и не поселился с ней в уютном домике в Капернауме. И была свадьба, чтобы всё было по чести и закону людскому.

* * *

Иисус собрал всех нас, и Слово Его приходили слушать с разных концов земли – из Дамаска, Иудеи, Галилеи, Десятиградия...

Иисуса слушали и поддерживали мытари – сборщики податей, которых люди и ненавидели, и боялись. А там, где страх, там и уважение... Один из таких мытарей – Матфей был один из нас – апостол Иисуса Христа.

И рядом был Матфей, когда Иисус, возмущенный тем, что храм Отца Его превратили грешники в непотребство сущее, разогнал торговцев. И молча покинули храм сильные, здоровые мужчины.

Потомок царей из дома Давидова, Иисус имел поддержку и местной знати, и местной власти из тех, что недовольны были римским владычеством и прокураторством Понтия Пилата.

Иисус был царем, не у власти, но имеющим на то все права по рождению.

Неся Слово Божье и поддерживаемый влиятельными людьми Палестины, потомок царя Давида уже воцарился в сердцах людей и повел их за собой.

Нафанаил однажды услышал, как учитель сказал Иуде:

– Брат мой, у тебя особое предназначение... Оно по важности не уступает Моей великой цели – Спасению человечества... а может быть, и зависит от него.

И с тех пор изменился Иуда, стал задумчив и печален.

Это был сон. Сон, который когда-то был явью, и явь, о которой Варфоломей, исписывая пергамент, одержим был поведать потомкам.

* * *

Он очнулся в низенькой комнатухе – в той части дома, где жили рабы. Вокруг суетились люди, какая-то старая рабыня натирала ему грудь вонючим средством, другая остужала в миске травяной отвар.

– Моя сумка! – вскричал больной.

– Да здесь она, в изголовье... Не бойся, – сказала склонившаяся над ним молодая рабыня.

– Он пришел в себя, этот чудесный человек! – вскричала старая рабыня.

Подбежали еще несколько рабов поглазеть на то, как исцеливший их молодую хозяйку нищий пришел в себя.

– Элоа, принеси холодной воды! – Приказала старая, как видно старшая рабыня – молодой.

Девушка ушла и вернулась с кубком холодной воды. Варфоломей жадно его осушил.

– Элоа, последи за ним, меня зовет госпожа! – снова приказала старая рабыня.

Элоа присела на скамью и тяжело вздохнула. Варфоломею показалось, что она избегает его взгляда.

Через некоторое время ее позвали на кухню, и она удалилась.

Варфоломей остался один. В распахнутом окне бледнела предательница-луна.

Через два часа Варфоломею стало легче физически, но очень тяжело душевно. Рабыня Элоа, несколько не впечатленная сотворенным им с дочкой господина чудом, заявила, что он несет с собой только зло, и что ее подруга Дира и ее муж именно по его милости исчезли из дома. Их родственники просто сбились с ног в поисках, пока не выяснили, что за день до несчастья от них ушел сумасшедший, сеющий злонравные речи, чужеземец.

Варфоломей даже заплакал. Да, он *понимал*, что судьба непременно снова сведет его с этими благородными людьми, но не думал, что призвание Кенона, о котором он ему пророчил, начнется столь трагично.

– Дитя мое, – только сказал он сквозь слезы, – неисповедимы пути Господни... И поверь мне, все всегда бывает к лучшему.

Рабыня не в состоянии была понять все таинство слов апостола и расплакалась еще сильнее.

– Как же к лучшему? Как же?! Ведь их разлучили, наверное Кенона пытаются, если еще не убили, ну, а ее...

– Что ее? Что ты знаешь?

– Я слышала, как мой господин говорил с главным иеродулом. Ее посвятили богине Анахите¹...

– Но... Ведь тогда известно, где она!

– Нет, нет! Нет ей уж пути обратно! Не быть ей больше доброй женой и матерью хороших детей!

Варфоломей понял не сразу. Быстро «открылся» ему язык народа Албании, но в остальном эта страна оставалась для него все еще неведомой.

– Дитя мое, – простонал Варфоломей. – Я не понимаю!

– Ты пришел сюда, чужеземец, и встревожил народ. Когда-то и я была свободной, но за долги мужа стала рабыней иеревса. Но у меня хотя бы был выбор... А у нее – нет! У нас женщин часто посвящают богине Анахите... Там они ублажают богиню... то есть... служат развлечением... богатых посетителей храма.

– Господи! За что?! – Варфоломей стиснул зубы, да так, что почувствовал, как застучало в висках. А в голове навязчиво маячило греческое слово «гетера».

– Слушай дальше, чужеземец, что ты сделал! Очень часто посвященных богине рабынь приносят ей в жертву. И я все ночи напролет умоляю богиню Анахиту не возжаждать ее крови! – рабыня, рыдая, выбежала из комнаты.

– О Господи! И опять покинул!

Варфоломей смотрел в распахнутое окно, откуда ему презрительно улыбалась луна. Снова она. Снова вмешалась и ввергла его в отчаяние. Луна – Селена – Анахита...

Я услышал ропот сынов Израилевых; скажи им: вечером будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом, и узнаете, что Я Господь Бог Ваш.

Ибо снова упал Варфоломей и в крепости души своей, и в вере к Господу.

Что делать? Надо было найти в себе силы и веру, чтобы вернуться к жизни. Ведь он так теперь нужен был спасшим его Кенону и Дире.

Варфоломей упал на подушки и закрыл глаза. Перед ним снова встали образы давно исчезнувших с лица земли людей. Они двигались и говорили как живые, их обуревали человеческие желания и помыслы, они были рядом... Они жили в его рукописи, что лежала в изголовье.

* * *

Мой друг Иуда был счастлив. Будучи из знатной семьи, он и теперь не испытывал ни в чем нужды, жил и содержал свою жену в довольстве и достатке.

Я часто навещал его, и мы сидели до самой ночи под луной, разговаривая, вспоминая прошлое, строя планы на будущее. Пока не призвал нас Учитель наш, и мы до глубины души не уверовали в новые истины и в Царствие Небесное.

И преданность наша была настолько велика, что мы видели перед собой только Учителя нашего, остальное же казалось дымкой сна. Ведь сказал Учитель наш: «Ибо

¹ Анахита – богиня луны. Храм Анахиты в Кавказской Албании с обширной территорией и многочисленным населением играл важную роль в общественной и религиозной жизни страны.

отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трех».

И нас было двенадцать, и мы все любили Его, и все были призваны Им, и каждому из нас была отведена особая роль быть личным другом Его, с которым Он непременно говорил и растолковывал то, что понимали мы с трудом... Растолковывал, когда мы были в лодке на реке, и когда шли по улицам города, и когда ели вместе мясо и пили вместе вино. Ибо любил Учитель наш собирать нас воедино в человеческом веселье и божественном общении. И жил так всегда, и делился всем с нами. Ибо так привык потомок царей Иудеи.

Но Иуда... Мы все видели, что Учитель относится к нему по-особенному. Сам я слышал, как однажды Учитель сказал ему: «Ты превыше учеников Моих».

«Отойди от других, и я тебе передам тайны Царства. Ты можешь их постичь, но будешь скорбеть...» – Иисус обнимал любимого ученика своего, и все шептал и шептал ему что-то на ухо.

Часто уединялись они для беседы, и мы, любопытные грешники, видели изда- лека, как много говорит Учитель Иуде, а тот слушает с печалью великою.

Как-то я, ведомый все тем же грехом любопытства, спросил у друга своего Иуды, о чем это так много говорит ему Учитель.

Иуда тяжело вздохнул, и в глазах его я увидел глубокую печаль.

И не сказал мне ничего.

А Учитель все чаще говорил с ним наедине, а при нас, глядя в глаза Иудины, грустно улыбался. Ибо только на Иуду так смотрел Учитель, только ему улыбался так...

Я никогда не завидовал, ибо грех это... может даже смертный... Но все-таки мне, понимающему, как безмерно любит Иисус каждого из нас, все же так хотелось тогда быть на месте Иуды... И, знаю, каждому из нас хотелось...

Тогда...

Как-то застал я Иуду горько плачущим. Спросил его, что с ним. А он убежал.

И снова как-то застал его рыдающим. И не убежал он теперь, а бросился мне на шею. Снова ничего я не понял, а он закричал в страдании крайнем:

– Ноша, ноша тяжкая... И нет мне покоя сейчас, не будет потом, и не успокоюсь вечно! И не слишком ли много для меня одного? И почему именно я?!

И он дрожал, как лист осиновый, и взгляд его был безумен. И прежде, чем я что-либо смог сказать, убежал.

Я был в страхе за друга и искал его долго. Но не нашел. Он сам нашел меня. И не узнал я его, потому что улыбался он и выглядел совершенно счастливым.

И он сказал мне:

– Не думай про меня, брат мой. Что написано, то и будет. А Учитель наш ска- зал: «Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» Без меня? Значит должен я, призван я.

Зная, что Учитель всем нам определил свою особенную роль, я как-то спросил Иуду:

– Для чего призван ты, брат?

И опустил брат мой голову свою, и видел я, как он страдает. И странен, и стра- шен был его ответ:

– Быть проклятым и ненавидимым в веках!

И он убежал, оставив меня в ужасе и печали.

* * *

Иеревс находился в смятении. Его любимая дочь, которая уже много полнолуний то впадала в беспамятство, то страдала от пугающих судорог, вдруг вернулась к нему здоровая, румяная, счастливая. Бессильные знахари молчали, а он, главный маг храма Митры, прекрасно знал, что вселился в нее злобный див, избавиться от которого было очень трудно. Практики магизма предполагали изгнание злых духов из тела человека, но действовали они далеко не всегда. Мистический антураж только дурманил сознание людей, что опрощало магам манипуляцию их разумом. А что еще было нужно?

Маги, они же древние мобеда, умели считывать информацию с планет. Эти знания когда-то давно, еще до Зороастра, достались их отцам от самого мистического народа – халдеев. Со злыми демонами маги часто справлялись – это зависело от того, какое место в демонической иерархии они занимали. А также, в какой степени был подвержен суеверным страхам обратившийся к ним за помощью человек...

Но с этим злым духом, он, всесильный маг, посредник между людьми и демонами, иеревс, ничего поделаться не мог. Дух был силен, и, возможно, был послан самим Ахриманом как месть ему, своему несговорчивому врагу...

Иеревс нахмурился и сжал губы. Он не был глуп. И что-то давно ему подсказывало, что он является врагом не Ахриману, а Ахурамазде¹... Может, поэтому демон не был подвластен потомку древних мобедов?

Иеревс уронил голову на руки. Он должен был быть счастлив – ведь к нему вернулось его любимое и единственное дитя... Ибо Ахурамазда не был к нему щедр и не давал ему сына.

Но он не был счастлив. Потому что это счастье досталось ему от чужеродного странника, способного своими речами пошатнуть весь его *устоявшийся и такой добрый для него мир*. Мир власти, богатства, всенародного почитания. И более того... Он знал, что слухи, подобно тьме, обволакивали город. Слухи о том, что не он исцелил свою дочь, а слуга чужого Бога.

Иеревс застал от наплыва противоречивых мыслей и чувств. Он должен был быть безмерно благодарным спасителю своей дочери. Но он ненавидел его.

Однако он будет щедр к нему. Но пусть он уйдет. И никогда не появляется в его городе. *В его устоявшемся, таком добром для него мире.*

А в душе все скребся вопрос:

Что это за Бог, Именем Которого самым простым человеком изгоняется самый сильный демон?

Варфоломей собирался покинуть дом иеревса. Открывшиеся в порыве невероятных усилий во время изгнания беса раны стараниями Элоа быстро затянулись, голова не болела, а травяные отвары вернули ему силы. А силы нужны ему, как никогда – ведь он был полон решимости спасти своих друзей.

– Иеревс зовет тебя, господин, – поклонившись, сообщил ему раб.

Через некоторое время апостол предстал перед жрецом.

– Ну, здравствуй, спаситель жизни моей... ибо дочь моя – единственное чадо мое.

Иеревс указал Варфоломею на удобное, обтянутое заморским шелком, сиденье, и сам сел напротив.

¹ Дуализм в зороастризме определялся противостоянием верховного божества светлых сил Ахурамазды и верховного божества темных сил Ахримана.

– Ты очень сведущий маг... – продолжал иеревс, – и тебе известно много тайн всех девяти миров...

– О нет, мне известна лишь одна тайна двух миров... нашего и Царствия Небесного!

– Царствие Небесное? Такой мир мне неизвестен...

– Туда ушел предсказанный в святых книгах Спаситель...

– Неужто Он уже пришел? – с деланно-серьезным тоном, спросил иеревс.

– Пришёл! И мы, уверовавшие в Него, идем за Ним. И при жизни, и после смерти!

– А мы, уверовавшие в Ахурамазду, – произнося имя своего верховного божества, жрец почтительно склонил голову, – что же, идем неправедным путем? И при жизни, и после смерти? – презрение мага к Варфоломею стало оскорбительно явным. Варфоломей казался смиренным и кротким..

– Именно так, жрец... Только мой Бог на самом деле – и твой Бог... И возлюбил он каждого из чад своих без исключения, и пришел спасти погибшее...

– И я погибаю? – продолжал усмехаться иеревс.

– Потому что ты не хочешь слышать то, что Он говорит тебе через меня...

– Неужто?!

– Он уже дал тебе одно знамение. Неужто мало тебе?!

Иеревс одно понимал четко: *в его мире* этот сильный Бог, о котором говорил чужеземец, был лишним. Он не был похож на молчаливых идолов его страны.

Жрец бога Митры смотрел на человека, который пришел из ниоткуда и принес с собой непонятого и опасного Бога. И иеревс хотел, чтобы он забрал своего непонятого и опасного Бога и ушел в никуда. Исчез навсегда из его жизни, *из его понятия и такого доброго для него мира.*

– Я хочу отблагодарить тебя, старик. Отблагодарить тебя тем, что оставлю тебя в живых. А также возьми вот это, – с этими словами иеревс бросил ему на колени мешочек, туго набитый золотыми монетами. – И я принесу богатые жертвы Ахурамазде, вознесу ему молитвы о твоём благополучном возвращении домой.

Варфоломей равнодушно посмотрел на мешочек с золотом и тяжело вздохнул. Затем, чтобы не показаться невежливым, мягко отложил мешочек в сторону.

– Сказано же... не собирай сокровища на земле, но на небе... Не нужно мне... И уйти далеко не могу... призван я... взрастить в сердцах людей этой страны веру в истинного Бога... Кто знает, может, маленькое семечко посеяно и в твоём сердце...

Иеревс засмеялся.

– Значит, не нужны тебе деньги... Ну, тогда проси, что хочешь. Все исполню, кроме признания Бога твоего! Лишь бы ты ушел с миром отсюда!

– Я и не жду, что ты признаешь Бога моего так быстро... Ты хочешь, чтобы я забрал с собой свой мир, но оставил в покое твой! Понимаю! Ведь твой мир ясен и понятен *для тебя!*.. Что касается цены за то, чтобы я ушёл... Да, есть у меня просьба, иеревс. исполни ее, как обещал... Тебе это будет нетрудно. Ты разлучил и сделал невольными мужа и жену... тех самых, что приютили меня, когда... я был ранен... Мастера Кенона и жену его Диру.

Иеревс нахмурился.

– Откуда тебе об этом известно?

– Позволь мне умолчать об этом. Я лишь прошу освободить их, ибо они ко мне проявили лишь милосердие. Освободи их, позволь им воссоединиться и спокойно

жить в доме своем.

– Лучше бы ты взял денег, старик... – Ответил иеревс. – Хотя... Вернул ты мне мое бесценное дитя... Значит и плата должна быть жизнями... Ты совершенно справедлив, старик! *И я обещаю тебе их живыми!* Но с условием! Ты уходишь! Навсегда покинешь город! И придется тебе исполнять свое призвание в другом месте!

Варфоломей поник головой. И снова выбирать между Богом и людьми!

– *Богу – Богово, кесарю – кесарево*, – услышал он за спиной вкрадчивый голос врага человеческого. Оглянулся. И не было там никого.

Он уйдет. А Кенон и Дира вернутся домой. И изменит он Богу. И будет хуже Иуды в глазах людских.

– Я должен их увидеть! – решительно сказал Варфоломей.

– И здесь я милостив! Я дам тебе письма. Иди и сам их освободи! А потом – уходи. И горе тебе, если я что-либо услышу о тебе на исходе полной луны!

Иеревс начертил на двух кусках пергамента какие-то знаки, затем, сложив письма, запечатал каждое сургучными печатями с оттисками его гравированного перстня.

– Это письмо отдашь стражникам темницы. Они передадут его, кому нужно. Мастера освободят. А это письмо – отдашь иеревсу иерона¹ Анахиты. Увидишься с женщиной и уйдешь в Иберию. Там недалеко. А дальше, как знаешь.

Жрец встал, и в довершении разговора добавил:

– Я благодарен тебе за дочь, старик. И очень не хотел бы, чтобы мои чувства вступили в противоречие с моим долгом. – Он повысил голос и сурово нахмурил брови. – Это говорю тебе я, второй человек после басилевса Албании, иеревс иерона Митры!

Иеревс направился к выходу.

На пороге мелькнула тень, но он ничего не заметил.

Через некоторое время к иеревсу подошла его дочь. Она уже оправилась от поразившего ее недуга.

– Как ты чувствуешь себя, дитя мое? – поцеловав ее в лоб, спросил жрец.

– Хорошо, отец. Но...

Она остановилась в нерешительности.

– Ты хотела что-то сказать, Энола?

– Да...

Жрец вопросительно смотрел на дочь.

– Отец... Элоа... да, Элоа сказала мне... что мой спаситель идет в храм Анахиты...

– Элоа? Откуда ей знать?

– Может, он и сказал ей, она ведь ухаживала за ним...

Но лгать девушка не умела.

– Ты подслушивала нас? – строго спросил иеревс.

– Отец, прости! Прошу, не посылай старика одного! Он так слаб еще! Пошли с ним двух своих иеродулов... Хотя бы одного!

– Я понимаю, что ты ему благодарна, дочь. И я тоже благодарен. Но нет в этом необходимости! Твой спаситель вполне окреп. Да и рабы нужны мне здесь – в храме много дел. Ведь скоро праздник.

¹ Иерон – храм.

Иеревс пошел прочь, и Энола знала, что убеждать его бесполезно.

Варфоломей взял свою драгоценную сумку и направился к выходу. Прощаясь, Элоа поцеловала старика. В глазах у нее стояли слезы благодарности.

Апостол вышел на улицу и пошел вон из города. Он шел, и горе затуманивало ему глаза. Он предавал своего Учителя, совсем как тогда, в Гефсиманском саду, когда заснул вместе с другими, а потом не смог Его защитить. Сейчас он оставлял страну, куда был послан Им нести Его Слово.

Дорогу ему преградила красивая белокурая девушка. Она была в дорожной одежде, а за поясом поблескивал короткий меч. Он узнал ее – это была спасенная им дочь иеревса. За ней на почтительном расстоянии следовал молодой, крепкого сложения, раб.

– Я не пущу своего спасителя одного! И последую за тобой, чтобы помочь тебе спасти тех, кто оказался в беде по вине моего отца! – решительно заявила она.

Варфоломей изумленно глядел на это хрупкое создание, но раб ее был внушительных размеров и вооружен до зубов.

– Нельзя, дитя мое. Тебя хватится отец.

– Я же сказала, что не покину тебя! Мы тратим время, пошли!

– Я всегда странствую один. Мне не нужна помощь. Возвращайся домой, дитя. Это добром не кончится.

И Варфоломей быстро пошел прочь. Но девушка, по-видимому, была не из тех, кто легко сдаётся. У нее было оружие – слово, способное, и она это знала, обезоружить исцелившего ее человека.

– Я поверила в твоего Бога! Кто, как не я, могла искренне это сделать, добрый странник?!

Да не отринут будет уверовавший в Меня.

* * *

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» .

Сейчас, спустя сорок лет я иногда с содроганием думаю, что Иуда Искариот был единственным из нас учеником, который правильно понял своего Учителя.

Ведь если бы не мой несчастный друг, был бы спасен род человеческий жертвой и кровью Иисуса Христа? Нет!

Роль Иуды... Теперь была понятна... Иисус Сам избрал его. «Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и именовал Апостолами». В этом Великом Действе Спасения всего человечества каждому была отведена своя роль... И никак нельзя было обойтись без человека, кто добровольно взял бы на себя тяжкий грех предательства... Осознавая, что будет проклят в веках... Не увидит Царствия Небесного... Значит ли это, что жертва Иуды по величию несоизмерима с жертвой Самого Христа?! Иисус говорил: «Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» Или когда Он им сказал: «...и совершится все написанное чрез пророков о Сыне Человеческом». Или: «Сыну Человеческому должно много пострадать...»

Ведь благодаря Иуде душа Иисуса Христа покинула свое тело и ушла в блаженные просторы Царствия... («Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в

славу Свою»). А что осталось самому Иуде, добровольно взявшему на себя столь тяжкую ношу? Проклятие и вечный ад? Разделение с Господом?! Горе мне... Я привел его ко Христу... Хотя, что можем мы, люди, когда распределены уж роли? До нашего рождения? До сотворения земли?! («...но да сбудутся Писания...»)

Часто думал я о цене предательства – 30 сребрениках...

Недоумевали тогда Андрей, Петр, Иоанн, Марк, Матфей, Иаков и другие. Даже если предположить, что Иуда был наиподлейшим человеком на земле, то, тем не менее, как он, при всём своем достатке, решился на предательство своего любимого Учителя за столь ничтожную сумму? («...лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если я не пойду, Утешитель не придет к вам»)...

А ведь вряд ли кто мог бы упрекнуть его в алчности. Он был казначеем у апостолов, хранителем общих денег. Был всегда порядочен, честно распределял их по нуждам учеников и их семей.

Когда Мария из Вифании помазала ноги Иисуса нардовым драгоценным миром и затем отерла ноги Его волосами своими, то не прав был апостол Иоанн, который в своем евангелии приписал возмущение по этому поводу одному Иуде Искариоту. А справедливее был апостол Марк – «Некоторые же вознегодовали и говорили между собой: к чему сия трата мира?» И только после всеобщего ропота, в котором немалое участие принял и я, Варфоломей, Иуда посмел сказать: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?»

Я знал своего друга Иуду и не сомневался, что тот говорил в поддержку остальных, и действительно, ради нищих. Иоанн же всегда недолюбливал Иуду – многие не любили бережливого хранителя ящика с деньгами. Мало того, что Иоанн записал неверное свое истолкование слов Иуды, он еще и несправедливо назвал его вором. Когда он что-либо украл?

Иисус же пристыдил всех: «...нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда».

Теперь, спустя столько лет, я понимаю, что вездесущий Учитель не просто позволил Иуде совершить свой тяжкий поступок. «Ибо знал он предателя Своего, потому и сказал: не все чисты».

Обрекал Учитель любимого ученика Своего на вечные проклятия и муки, ибо такова была цена Спасения всего человечества, настоящего и грядущего:

«...Сын Человеческий идет по предназначению; но горе тому человеку, которым он предается...»

«Что делаешь, делай скорее», – сказал Иисус Иуде перед тем, как тот сдал его первосвященникам и фарисеям. Тогда никто ничего не понял – думали, что дело касается денег, которые Иуда всегда носил с собой в ящике. Но теперь я понял все. Учитель побуждал своего ученика совершить нечто, что решено было между ними ранее.

Да, Иуда был единственным среди нас, кто правильно понял своего Учителя.

Ведь говорил Он: «Так написано и так надлежало пострадать Христу...»

И схватили Его, и судили, и глумились над Ним...

И издевались над ним, что он Царь Иудейский.

И Пилат указал иудеям на Него, и усмехался, что это их Царь.

А они, иудеи, все как один, кричали, что не царь он им, а царь их – только кесарь римский. И хотели, чтобы Пилат распял Его.

И Пилат тогда решился убить Христа. Ибо до того не решался предать постыдной смерти, имеющего сторонников среди элитных слоев города, потомка царя...

И Варфоломей рыдал тогда от стыда за народ свой. И сгорает от стыда по сей день. И знает, что проклят будет народ его во веки веков...

И как сейчас, перед глазами Варфоломея издевательская надпись на груди Распятого: *Иисус, Царь Иудейский*. А когда первосвященники попросили Пилата, чтобы он не писал «Царь Иудейский», но написал, что «Он говорил: Я Царь Иудейский», Пилат отказался изменить надпись: «Что я написал, то написал».

Потому что знал воистину, Кто перед ним..

Варфоломей помнит, как воины делили между собой одежду распятого Христа, и не знали, как поделить на четверых «не сшитый, а весь тканый сверху», хитон. И бросили жребий. Разбогатели тогда эти воины, но прокляты оказались их потомки.

Когда один из воинов пронзил копьем ребра Его, то обильно обагрила кровь Христова руки его. И потомки этого воина страдают страшным проклятием – на руках и ногах их отныне и на протяжении веков будут проявляться раны Христовы, полученные им при распятии (*речь идет о стигматах – Авт.*).

А Иуда вернул первосвященникам 30 сребреников, чтобы уразумели все, что не ради этих ничтожных денег предал он своего Учителя...

И даже враги Христа понимали, насколько грязны те деньги, что не достойны они лежать в сокровищнице церковной. И купили у одного горшечника землю для кладбища. С тех пор проклята та земля, «землёю крови» называется.

И не выдержал мой друг сей тяжкой ноши... Он дрожал всем телом как лист осинового... И осина, на которой он повесился, дрожит теперь вечно...

Часть II

Энола

Стражник и не ожидал, что его пленник бросится с такой высоты. Упав в песок на связанные руки, он сильно ушиб одну и сломал другую. Несмотря на острую боль и шум в окровавленной голове, беглец стремительно вскочил и бросился прочь. Прочь, прочь из города, туда, где текут воды Кюра (*Курь – Ред.*), где стоит вечный храм Анахиты, и куда, он не сомневался, увезли его жену.

Он уж и не помнил, сколько его держали в темнице. Ему казалось, что весь мир забыл про него... Но мучительнее всего было то, что он не мог помочь своей Дире.

Бежал, бежал... И ни о чем не мог думать, кроме нее. Панический ужас за жену, вот уже столько дней владевший им, лишил его способности здраво мыслить. Он быстро израсходовал все силы, а голод и жажда стали нестерпимыми.

В полуденную жару он рухнул под дерево и в бессилии заскрежетал зубами. Отдышавшись, вдруг обратил внимание, что руки все еще связаны. Он до сих пор и не пытался избавиться от сдавливающей бечевки. И только сейчас, когда шок постепенно отпускал его, понял всю отчаянность своего положения. Не было надежды избавиться от бечевки. Не было надежды на восстановление сил. Не было еды и воды. И не стало надежды спасти Диру. Осознав все это, Кенон беззвучно заплакал и стал молить Ахурамазду избавить от мучений и его, и жену.

Он лежал под деревом, погруженный в охвативший его ужас. Уже смеркалось, когда кто-то прикоснулся к его плечу. Он открыл глаза и увидел склонившихся над ним двух людей. Облаченная в богатые одежды девушка и старик в лохмотьях. Очень знакомый старик... Да-да, тот самый, кого они с Дирой спасли однажды от разъяренной толпы. С кого начались его несчастья.

Легким прикосновением Варфоломей облегчил ему боль, вправил сустав на одной руке, соединил кости на другой, затем туго стянул место перелома материей, оторванной от его плаща.

К Кенону постепенно вернулись силы.

– Я должен идти в храм... За ней... За мной погоня! – и Кенон встал.

– Тебя больше не преследуют. Иеревс помиловал тебя!.. Но погоня за нами.

– Почему?.. Впрочем, неважно... Я должен идти. Дира в опасности! – Кенон встал, но Варфоломей остановил его.

– Мы должны дождаться луны. Иначе сгинем в болоте. Ночью нам его не обойти. И не поможем тогда Дире никогда!

– Возьмем у людей огня! Я видел дома неподалеку.

– Ты лишился рассудка?! Нас будет видно издалека.

– Но и оставаться опасно! Говоришь, погоня за вами!

– Поверь мне, сынок. нет выхода. Придется ждать луны.

Понимая всю разумность доводов старика, Кенон снова сел. Спешка действительно могла стать роковой.

– Это – единственная дочка иеревса Энола. – Объяснил Кенону Варфоломей. – Она идет с нами, и я не мог ей запретить сделать это... Она хочет быть *призванной*. На все воля Божья!.. Но теперь люди иеревса, вероятно, преследуют нас.

– Вот в чем дело! Пусть возвращается!

– Нет! – твердо сказала девушка. – Они не догонят! Хватились меня, скорее всего, только поздно вечером. Потому что до этого времени я люблю бывать одна, и никто не смеет нарушать мой покой! Но если все же... мы их заметим, я вернусь, а вы пойдете дальше...

Кенон пожал плечами. Поведение девушки казалось ему насколько легкомысленным, настолько же и бессмысленным. Он внимательно посмотрел на нее, а та вдруг зарделась румянцем.

– Она юна совсем! – сказал он.

– Мне шестнадцать!.. И... каким бы странным тебе не казалось, что я иду вместе с этим мудрецом, но я должна помочь исправить то, что сделал мой отец... Этот человек, – и она указала на Варфоломея, – исцелил меня от страшного недуга... даже мой отец оказался бессилён спасти меня... и я поняла... Бросить его я не могу...

– Ну, и как ты сможешь? – усмехнулся Кенон.

– Мой раб силен и вооружен, он сможет отразить, например, разбойников! И помочь в трудностях там, куда мы идем... Если они возникнут.

– Сейчас этому старику угрожают не разбойники, а твой отец! – резко сказал Кенон. – Мы не можем идти вперед из-за болота и темноты, а люди твоего отца в любой момент нас здесь схватят и обвинят в твоём похищении!

Энола посмотрела на Кенона с обидой. Но здравый смысл ей подсказывал, что он говорит правду. Поступок её мог принести больше вреда, чем пользы.

– Я вернусь... Он прав.

– Нет! – сказал Варфоломей. – Обратного пути нет! Я не доверю тебя твоему рабу! Да и десятерых рабов может оказаться мало, если не повезет...

Затем обратился к Кенону.

– Кенон, действия Энолы побуждаемы чистым сердцем. И поверь мне, сынок, все, что мы делаем, имеет глубочайшее значение...

Кенон снова пожал плечами. Он по-прежнему считал поступок девушки глу-

пым капризом, который мог помешать ему спасти любимого человека.

Ожидали врагов каждое мгновение, и ждали луну. Но предательница, заслоненная тучей, не вышла этой ночью.

Изнывал Кенон. И не будь рассудительного Варфоломея, так и сгинул бы в болоте. Разговор немного смягчил напряжение.

– Как ты смог уйти из темницы, Кенон? – спросил Варфоломей. – Когда мы показали стражникам письмо, они были в ужасе.

Кенон рассказал, как страх за любимую заставил его решиться на безумный шаг – он бросился с высоты в отчаянии и наудачу. Упал на руки, чтобы поберечь ноги. И побежал. Варфоломей глядел на Кенона, изумляясь и силе его любви, и крепости его духа.

– Сынок, ты воистину воин Божий!

Энола чувствовала, что не в шутку раздражает Кенона, но старалась не обижаться. Ведь он словно явился из ее девичьих грез – красивый, смелый, раненый, измученный болью, запачканный дорожной пылью. И чувство, доселе незнакомое, закралось в душу юной красавицы... Герой ее грез, так неожиданно вышедший из мира фантазий ей навстречу, никогда даже с интересом не взглянет на нее.

Переночевали в вырытой рабом Энолы и Варфоломеем яме. Варфоломей давно научился так спасаться от врагов Христовых. Засыпанные землей и листьями, они, притаившись, видели, как пронеслись мимо вооруженные иеродулы иеревса, но, не решившись продолжить преследование по болоту столь темной безлунной ночью, вернулись обратно.

Не чувствуя больше боли, Кенон спросил Варфоломея:

– Как ты сделал это?

– Не я. Господь...

– Что за Господь, что являет себя столь зримо?

– Поймешь и пойдешь за Ним...

Когда заря окрасила первым блеклым светом горизонт, Варфоломей, Кенон, Энола и ее раб уже огибали болото безопасной тропой.

Энола украдкой поглядывала на Кенона, быть может чаще, чем то пристало дочери иеревса... Он завладел ее мыслями и чувствами так стремительно, что вся прежняя жизнь начинала ей казаться бледным сном. Оно и не было удивительным. Вся свою жизнь Энола, как то и было принято, провела взаперти, выходила лишь во внутренний двор дома в сопровождении рабыни и ждала неизбежного – когда отец выдаст ее замуж за такого же, как и он сам, жреца. Она знала, что выбор отцом уже сделан, но что это был за выбор, ей знать не полагалось. Поэтому оказавшись на воле, решившись на побег с человеком, который вернул ее к жизни, она впервые осознала всю её прелесть, и первый красивый молодой человек на ее пути показался ей героем... Но увы, героем не её.

Странное это было чувство. Она и не мечтала о Кеноне всерьез – слишком глубокая пропасть разделяла женатого ювелира и дочь верховного жреца. Но это были просто грезы о простой, красивой, счастливой любви, познать которую (и она вполне отдавала себе в этом отчет), ей не было суждено никогда.

Шли быстро... Им повезло. Путь лежал через пастбище, и они угнали лошадей.

– Простит твой Господь? – вздумалось пошутить Кенону, который радовался, что теперь не надо волочить ушибленную ногу.

- Если раскаемся... – угрюмо ответил апостол.
- Но ответ Варфоломея вызвал еще больший смех Кенона.
- Я с радостью приму твоего Господа, раз так! – и пришпорил коня.

Лошади были загнаны. Снова пошли пешком. Далеко впереди виднелись, тонущие в бликах заката, очертания иерона Селены-Анахиты.

Оказавшись на территории храма, Варфоломей и его спутники увидели зрелище, которое было сколь шокирующим для них, столь же естественным и частым явлением для храмовых служителей.

Происходящее у храма напоминало одну из тех бесстыдных оргий-вакханалий, что Варфоломей видел в Риме у Капитолия, а также в Афинах у Парфенона. Содом и Гоморра! Не за то ли покарал Господь грешных чад своих? Не в том ли обвинял лицемерных фарисеев? Не о них ли говорил, что *«не видать мужеложникам Царствия Небесного?»* Не то ли называл *развратом сердца и духа?*

– Мы оказались на празднике сакеев, – пояснил Кенон. – Богиня Анахита требует сначала празднеств, а потом жертв... Надо торопиться.

Энола опустила неискушенные глаза и, держась за Варфоломея, следовала за ним.

– Правильно, дитя мое, правильно, береги чистоту взгляда своего, – шептал, пожалуй, еще более сконфуженный, чем юная Энола, Варфоломей.

Один из участников праздника, едва держащийся на ногах толстый иеродул, схватил за руку Энолу и потащил за собой. Его свалил меткий удар Кенона в челюсть.

Среди этого хаотичного беспорядка пьющих, едящих, танцующих, совершающих непотребные действия людей не было несчастной Дире...

– Язычники! – не выдержав, вскричал Варфоломей, но его никто не услышал. – Язычники! Не ведаете, что творите! Не видать тогда вам Царствия, обещанного Единым! Ибо наказуемо прелюбодеяние! Грешные, остановитесь! – и он затрясся в нервическом припадке, ибо силы его уже иссякли. Кенон оттащил его в сторону и, с безумной злобой глядя ему в глаза, прошипел:

– Не сейчас! Нас запрут в темнице раньше, чем мы успеем передать письмо! Подумай о Дире!

Варфоломей опомнился и мысленно попросил Господа предоставить ему для проповеди более подходящее место. Они выбрались из толпы бражничавших людей и вошли в иерон Селены-Анахиты.

Иеревса здесь не было, вероятно он находился среди «пирующих».

– Нам нужен иеревс. У нас для него послание от иеревса иерона Митры, – сказал Кенон главному иеродулу.

– Где это письмо? – спросил тот.

– Мы покажем только ему. Оно срочное, не прочти он его вовремя, может случиться непоправимое. Где нам его найти?

– Он на пиршестве.

– Проводи нас к нему!

– Вы не показали мне послания!

Кенон посмотрел на Варфоломея, тот вытащил из-за пазухи письмо и показал его иеродулу. Тот узнал печать.

– Хорошо. Я пошлю с вами раба, он покажет вам иеревса... только... подождали бы до завтра...

– Я же сказал, что ждать нельзя!

Иеродул пожал плечами. Затем позвал начищавшего до блеска жертвенник мальчика и приказал ему отвести прибывших к иеревсу.

Варфоломей, Энола и ее раб последовали за мальчиком, а Кенон задержался.

– Во имя Анахиты, ответь мне верно, кого сегодня принесут в жертву, животное или человека?

– Вчера было животное. Сегодня – человек! – удивленно взглянув на Кенона, ответил главный иеродул.

У Кенона задрожали руки.

– Во имя веселящей ночь богини, скажи мне – мужчина это или женщина?!

– Мужчина! – еще больше дивясь, ответил иеродул.

– Спасибо, спасибо! – и Кенон в порыве безумной радости обнял иеродула. Затем стремительно выбежал из иерона, оставив того в невероятном изумлении.

Дальше все происходило с молниеносной быстротой. Они нашли полуголую Диру поодаль разгульной оргии в объятиях иеревса Анахиты. Опоенная вином Дира мало что соображала, но все же отбивалась и плакала от отвращения. Иеревс тем временем не скупился на бесстыдные ласки, улучая нередкие моменты для того, чтобы отхлебнуть вина из кубка и заставить женщину сделать то же самое. Весь во власти убеждения божественности своих притязаний на вновь посвященную богине рабыню, он не ожидал, что единственной ответной ее лаской ему будет основательный укус в ухо.

Крик раздался над пьяной оргией пирующих. В следующее мгновение Кенон набросился на иеревса. О передаче письма не было возможности подумать – взбешенный болью мобед и обезумевший в припадке ненависти муж слились воедино.

Кенон принялся бить жреца, и к нему присоединился раб Энолы. Окрыленная появлением мужа, Дира, недолго думая, опрокинула на священную голову иеревса кувшин с вином.

Через несколько мгновений Кенон и раб Энолы были оглушены ударами по голове подоспевшими иеродулами. Все, не исключая женщин, были связаны и уведены.

– Во имя Мазды! – придя в себя, простонал Кенон. Кровь обагрила его лицо. – Мы не успели уйти! Мало нам этих иеродулов, за Энолой сейчас явятся и люди ее отца!

В иероне, крепко связанные, сидели они до самого утра. Оргия, тем временем, стихла, со двора доносился пьяный храп ее утомленных участников.

Кенон успокаивал жену.

– Не плачь, не плачь, ты уже со мной.

– Ты больше не сможешь любить меня, – всхлипывала та.

Энола глядела на Диру. Какая красивая и мужественная. Смогла сохранить свою честь, обмануть вино и, что особенно ее восхитило, укусить за ухо самого иеревса храма Анахиты! Затем перевела взгляд на Кенона, который шептал на ухо жены ласковые слова. От такой идиллии, несмотря на всю доброту души Энолы, ей сделалось нехорошо. Она сейчас не думала, что ей угрожает опасность. Она думала о том, что даже пропасть ничтожно мелка по сравнению с тем, насколько недостижимо для нее такое счастье.

Варфоломей с ужасом наблюдал за зловещими приготовлениями. Сегодня в

полдень должно было состояться ежегодное жертвоприношение *одержимого* божеством иеродула. В целях достижения *боговдохновенности* он долго блуждал по лесам иера хора¹, затем был приведен жрецом в иерон, закован в алюсис² – и в течение года откармливался самыми изысканными яствами.

Иеродул покачивался и непрерывно шептал не то молитвы, не то заклинания. Ранним утром ему поднесли снадобье из дурмящих трав. В экстатическом опьянении он ждал своей печальной участи и был неимоверно счастлив.

Молитвы Варфоломея становились все слышнее. Он снова говорил о геенне огненной, о невежестве язычников, очистить от скверны которых он и был послан в эти земли Единым Богом. Но его никто не слышал. Слова его заглушались гулом читающих заклинания храмовых иеродулов и крестьян иера хора.

К полудню людей прибыло очень много. Все хотели узнать результаты гадания по трупам жертвы – времена шли беспокойные, поговаривали о войне, о посланных в Албанию римским императором легионах.

В полдень в иероне воцарилась тишина. Варфоломея, своими речами теперь явно мешавшего проведению ритуала, ударили по голове. Лишившись чувств, он больше не страдал от страшного зрелища. Энола бережно положила его голову к себе на колени.

Одержимого иеродула помазали благовонным маслом, ввели в пирефий и подвели к жертвеннику богини Анахиты. Из толпы вышел доброволец. Ему было выдано лонхе³.

У *Божьего* иеродула был отрешенный взгляд, он продолжал покачиваться, на губах играла блаженная улыбка. Он то шептал молитвы, то произносил заклинания нараспев, ему вторили другие рабы и пришедшие со всего иера хора крестьяне.

Доброволец, тем временем, спокойно и важно поднял копьё и прицелился в левый бок иеродула. Взметнулось копьё, и через мгновение достигло цели.

– Анахита, богиня ночного света! – торжественно произнес иеревс. Он выглядел совершенно трезвым, словно ночной оргии и не бывало. Причиной тому было старое испытанное средство магов – отрезвляющее священное зелье. Он также не выглядел побитым – какое средство помогло здесь, было неизвестно. Однако по тем взглядам, которые он довольно часто бросал на посмевших осквернить его священную персону нападением людей, было ясно – он отомстит за свое поруганное величие потомка первого ученика Зороастра. – Прими жертву раба своего Атена! И укажи нам дальнейший путь!

Другие жрецы размеренно, хором вторили верховному магу храма, опустив головы и, будто, не замечая совершающегося перед ними кровавого действия.

Божий иеродул лежал с пронзенным сердцем в луже крови.

Иеревс поднял руки вверх и закричал:

– Анахита! Тебе кровь! Тебе тело! Нам – душа твоя и благо!

Все в иероне, от жрецов до крестьян, также закричали, и даже языки неугасимого огня в жертвеннике неистово задрожали, словно нетерпеливо требуя новую жертву.

Связанная Энола вскрикнула. Она вдруг увидела двух, преданных её отцу, иеродулов, которые почтительно ожидали завершения ритуального действия неподдаёму. И вряд ли их было только двое – в толпе могли затеряться и другие.

¹ Иера хор – священные земли храма, на которых располагалась сельская община.

² Алюсис – цепь – священный аксессуар культа.

³ Лонхе – копьё – священный аксессуар культа.

Энола толкнула в плечо Кенона, и он обратил к ней свое лицо, искаженное страшной мукой. Энола увидела нечто, что снова заставило ее подивиться небывалому мужеству этого человека. Кенон опустил руки в вырывающееся из-под земли неугасимое пламя – веревка медленно тлела, но тлели и его руки.

Эноле стало ясно – Кенону сейчас её слов не понять.

Иеревс повелительно поднял руку вверх, воцарилась тишина. Затем он, в сопровождении других мобедов-священнослужителей, приблизился к поверженному. По положению упавшего иеродула должно было совершиться, с таким нетерпением ожидаемое людьми, гадание. Некоторое время жрецы разглядывали его тело. Посоветовавшись со жрецами, иеревс выступил вперед и объявил всей общине иера хора:

– И да услышат все священное пророчество огня устами богини! И придут враги из дальней непобедимой страны! И придут – но будет их войско малочисленно! Ибо придут они не с войной! И не пойдут дальше древних камней со знаками предков¹! А оставят свой знак на камне, которому будут дивиться потомки²! И не будет войны! А только мир, союз с великими городами Великой Империи!

Иеревс замолк, а тишину взорвали радостные крики толпы.

Далее следовал ритуал очищения. Каждый, желающий очиститься от болезней, скверны темных сил, колдовства и зловещего действия заклинаний, переступит через тело принесенного в жертву *Божьего* раба.

Варфоломей уже пришел в себя. И слезы обильно струились по его желтым морщинистым щекам.

– Убогие! Язычники! – стонал он. – Ведь Единый Бог ваш уже отдал себя последней жертвой во имя вашего Спасения! Но вы глухи, чтобы услышать, и слепы, чтобы увидеть!

Обожженные руки Кенона были свободны. Он уже освободил Диру, Варфоломея, а те – Энолу и её раба. Кенон снова потерял голову. Он выхватил у одного из иеродулов копье и метнул его в иеревса. Но обожженные руки отняли у него меткость, и копье пронзило рядом стоящего жреца. Тот упал, задев жертвенник, и неугасимый огонь, подхватив его одежду, перекинулся на стоявших рядом иеродулов-заклинателей. Затем загорелось покрывало, скрывающее пирефий от посторонних глаз в обычные дни молитв. Поднялась паника. И жрецы, и посвященные богине рабы и рабыни, и крестьяне всего иера хора, толкаясь и давя друг друга, бросились вон из святилища.

Варфоломей же в это время все кричал о Боге Едином и о Царствии Небесном.

– Долой ложных богов! – вдруг взревел вконец обезумевший Кенон, представив себе обнаженную плачущую Диру в руках сладострастного мобеда. – Долой лживых магов! Долой развратных жрецов!

– Да здравствует Истинный Бог, которому не нужны жертвы! – подхватил Варфоломей.

Разъяренный Кенон схватил жертвенник и проломил им сырцовую стену храма. Варфоломея, который продолжать убеждать в святых истинах снующих в панике людей, Кенону пришлось силой волочить вон из храма.

Они долго бежали. Далеко позади виднелся иерон Анахиты, а люди, словно муравьи в растревоженном муравейнике, сновали меж его колонн.

¹ Древние камни со знаками предков – речь идет о древнейших петроглифах на скалах Гобустана в 40 км. от Баку. Современные ученые насчитали более пяти тысяч наскальных изображений.

² Римляне оставят знак на камне – речь идет о надписи на скале в Гобустане, оставленной по приказу римского центуриона легиона XII Фульмината Луциуса Юлиуса Максимиуса.

– Нам надо разделиться, – сказал Кенон. – Так хоть кто-то спасется.
– Верно, – согласилась Энола. Затем подошла к Варфоломею и обняла его. – Прощай, мой духовный отец. Мне пора к своему земному... – На глазах ее стояли слезы. Варфоломей взял ее за плечи.

– Крепись, дитя мое. Ибо испытания наши не бесконечны.

– Ты береги себя... Обо мне не беспокойся. Люди отца мне ничего не сделают.

– Она права, – подтвердил Кенон.

– Прощай, дитя мое. – Варфоломей снял с плеча свою драгоценную сумку и протянул ее Эноле. – Возьми. Пусть мое послание потомкам будет с тобой. Здесь сказано об одном человеке и его великой жертве... И пусть об этом однажды, хотя бы и через две тысячи лет, узнают люди.

– Это о твоём Боге?

– Нет, это о человеке...

– Надо идти, – поторопил их Кенон.

Взяв сумку, Энола подошла к Дире. Быстрым движением сняв с руки браслет со змейкой, надела его на руку Диры.

– Мы не успели подружиться... А жаль... Я восхищаюсь твоим мужеством... Это тебе... на память от меня... Когда-нибудь наденешь его на руку своей дочери... – Затем, мельком взглянув в глаза Кенону, сказала: – Ты, как никто другой, заслужишь счастья.

Кенон равнодушно кивнул, так никогда и не поняв, какую бурю чувств вызвал в этом юном сердце. Дира благодарно приняла подарок. И лишь Варфоломей, печально наблюдавший эту сцену, понимал истинный ее смысл.

– Спасибо тебе... за мое спасение... И ты тоже обязательно будешь счастлива... – сказала Эноле Дира.

Энола грустно улыбнулась.

– Береги его... Святой он человек... – обратилась она к Кенону, указав на Варфоломея. – И себя... – Это были ее последние слова человеку, которого она неожиданно для себя, в столь краткий срок, успела полюбить. А впереди ее ждала безрадостная жизнь со старым мужем-жрецом, а в случае послушания – посвящение богине Анахите. Кенон и не взглянул на нее. Возможно, он ее и не услышал. Он просто не замечал ее.

– Мы больше не свидимся... – Варфоломей горячо обнял девушку. Кому, как не ему, могла открыться удивительная сущность ее души? И истинные мотивы ее слов и поступков... – Ибо впереди нелегкий путь, но жизнь вечная... – прошептал Варфоломей ей на ухо. – И да сохранит нас всех Господь! – сказал он громко.

Они расстались. За холмом бледнел закат. За спиной были враги. Энола и ее раб держали путь в Албанопль. Варфоломей, Кенон и Дира уходили в Иберию.

* * *

Ведомый жаждой мести иеревс храма Анахиты, едва утихла суматоха, послал в погоню за Кеноном и посвященной богине рабыней отряд иеродулов.

Беглецов схватили в Иберии. Подоспели, преследовавшие Энолу и Варфоломея, иеродулы храма Митры. Благодаря браслету-змейке на руке Диры с ней обошлись очень обходительно. Храмовые рабы Митры опознали в Дире дочь своего господина. Её, всегда сокрытую в доме от посторонних глаз, никто не видел в лицо.

Мужчина сопротивлялся. Приняв Кенона за раба Энолы, его чуть не убили.

Когда Дира в ужасе закричала:

– Не трогайте его! – исполнили ее приказ.

Варфоломея убить и не пытались. Иеревсу он был нужен живым и как клятвопреступник, который, несмотря на данное слово, продолжал тревожить умы жителей Албании, и как тот, кто увёл его дочь... Апостола ждала публичная мученическая казнь. Иеродулы иерона Анахиты, долго ретируясь на коленях от обладательницы жреческой змейки, поспешили, наконец, продолжить поиски тех, кого их господин приказал убить.

* * *

Энолу и её раба они нашли на пути в Албанопль. И ни на мгновение не сомневались, что перед ними – враги их иеревса.

И если бы луна, которую так не любил Варфоломей, умела бы плакать, то свет очей ее, которым она озаряет людские страдания каждую ночь, поблек бы навечно...

* * *

Когда главный иеродул иерона Митры понял, что схваченные вместе с Варфоломеем мужчина и женщина – это вовсе не дочь его иеревса и ее раб, то стал биться головой об землю. Он без всякого иерархического порядка выкрикивал имена всех божеств, какие только существовали, издавал дикие вопли и простирали руки к небесам. Через некоторое время он пришел в себя, отряхнул одежду от пыли и отер лысину от пота и, как ни в чем не бывало, принялся уплетать зажаренное на вертеле мясо. Когда он сообщил о чудовищной ошибке своим спутникам, реакция их была такая же, после чего они также с аппетитом насытились мясом.

Блики пламени играли на туповатых лицах храмовых рабов в ночной темноте...

* * *

Иеревс уже давно испытывал самые противоречивые чувства. О, Мазда! Он должен был сделать то, против чего выступало все его естество.

Но все стало сложнее. Варфоломей, этот мистический спаситель его дочери, теперь сам является виновником ее возможной гибели. Потому что ни ее, ни ее раба-телохранителя до сих пор нигде не могли найти. Привезли только этого опасного возмутителя спокойствия и ювелира с женой.

К поискам дочери иеревса храма Митры, по его просьбе, присоединились отряды басилевса, но она словно дивами была похищена.

И верховный маг вскоре понял страшное: он никогда больше её не увидит.

* * *

Иеревс, несмотря на свое глубокое горе, пытался, подобно первым ученикам Зороастра, до конца сохранять праведность. Он исполнил последнюю просьбу Варфоломея и разрешил ему повидаться с друзьями.

– Я не знаю, насколько ты виновен в том, что я лишился единственного своего дитя... Но знаю одно: не приди ты в мою страну, я не был бы так несчастен.

Варфоломей страдал не меньше родного отца Энолы. Он *понимал* намного больше, чем мог себе представить иеревс.

Кенон и Дира пришли к нему в темницу. Друзья крепко обнялись.

– Кенон, было мне видение, что ты здесь вместо меня останешься. Иди и про-

поведуй! Ибо таков план Божий! Ибо такова цена той смерти...

Кенон и Дира не поняли. Они думали, что Варфоломей снова говорит о своем Боге.

– Я в силах сделать так, как ты скажешь. И сделаю это, поверь мне. Ибо настало время изменить мир! – Кенон посмотрел на свою жену и бережно обнял ее.

– Говори во имя Его! Ибо немного времени у нас для слов. *Понимаю* пришествие пророка, который надолго воцарится в сердце этого народа... Надо спешить.

Кенон вдруг ощутил в себе чудесные силы делать так, как он сказал. В то же мгновение силы оставили Варфоломея. И только глаза, печально прищуренные, словно говорили: «Смерть не разлучит нас. И пребуду с вами всегда...» Дира обняла Варфоломея, а тот, погладив ее по влажным от слез щекам, поцеловал в лоб.

– Не плачь, дитя, у тебя долгая дорога впереди, много детей и много-много правильных слов тем, кого Бог пошлет тебе на пути твоём... Не плачь и крепись.

Забряцал ключами стражник.

– Мы будем с тобой до конца, – сказал Кенон Варфоломею. Он с печалью смотрел на согбенного годами лишений, мучений и скорби старика, которому судьба послала последнее и самое суровое испытание – мучительную казнь. Кенон уходил, а руки его всё цеплялись за руки страдальца. Когда дверь все же закрылась за Кенон и Дирой, они услышали громкий голос Варфоломея им вслед:

– Прощайте, друзья. И да пребудет с вами Бог. Мужайтесь и идите до конца. И помните, терниста дорога к Свету.

* * *

Кенон и Дира нашли в себе мужество пойти на площадь, пробиться сквозь толпу и быть рядом до конца с умирающим в бликах неугасимого огня другом.

Но и умирая, Варфоломей продолжал нести Слово Его, пока силы окончательно не оставили его, не побелели уста и не остановился ясный взор, которому где-то там, на другой стороне открылся яркий теплый свет.

Маги торжествовали. И никто не видел, как по лицу иеревса скатилась слеза.

Тайна. Которая вряд ли стала ему когда-нибудь понятна. Разве что однажды, через много-много лет, перед самой его кончиной в своем роскошном доме, подскознание нашепчет ему истину?

* * *

Кенон и Дира похоронили Варфоломея недалеко от того места, где его казнили. Встав на колени, горячо и долго молились.

Когда Дира закончила молиться и открыла глаза, она увидела, что рядом с ними молились люди. И каждый день на этом месте их становилось все больше.

Тогда решили могилу оградить, чтобы получился маленький храм.

Но это не был храм вечности. Потому что в стране, куда пришел апостол, дело и слово его было живо, пока жили люди, знавшие его лично.

Но с их смертью пришло забвение.

А забвение чего-то прежнего всегда открывает путь прекрасному новому.

Послелог

– Мама, мамочка! – закричала в ужасе маленькая девочка: ей приснился плохой сон. Мать обняла ее крепко-крепко, и ей вдруг показалось, что в алмазных глазах змейки-браслета ее дочери на мгновение блеснул лунный свет. – Мама, мне приснилось, что я глубоко под землей... Так же глубоко, как в нашем колодце!

– Это только сон, дитя, не больше... – мать едва скрыла неприятное ощущение, которое словно передалось ей от девочки.

Приподнялся на постели встревоженный отец малышки.

– Что с моей девочкой?

– Дурной сон, – вздохнула мать. Когда девочка, убаюканная ласковыми словами матери, наконец, уснула, женщина сказала мужу: – Я часто думаю об Эноле. Ведь это она нас тогда спасла. – Муж молчал. – Что с ней все-таки случилось?

Ровное дыхание мужа. Он вряд ли слышал её. Но что-то подсказывало ей, что и неинтересно ему было слышать.

– Где же ты, Энола? – уже засыпая, произнесла женщина.

И ее дыхание тоже уже стало ровным, когда алмазные глазки змейки на руке её дочери зажглись лунным светом.. И долго не гасли.

От редакции

Повесть «Не евангелие» посвящена личности одного из апостолов Христа – Нафанаилу Варфоломею, тому периоду его апостольской деятельности, когда он дошел до Кавказской Албании, проповедовал в Албанополе (территория современного Баку) и был жестоко здесь казнен. Это был как раз тот период, когда Античная Албания переживала небывалый расцвет зороастризма, когда глубокая дуалистическая философия сущности бытия, добра и зла, мрака и света уживалась с вопиющими проявлениями человеческой жестокости – жертвоприношениями людей. Надо отметить, что через стадию, характеризующуюся ритуальными убийствами, прошли многие народы. Это суровое, но вполне естественное проявление религиозного мировоззрения на ранних этапах развития человечества.

Образ Варфоломея в повести глубоко психологичен. Он любит своего Учителя, выполняя завет Которого, он достиг далекой страны, любого человека и событие он пропускает через призму своего мировоззрения, он все ищет именно свою Марию Магдалину, и наконец, находит ее, чтобы потерять навсегда.

Он под грузом многолетних тяжелых страданий. Через его мировосприятие, душевную боль и тоску мы начинаем понимать предавшего Христа Иуду Искариота. В повести неоднозначно утверждается идея, что поступок Иуды – не был предательством. Это было послушное следование приказу самого Христа.

В повести глубоко раскрывается философская проблема предназначения судьбы героев. Все – в плену своей собственной программы действий, с начала и до скончания веков. И Иуда Искариот в том числе.

Данная идея подтверждается в повести теологически – опираясь на евангелия, Лейла Экрем сопровождает утверждение соответствующими стихами. Эта, достаточно спорная в теологических кругах, версия обретает в повести Лейлы Экрем художественную форму.

Повесть завершается вопросом, на который, похоже, не будет ответа никогда.

Есть страницы в истории, которые не только темны, но беспросветно черны. Черны потому, что нет надежды познать даже краешек истины, этому мешают тысячелетние массовые мировоззренческие стереотипы.

Лейла Экрем в своей повести сделала попытку художественно осветить одну из таких страниц, дать право на реабилитацию одному из самых страшных злодеев человечества.

Я И МИР

(ГАБРИЭЛЬ РОЗЕНСТОК И ЕГО ХАЙКУ)

От переводчика

Хокку — это не стихотворение, в котором сопрягаются два-три предмета, как вы это делаете. Хокку слагают так, будто выковыывают тончайший лист золота...

Басё

Минувшей зимой в литературной жизни столицы произошло интересное и неординарное событие — в Баку прошел первый конкурс «Хайку на волнах Хазара» (организаторы — Т.Агаев, М.Шафиев), который выявил немало бакинских авторов, представивших жюри вполне достойные и интересные хайку-тексты. На мой взгляд, любой конкурс — явление достаточно условное, главная составляющая которого, конечное же, не баллы и призовые места, а некий импульс, посыл, который и заставляет всех нас — как пишущих, так и читающих — обратить внимание на то, ради чего, собственно говоря, и затевался тот или иной конкурс или фестиваль. В данном случае — на феномен хайку (хокку), который вот уже столько столетий плотно занимает умы любителей поэзии во всем мире, а в последние десятилетия (примерно с середины XX века) приобрел новый аспект — писать хайку (как вариант, танку) берется все больше поэтов самого разного этнического, культурного происхождения и литературной «ориентации». Новички и мэтры, классицисты и пост-модернисты, южане и северяне — все они с одинаковым азартом берутся штурмовать вершины, некогда обозначенные нам великими японскими мастерами формы — Басё, Иссой, Кусатао... Параллельно с этим огромное число критиков пытается анализировать суть этого явления, чтобы понять, почему три поэтические строчки, взошедшие некогда на суровой почве японского архипелага, снова и снова неожиданно прорастают в самых отдаленных уголках планеты.

Соблазн написать хайку действительно велик и труднопреодолим для поэта. Ну, в самом деле, трудно ли сочинить всего-то три «орнаментальные» строчки с неким философским подтекстом? Сколько же неискушенных авторов попало и продолжает попадаться на этот искуc!.. И только проведя в стране хайку многие дни, месяцы, а подчас и годы, начинаешь понимать, какой это невероятный, ювелирный труд — подчиняясь жесткому формату трехстрочия, оттачивать мысль, гранить образ, гармонизировать интонацию, избегать вульгарного копирования внешней экзотики, чтобы в результате на свет появилось нечто хоть отчасти достойное великих предшественников, а не корявый новодел, неумелая и бессмысленная поделка. И какие же они разные — хайку сегодняшнего дня, написанные авторами из Британии, Латинской Америки, Турции, России, Индии... Не смотря на схожесть внешнего «фрейминга» (то есть, формы), в них всегда отчетливо проступает и личность отдельно взятого поэта, и генетический код народа, который он представляет перед лицом мира. Сегодня сообщество пишущих хайку существует поверх границ, между странами и языками. Замечательно, что теперь строчки хайку, подобно неким экзотическим чайкам, закачались и на волнах древнего Хазара...

Сегодня, в качестве послесловия к бакинскому конкурсу хайку, мне закономерно хотелось бы представить нашим читателям одного из самых заметных хайдзинов современ-

ности. Но сначала – цитата: «...Итак, Розенсток снова сделал это!.. И вот у нас в руках еще один сборник его новых хайку. Почему так происходит, что, если за сочинение хайку берутся менее умелые руки, их «творения» являются на свет выхолощенными и литературно несостоятельными, в то время, как в хайку этого поэта смысловая глубина и легкость формы пребывают в полной гармонии?

Розенсток – один из немногих поэтов не японского происхождения, наделенный природным чутьем к искусству хайку и, что еще важнее, не утративший его в процессе изучения теории и освоения практики. Не все его хайку равноценны (вряд ли нужно напоминать, что подобное мы наблюдаем и у лучших авторов хайку во всем мире), но намного важнее то, что если, подобно растению, его хайку имеет в своей основе крепкий «корень», то и побеги строчек не просто радуют глаз – они подчас по-настоящему драгоценны...»

Эта цитата принадлежит Сусуми Такигучи, Председателю Всемирного Клуба хайку. С известным поэтом, переводчиком и эссеистом Габриэлем Розенстоком мы познакомились пару лет назад во время совместной работы в рамках Международной поэтической мастерской в Словакии. Он переводил мои тексты, я – его... На прощание, когда все обменивались книгами, адресами, прощальными пожеланиями и т.п., Габриэль протянул мне изящно оформленный сборник, на обложке которого под названием «Где начинается свет» («Where Light Begins», Дублин, 2012) я увидела достаточно неожиданный для ирландского автора подзаголовок «Хайку».

Уже позже я узнала, что Габриэль давно и хорошо известен в мире хайку, как один из самых заметных и признанных на сегодняшний день «хоккуистов». Автор и переводчик в общей сложности более, чем 150 (!) сборников, написанных в основном на ирландском и отчасти на английском, член Ирландской Академии искусств, пожизненный почетный член Ирландской Ассоциации поэтов и переводчиков, один из основателей Ассоциации хайку у себя на родине, он преподавал искусство хайку в Европе, объездил с лекциями Северную, Южную и Центральную Америки, Австралию, Индию (ну и само собой, Японию).

Особые отношения с Японией, ее историей и культурой у меня сложились практически с самого детства, причем рационального объяснения этой «особости» я не нахожу по сей день – видимо, придется удовлетвориться идеей кармического родства по прошлым жизням... Но факт есть факт – уже в ранне-тинейджерские годы я старательно перерисовывала вздыбленную навек волну Хокусая, взахлеб читала Басё и Всеволода Овчинникова, терзалась вместе с героями и героинями культовых тогда кинолент «Мелодии белой ночи» и «Москва – любовь моя»... А в уже сознательные годы я вполне предсказуемо разразилась целым циклом «японских» стихов.

Наверное, все же читаются какие-то тайные знаки во всем происходящем с нами – через энное количество лет я буду работать в бакинском представительстве крупной японской фирмы, где получу возможность пообщаться с «живыми» японцами, ближе взглядеться в лицо современной Японии, страны великого общенационального прогресса и трагического личного одиночества, столь же уникальной, сколь и унифицированной... Япония продолжает оставаться со мной и сегодня, давая о себе знать подсознательной интонацией, тем или иным неожиданным образом, бог весть откуда проросшим в мои строчки.

Именно поэтому мне было так увлекательно переводить «японские» тексты моего поэтического современника Габриэля Розенстока, многие из которых он пишет одновременно на двух языках: ирландском и английском. Тема взаимопроникновения, сплава культур вообще очень близка нам, родившимся и состоявшимся в мультикультурном бакинском окружении, где никогда не ощущалось какого-то драматического противопоставления Запада и Востока, традиционно приветствовались открытость и восприимчивость к культурной разногласии мира. Хочется надеяться, что наши с Габриэлем усилия окажутся не напрасными и перед лицом требовательного читателя этих строк.

ГАБРИЭЛЬ РОЗЕНСТОК
(Ирландия)

Домик в деревне

*

Хмурое утро.
Ворона
Заглядывает нам в трубу

*

– Туча, несись себе мимо!.. –
молит в испуге
иссохший лист

*

Отцвела –
но не отлюбила –
магнолия в нашем саду

*

Ворона на стоге сена
инспектирует
урожай

*

В любую погоду –
всю жизнь напролет –
излучает солнце подсолнух

*

Кошка крадется по голому саду –
последний букет
осыпается в вазе

*

Обмахиваются хвостами –
просто так, по привычке –
коровы в промозглый осенний полдень

*

За изгородь метнулся
и исчез
лисицы хвост

*

Две вороны
летят синхронно –
которая тень другой?

На развалинах старого дома

*

Ни камня не осталось от тебя –
одни ворота
обрамляют воздух

*

Лунный серп
без устали
жнёт и жнёт тишину...

*

Где-то бродит ежик в ночи?..
Нашел ли горсточку листьев
для сегодняшнего ночлега?..

*

Слабый треск мотылькового тельца.
Тороплюсь загасить свечу –
пусть хоть следующий уцелеет

*

А в саду
однорукое чучело
тычет пальцем в луну

*

Лай псов в округе –
интересно, слышно его
на Млечном пути?..

*

Морозное утро.
Снегирь полыхнёт
жаркой грудкой над миром

*

На ветке –
лохмотьями сношенной ночи –
пара сонных ворон.

*

Звуки волынки стихают вдали.
Улетают стаями ласточки –
каждую знаю в лицо

*

Зелены – как жизнь зелены!.. –
эти сосны
в канун снегопада...

Я и мир

*

Тротуары в Бомбее.
Споткнулся о тряпку –
а в ней живет человек

*

Как тоскливо горит
свет в оконце
тюрьмы городской!..

*

Слепящая молния –
на секунду ночь становится днем –
кто из богов приоткрыл глаза?..

*

Цапля в лагуне.
А рядом
моют на камнях белье

*

Рассвет в Гималаях.
Мой мул
жадно пьет из священного Ганга

*

– Аллах акбар!..
Первый отсвет зари
на дрожащих волнах в порту

В Египте

В Аллее Царей под ногами
сонм пластиковых бутылок,
тлеть которым тысячу лет...

*

Автобусная остановка.
Старый негр, торговец персиками,
так никуда и не съездил

*

Блошинный рынок
где-то в третьей стране.
Немецкая каска, вся изъедена ржой

*

Лунная ночь.
Гондольер поет серенаду
сам себе

На островах

*

Словно копия
нашей Вселенной –
этот сложно сплетённый коралл

*

На прибрежном песке
птичий след –
указатель дороги в Вечность

*

Меж песчинок
мелькнуло и скрылось
нечто крохотное без названья

*

Звук сирены в тумане
По лоскутку
исчезает весь мир в пустоте

*

Остров пустынный.
В почтовый ящик
со стуком упало письмо

В северном Уэльсе

*

Овца в тумане
не спеша дожёвывает
вечность

*

По одному
из тумана
выходят навстречу деревья

*

Дерево падало –
но не упало,
сосед подставил плечо

В Каталонии

Ветер стих.
Еле видная тропка ведёт
к заброшенной церкви в горах

Перевод с английского АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

САМИД АГАЕВ

ДОРОГИ ХАДЖА

*Роман**

Байлакан

В один из октябрьских дней Али стоял на террасе своего дома в Байлакане и смотрел на закат. Йасмин сидела рядом, сложив руки на огромном животе.

– Интересно, что сейчас подельывает Егорка? – наконец произнес он, дождав-шись, пока солнечный диск коснется горизонта.

– Напиши ему, узнай, – отозвалась Йасмин.

– Куда?

– Можно написать в Нахчыван, – предложила Йасмин, – его сестре. Наверное, она уже вернулась. Прошло уже три года.

– Почему ты думаешь, что она вернулась?

– Потому что она не продала дом, сказала, что вернется. Она ведь поехала на-вестить родителей.

Произнеся последние слова, Йасмин замолчала. Али, заметив, что она пытается сдержать слезы, положил ей руку на плечо. Через некоторое время, когда она успо-коилась, сказал:

– Ты все правильно говоришь. Но она не вернулась.

– Откуда такая уверенность?

– Я писал туда.

Йасмин усмехнулась.

– Я даю тебе советы, а оказывается, что ты все уже предусмотрел и все уже сделал, и даже Ладе написал.

– Уж не ревнуешь ли ты?

– С какой стати?

– Ты, говоря о ней, редко называешь ее по имени.

– С чего мне ревновать, – иронически сказала Йасмин, – это же не она хотела стать твоей второй женой.

– Это была шутка.

– Это не была шутка.

– Ну, хорошо, – согласился Али, – это была не шутка, скажу иначе. Дело было не во мне, просто она очень хочет выйти замуж. У нее навязчивое желание. Это упро-щает ситуацию, согласишься.

– То есть ей нужен не ты, а просто муж.

– Именно так.

– Значит, для полного спокойствия я должна найти ей мужа.

– Ну, я думаю, что в этом нет необходимости, она сама о себе позаботится. Но если у тебя есть кто-нибудь на примете, какой-нибудь вдовец...

– Увы.

*Продолжение романа «Хафиз и султан», «Литературный Азербайджан» №№ 1-3, 1913г.

Оба замолчали, вдруг потеряв интерес к теме разговора. После долгой паузы Йасмин спросила:

– А все же, почему ты беспокоен? Дело ведь не только в отсутствии вестей о твоём друге.

– Мне не нравится этот город, – тяжело вздохнув, ответил Али.

– Вот уж новость! Как это не нравится, ты же здесь родился, это твой родной город.

– Я родился здесь, но города, в котором я родился, уже не существует. Мы живём в другом городе. Я как-то не сразу это понял. Прежний Байлакан разрушен.

– Если хочешь, давай уедем отсюда, например, в Нахчыван, – предложила Йасмин. – Купим дом на той же улице, где живет Лада. Тебе там нравилось.

– Может быть, но сейчас не лучшее время для переезда, – сказал Али и через некоторое время спросил: – Что говорит повитуха?

– Она говорит, что это произойдет на днях, – ответила Йасмин.

– Тогда и вернемся к этому разговору.

– Хорошо, – согласилась Йасмин.

Три дня спустя она умерла, не сумев разрешиться от бремени.

– Что с ребенком? – спросил Али у повитухи, вышедшей сообщить ему страшную весть.

– Аллах забрал ее вместе с ребенком, – ответила женщина, – мужайтесь, господин, все в руках Аллаха.

– Сколько я тебе должен? – глухо спросил Али.

– Ну что вы, я не беру денег в таких случаях. Уж простите меня, ничего нельзя было сделать, узкое лоно. А вы еще молодой, возьмете себе еще жену.

Согласно обычаю, Али похоронил жену в тот же день. Молла, который прочитал молитву над могилой Йасмин, принимая серебряную монету, поклонился и сказал:

– Аллах лучше знает. Неизвестно, что с нами будет. Татары всюду. Вы слышали, они взяли Гянджу и перебили всех жителей. Всех до единого. Некоторые люди, чтобы не попасть к ним в руки, зашли в свои жилища и подожгли их. Может быть, вашей жене повезло еще, и мы позавидуем ей.

– Может быть, – глухо отозвался Али.

Молла развел руками и ушел.

«Проклятый город, – глядя ему вслед, с тоской подумал Али. – Зачем я сюда вернулся?». Оставшись один, он просидел у могилы до наступления темноты, а затем ушел, взяв с собой горсть земли с могилы Йасмин.

Али не стал устраивать поминки. Не для кого было это делать. Вместо этого он раздал деньги нищим. Выставил на улицу столы, и нанятый им повар три дня подряд готовил еду и кормил прохожих. Также он купил для мечети стадо *вакуфных* овец. Выслушав от имама слова благодарности, Али поинтересовался, нет ли в ближайшее время каравана с паломниками в Мекку.

– Вы хотите совершить хадж? – удивился имам. – Это похвально. Но сейчас пускаться в путь довольно опасно, всюду идет война. Враг захватывает нашу землю. Не лучшее время для паломничества.

– Эта война не вчера началась и не завтра кончится, – ответил Али. – А хадж

– священный долг каждого мусульманина.

– Вы правы, – согласился имам, – но в нашем городе компанию вам в ближайшее время никто не составит.

Он долго, бесцельно бродил по городу, пока ноги не привели его на центральную площадь, где царило оживление. Али смешался с толпой и прислушался. Речь шла о монголах. Горожане спорили о том, как вести себя с татарами. Одни предлагали откупиться, другие – оборонять город. Али оказался рядом с двумя яростными спорщиками. «Табриз откупился, – говорил один, – и все жители остались в живых». «Табриз откупился, потому что это большой и богатый город, – отвечал другой, – а что мы можем ему дать, наш захудалый городишко?» «Но у нас крепкие стены, мы можем сколько угодно долго защищать город. Им надоест, и они уйдут». Заметив, с каким вниманием Али слушает их, спорщики обратились к нему, вовлекая в разговор.

– Я думаю, что вы оба неправы, – заявил Али. – Просто откупиться от них не получится. Получив отступные, они не уйдут. Надо стать их данниками, они берут десятину со всего. И это на всю оставшуюся жизнь.

– Ну вот, я же говорю, – воскликнул сторонник сопротивления.

– В защите города тоже нет особого смысла, – продолжал Али, – поскольку они будут осаждать город до тех пор, пока у нас не закончатся продукты. Воды они лишат нас еще раньше, перекрыв воду в канале.

– Так что нам остается? – спросили его спорщики.

– Стать рабами или погибнуть. Во втором случае надо отправить женщин и детей, а самим выйти из города и встретить татар в чистом поле.

– Оставить свои дома, имущество! – возмутились спорщики. – Знаешь что, умник, иди-ка своей дорогой.

Али пожал плечами и ушел. Он вернулся в опустевший дом и сел у двери, страшась войти внутрь. Одиночество вдруг навалилось на него всей своей необратимостью. И он с ужасом осознал, что отныне день за днем надо будет находиться в этом опустевшем доме. Он лег и, чтобы заснуть, стал по памяти читать Коран. Разбудил его слуга, вступивший в перебранку с кем-то на улице. Шум, производимый им, становился все назойливее. Тогда Али оделся и сошел на первый этаж, намереваясь уволить слугу. Слугу он нанял недавно для помощи отяжелевшей Йасмин, и его все равно надо было теперь рассчитать. Богатство не прибавило Али важности, и он продолжал чувствовать неловкость, когда кто-то прислуживал ему.

– Я вас разбудил, господин, но скоро полдень, лучше не спать, а то голова будет болеть.

– Ариф, я уезжаю, и мне больше не понадобится твоя помощь, – сказал Али.

– Куда, господин, вы уезжаете?

– В Мекку, я решил совершить хадж.

– Это хорошо. Пусть Аллах сделает легким ваш путь.

– Спасибо, так что ты можешь не приходить.

– Да, я понял, господин. Я только домою полы.

– Хорошо, – сказал Али и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

Господин, – окликнул его Ариф, – вам принесли письмо.

Али вернулся.

– Письмо, какое письмо? Что же ты сразу не сказал?

– Не успел. Вы же мне слова не дали сказать, сразу уволили. Посыльный не

хотел оставлять его, говорил, что должен лично в руки передать.

– Почему ты не разбудил меня? Иди на почту и приведи его.

– Это был не почтальон. Просто посыльный от человека, остановившегося в караван-сараяе. Так он сказал. Он скоро придет.

– Иди, найди его.

– Но вы же меня уволили.

– Я беру тебя обратно. Иди.

– Спасибо, господин. А полы?

– После домоешь.

– Господин, еще вас спрашивала какая-то женщина.

– Какая женщина? – удивился Али.

– Я сказал, чтобы она позже зашла.

Слуга ушел, а Али взял тряпку и стал мыть полы. Надо было чем-то занять себя.

– Вам помочь? – услышал он женский голос, который показался ему очень знакомым. Женщина, стоящая в дверях, откинула чадру, и он увидел Ладу. Али изумленно смотрел на нее, не говоря ни слова.

– Али, салам-алейкум. Почему ты сам моешь полы? – спросила Лада. – Где твои слуги, где жена, наконец?

– Алейкум-ассалам, – ответил Али, – моя жена на небесах, она умерла на прошлой неделе при родах.

Лада ахнула и закрыла рот рукой.

– А ты легка на помине. Мы как раз вспоминали о тебе недавно.

– Да упокоит Аллах ее душу, – всхлипнув, произнесла Лада, – мне так жаль.

Когда она заплакала, Али почувствовал влагу на своих щеках. До этого ему не удавалось проронить ни слезинки. Лада протянула к нему руки, и Али обнял ее. Так они стояли некоторое время.

– Давай я домою полы, – предложила Лада.

– Не надо, сейчас вернется слуга и закончит. Я послал его с поручением. Кстати, вот и он. Возьми вещи ханым, Ариф, и отнеси их в комнату госпожи. Где твои вещи? – спросил у Лады Али.

– Я оставила их в караван-сараяе, – ответила Лада. – Что же мне таскаться по городу с ними, не зная, найду ли я твой дом?

– Разумно, – сказал Али, – ты всегда отличалась прагматизмом. Ариф, пойдешь сейчас в караван-сарай и принесешь вещи ханым. А ты принес письмо?

– Вот оно, – Ариф протянул письмо.

– Можешь не читать, – заметила Лада, – я передам тебе содержание. Это мое письмо. Я нашла тебя раньше, чем оно.

– Вот уж и не надеялся тебя увидеть, – сказал Али, – какими судьбами? Может, и брат твой где-то здесь?

– Я гостила у родителей, – сказала Лада, – довольно долго. Но многие жалели, краденая, мол, порченная. Никто замуж не возьмет. А когда я не выдержала и сказала, что была замужем, еще хуже стало. Коситься начали, за нехристя, мол, замуж вышла. Наш дом за версту обходить стали. Мне это не понравилось. Кроме того, оказалось, что над нами у местного боярина власть имеется. А что до моих денег, так я их тратить боялась. Неровен час, отнимут, воровкой обзовут. Воевода хотел Егорку в дружину забрать. Брат отказался. В лес улег. А я на другой день в Азербайджан подалась. Что мне в лесу делать? Вот по дороге в Нахчыван решила к вам заехать. Ан

не сподобила меня судьба Йасминушку застать живую, – Лада вытерла слезы.

Али смотрел в сторону.

– Что делать-то собираешься?

– Совершить хадж, – ответил Али.

– Я погощу у тебя, если ты не возражаешь. А потом вместе с тобой тронусь. Ты в хадж, а я – в Нахчыван.

– Может, ты хочешь отдохнуть?– спросил Али.

– Хочу, но мне надо переодеться. Я дождусь твоего раба. Кто-то стучит, это, наверное, он.

– С чего бы ему стучать?– удивился Али.

За дверью стоял курьер, который вручил хозяину повестку и удалился. Прочитав ее, Али сказал:

– Раис Байлакана приглашает меня к себе. Что бы это значило?

Лада пожала плечами.

– Это называется, не было ни гроша, и вдруг алтын.

Насави

Правитель Майафарикина малик Музаффар был человеком непоследовательным и к тому же вспыльчивым. Эти качества его характера в течение короткого времени привели к тому, что Насави впал в немилость и оказался в тюрьме. Благодаря своему положению, он содержался во внутреннем узилище дворца, где сидели придворные и другие знатные люди. Камера была сухой и благодаря маленькому окошку, в которое были видны минарет и верхушки деревьев, хорошо проветривалась. Настолько хорошо, что Насави от постоянного сквозняка простыл. Здесь, на вынужденном досуге, он имел возможность размышлять о своей участи. Насави не сетовал на судьбу, напротив, был ей благодарен за то, что еще жив и здоров, в то время как султан Джалал покинул этот мир. Однако он не терял надежд на освобождение и время от времени писал прошения на имя вазира и самого правителя с просьбой о милости.

Всему виной была оплошность вазира, ответственность за которую он переложил на плечи Насави. Разбирая письма и прошения, поступающие на имя правителя, Насави наткнулся на письмо, на котором стояла печать и подпись последней сельджукской принцессы Малики-Хатун. В обязанности Насави теперь входило просматривать почту и регистрировать в специальном журнале дату, адресата, отправителя и краткое содержание. Насави с любопытством вскрыл печать и ознакомился с письмом. Жена султана Джалала сетовала на неподобающие условия, в которых она вынуждена была жить, и просила увеличить свой пенсион. «Я писала малику Ашрафу, – говорилось в письме, – он ответил, что сам очень занят войной с крестоносцами, поэтому поручает меня заботам своего брата. Все мои деньги, крепости и города я поручила заботам вашего хаджиба Али. Вам было угодно лишить его жизни, но что стало с моим достоинством, я не знаю, потому что уехала к вам, не дожидаясь его».

– Значит, она здесь, – печально усмехнулся Насави. Ему не довелось встретиться с ней лично, но он испытывал к ней странную симпатию. Ему было жаль эту своенравную, гордую женщину. Любовь к Джалалу, возникшая с одного взгляда, брошенного с крепостной стены, фиктивный развод. Вряд ли кто-то в это поверил, кроме самого султана. Мотивы ее поступка были очевидны. Но это был поступок, вызывающий, как ни странно, уважение, хотя он и противоречил мусульманской морали.

Прежде чем доложить о нем правителю, Насави показал письмо вазиру. Ознакомившись с его содержанием, тот спросил:

– Отчего ты решил сначала показать его мне?

– В этом письме есть некоторые дерзость и неуважение. Это сквозит между слов, несмотря на то, что по форме оно – просьба.

– Пожалуй, – задумавшись на мгновение, согласился вазир, – но что с того?

– Правитель может разгневаться, – продолжал Насави, – и отказать ей. А сельджукская принцесса не заслуживает того, чтобы ей отказывали в такой малости, которую она просит. Она в самом деле достойна лучшей участи. Но дело даже не в этом, то есть, не это главное. А главное то, что к ней благоволит малик Ашраф. Принцесса может стать причиной недовольства и разлада между братьями.

– Теперь я понимаю, почему тебя приблизил хорезмшах, – сказал вазир. – Но что же делать? Мы не можем утаить письмо от правителя.

– Вы можете сами увеличить пенсию, своей властью, сумма, о которой идет речь, невелика.

– Но там не указана сумма.

– Я посмотрел реестр пенсий, достаточно увеличить ее содержание на ваше усмотрение.

– Хорошо, – согласился вазир.

Через некоторое время об этом стало известно правителю. Он пришел в ярость. Вазир отказался от своих слов, и Насави угодил в тюрьму из-за своей доброты. Но он не жалел о своем поступке. Ему казалось, что он отдает долги своего погибшего господина, ибо, по его мнению, Джалал был несправедлив к ней. Вазир, видимо, чувствуя угрызения совести, постарался облегчить пребывание Насави в неволе, пообещав при первой же возможности похлопотать перед правителем о нем.

– Ты пойми, – сказал он, навестив его в тюрьме, – если бы я взял на себя ответственность за это ошибочное решение, сели бы оба. И нам бы никто не помог. Я же тебя вытащу рано или поздно.

Но освобождение затягивалось, и Насави, изнывая от тоски и безделья, попросился на общественные работы.

– Но человеку вашего звания негоже убирать улицы, как простолюдину, – сказал вазир.

– Ну, если человеку моего звания подобает сидеть безвинно в тюрьме, почему же мне не подобает убирать улицы, – резонно заметил Насави.

Выполнить эту просьбу вазир сумел без труда, и Насави стал под охраной убирать городские улицы.

У раиса Байлакана

Градоначальник жил в большом двухэтажном доме. Как это водится, половину дома занимали его домочадцы, а на второй половине он исполнял служебные обязанности. Али провели в большую комнату, где находились несколько человек. Судя по комплекции и напыщенному выражению лиц, это были важные персоны. Они вели беседу, которую не прервали даже при его появлении. Это было лишним подтверждением того, что они очень важные персоны.

Прислушавшись к разговору, Али по некоторым словам догадался, что он присутствует на совещании людей, которых принято называть отцами города. Говорилось

о взятии татарами Нахчывана. И это было плохой новостью.

Али сразу подумал о Ладе.

– Это он? – спросил, наконец, раис, показывая на Али.

Хаджиб подтвердил.

– Как тебя зовут? – спросил раис.

– То есть как, – сказал Али, – вы приглашаете к себе человека, даже не зная его имени?

Раис, удивленный его дерзостью, взглянул на одного из присутствующих людей, и тот протянул ему листок бумаги. Изучив его, раис, тем не менее, повторил свой вопрос, что выдавало в нем человека, не привыкшего к тому, чтобы его вопрос оставался без ответа.

Наш герой не стал упорствовать, в отличие от градоначальника.

– Кто ты такой, Али? – спросил раис. – Откуда ты взялся в нашем городе?

– Я здесь родился, – ответил Али.

– Почему же о тебе никто не знает?

– Потому что я родился в другом городе.

– Ты сейчас сказал, что родился в этом городе, – раздраженно заметил раис.

– Я родился в Байлакане. Но того города уже нет, он уничтожен монголами, все жители погибли, поэтому меня никто не знает.

– Как же ты уцелел?

– Меня не было в городе, я учился в Табризе.

Раис кивнул, удовлетворившись объяснением. Показывая пальцем на каждого из присутствующих, он назвал их должности. Здесь были начальники полиции, почты (*сахиб барид*), *кади* и другие должностные лица.

– Как ты думаешь, – спросил раис, – для чего мы тебя позвали?

– Понятия не имею, – ответил Али.

– Мне доложили, что сегодня на городской улице некий провокатор смущал людей пораженческими разговорами, советовал сдаться монголам без боя, оставить город, дома. Так ли это?

По мере того, как раис произносил эти слова, тон его голоса повышался, и он закончил криком. По-видимому, он принадлежал к тому типу людей, которые способны распалить себя без особой на то причины.

– Отвечай раису, – грозно произнес начальник полиции. – Ты произносил эти слова?

Али не стал отпираться.

– Все эти слова были мной произнесены по отдельности, в другой последовательности, и имели совершенно иной смысл.

Али повторил все то, что он говорил на площади.

– Как же это возможно, чтобы ты говорил одно, а мне передали другое?

– Так бывает, – спокойно пояснил Али, – когда соглядатай глуповат или хочет выслужиться. Или перед ним поставлена задача во что бы то ни стало найти шпиона.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил раис.

– Это обычное дело, когда полиции надо показать свою работу, она хватается невинных и выдает их за виноватых.

– Раис, это наглая ложь, – возмутился начальник полиции.

– Успокойся, – сказал ему раис, – у меня нет оснований не верить тебе.

– А какие у вас основания не верить мне? – спросил Али.

– Есть свидетели, – добавил начальник полиции.
– Видишь, есть свидетели, – повторил раис.
– Во-первых, я уверен, что эти свидетели – полицейские осведомители, – заявил Али.

При этих словах раис взглянул на полицмейстера. Тот неопределенно пожал плечами. Расценив этот жест как согласие, раис спросил:

– А что, по-твоему, осведомитель не может быть свидетелем?

– Не может, – отрезал Али.

– Это почему же?

– Они получают деньги за это, а свидетельство признается мусульманским законодательством, только если оно добровольное и бескорыстное. Но дело даже не в этом.

– А в чем же? – поинтересовался начальник полиции.

– В нашей ситуации свидетели ни к чему. Я не отрицаю того, что вы мне ставите в вину. Я действительно рассматривал возможные варианты развития событий. Ничего такого, о чём бы не знали слушающие меня люди, не сказал. Думаю, и вам хорошо известно, чем заканчивались осады городов монголами. Поэтому, к моему великому сожалению и к нашему общему несчастью, ничего хорошего нас не ждет.

Али замолчал. После его слов воцарилось молчание. Раис чувствовал сильнейшее раздражение, отчасти вызванное спокойной уверенностью и достоинством этого человека, отчасти – от безнадежной правоты его слов.

– А ты кто такой, – взорвался, наконец, градоначальник, – чтобы говорить с нами таким тоном, как с равными? Знаешь ли ты, с кем разговариваешь?

– Ты только что сказал, – помедлив, ответил Али, – это руководители различных городских ведомств.

Глядя на побагровевшего от ярости раиса, Али добавил:

– Вы пригласили меня вовремя. Надо обсудить план действий и принять решение о дальнейшей судьбе города.

Раис справился с гневом и с улыбкой, не предвещающей ничего хорошего, спросил:

– А почему тебя так беспокоит судьба города?

– Потому что город принадлежит мне, – заявил Али, – я иктадар Байлакана.

Тишина, возникшая после этих слов, безусловно, наводила на мысль о предстоящей буре. Но бури не последовало, сработал чиновничий рефлекс.

– Ты сам определил себя в иктадары Байлакана? – вкрадчиво спросил раис.

– Нет, раис. Этот город мне в *икта* определил хорезмшах. Полагаю, что свою должность ты получил из этих же рук. В крайнем случае, из рук его вазира Шарафал Мулка. В последнем случае тебе, наверное, пришлось заплатить немало за это место.

По лицу раиса было видно, что своим предположением Али попал прямо в точку. Но очень все это было неожиданно для присутствующих, в том числе и для самого Али, ибо он не собирался открываться, как-то сорвалось с языка. Раис в задумчивости переводил взгляд с Али на появившуюся в дверях охрану.

– Ты можешь чем-то подтвердить свои слова? – наконец спросил он.

– У меня есть маншур султана.

– Покажи.

– Я не ношу его с собой.

– Скажи, где он лежит, и я пошлю людей к тебе домой.
– Я не храню его дома. Он спрятан в укромном месте. Я принесу его вам завтра утром.
– Да, а ночью ты скроешься из города, – иронически произнес начальник полиции.
– Твое заявление слишком серьезно, чтобы оставлять его без последствий, – сказал раис. – Побудешь здесь, пока не укажешь место, где лежит маншур.
И, обращаясь к начальнику мауны, приказал:
– Распорядись, чтобы его поместили в тюремную камеру.
Когда Али увели, раис обвел взглядом присутствующих и сказал:
– Пусть посидит, а мы решим, что с ним делать. А пока я прошу: о том, что здесь прозвучало, никому ни слова.

В отсутствие Али Лада всплакнула о Йасмин, но тем не менее обошла весь дом, придирчиво рассматривая комнаты и их убранство. Когда она вышла на балкон и увидела канал, улыбка тронула ее губы. Местоположение дома в точности повторяло местоположение ее дома в Нахчыване. Лада почувствовала тепло в груди. Странное дело, но, возвратившись на чужбину, она испытывала чувства путника, вернувшегося домой после долгого путешествия. Лада ненадолго прилегла, но Али не было так долго, что она заснула. Когда она подняла голову, был вечер. За окном галдели птицы, виднелся край багряного неба. Лада прислушалась, но кроме птичьего гомона никаких других звуков до ее слуха не доносилось. Она спустилась на первый этаж.

– Эй, есть кто-нибудь? – позвала женщина, но дом был пуст.

Тогда она вышла на крыльцо и увидела во дворе Арифа. При виде гостя слуга склонил голову в приветствии.

– А где хозяин? – спросила Лада.

Ариф пожал плечами.

– Почему его до сих пор нет? – произнесла Лада. – В дверь постучал какой-то посыльный от градоначальника, и он ушел. Это было еще днем. Очень странно.

– Может быть, раис пригласил его на совещание? – предположил Ариф.

– А до этого он ходил на совещания к раису?

– При мне ни разу.

– Пошел бы ты его поискать, а то что-то у меня душа не на месте.

Ариф некоторое время решал про себя, выполнять ли ему приказ незнакомой ханым, затем оставил бурдюк с водой и ушел. Лада вышла на крыльцо проводить его взглядом, да так и осталась там, привлекая внимание прохожих.

Ариф вернулся через час, озабоченный и важный.

– Что-нибудь случилось? – спросила Лада.

– Трудно сказать что-нибудь наверняка. Но знакомый водонос сказал, что видел, как хозяина два сбира отвели в тюрьму.

– Что ты болтаешь, – рассердилась Лада, – какую тюрьму? За что?

– А вот этого я не знаю, – обиделся Ариф. – И вовсе я не болтаю, а говорю, что услышал. И вообще, мне пора уже домой. Я свою работу закончил.

– Подожди, – опомнилась Лада, – не обижайся. Это я не со зла.

Ариф сейчас был единственный человек, который мог ей помочь.

– Ты не узнал, за что его арестовали?

– Я же говорю, водонос видел, как его вели в тюрьму. Мне еще повезло, что я

его встретил. У дома раиса меня вообще чуть не побили.

– Подожди меня, – сказала Лада, – никуда не уходи. Я сейчас.

Когда через некоторое время она вернулась, на ней была чадра. Лицо ее было закрыто так, что были видны лишь глаза.

– Веди меня, – приказала она.

– Куда, госпожа? – удивился Ариф.

– В тюрьму. Давай, давай, торопись, пока совсем не стемнело.

Лада отдавала приказания таким властным тоном, что слуге даже не пришло в голову что-либо возразить.

– Я только возьму факел, – сказал он, – и двери запру.

Возясь с замками, он бурчал под нос:

– Увольнять он меня собрался. Что бы вы без меня делали!

Зиндан

Оказавшись за решеткой, Али, как это ни странно, испытал некоторое умиротворение. Ему казалось, что теперь он стал на путь солидарности со своей безвременно умершей женой. Он даже почувствовал, что непрекращающаяся сердечная боль отступила, и он почувствовал некоторое облегчение. Али долго сидел неподвижно, размышляя о том, что совестливый человек непременно должен страдать физически, оплакивая близкого. Из этого состояния его вывел ляг засова. Али недоуменно взглянул на вошедшего надзирателя, который приложил указательный палец к губам, призывая к молчанию. Появление надзирателя и его совершенно неестественный жест удивили Али, но в следующий момент из-за его широкой спины выскользнула тонкая фигура, в которой он по запаху цветочных масел узнал Ладу. Она вернула его к действительности. Али встал при ее появлении.

– Пять минут, – грубым шепотом сказал надзиратель, – только пять минут.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

– Как тебе удалось? – спросил Али.

– Золото имеет власть над людьми, – ответила Лада. – Ты же знаешь, что я женщина с достатком. Что случилось? Почему тебя арестовали?

– Сегодня на городской площади я рассуждал о том, как следует встречать татар. Рядом оказался осведомитель. Меня вызвали к раису, а там я нечаянно признался в том, что этот город принадлежит мне. И вот я здесь. – Али развел руками.

– Ты выбрал, видимо, не самое удачное время для признания. – Лада покачала головой. – Что теперь делать, чтобы тебя отпустили?

– Ничего не надо делать. Я хочу сидеть в тюрьме.

– Почему? Что за странное желание?

– Мне здесь почему-то легче, чем дома.

– Вот в чем дело. А я не сразу сообразила.

От открывшейся ей истины Лада оказалась в затруднении. И она с чисто женским эгоизмом и непосредственностью спросила:

– А я? Что мне делать? Я рассчитывала на тебя, твою помощь и мудрые советы.

– Тебе нужно вернуться домой, к родителям, – сказал Али, – вот весь совет.

– Но я не хочу домой. Мой дом теперь здесь, в Азербайджане, в Нахчыване.

– Я должен тебя огорчить, – неохотно сказал Али. – Нахчыван теперь в руках монголов. Я узнал это от раиса. Также, как и Гянджа. Я не знаю подробностей осады

Нахчывана, но с Гянджой все было ужасно. Город разграблен и уничтожен, жители перебиты. Вероятно, Байлакан ждет та же участь. Я думаю, тебе все же лучше вернуться домой, чем попасть в рабство к монголам. Они хуже собак.

– А ты? – спросила Лада.

– Мне все равно. Поначалу я хотел отправиться в путешествие, совершить хадж. Но раз уж так вышло, тем лучше. Не изменить того, что записано в книге судеб.

Лада хотела что-то возразить, но тут вошел тюремщик и заторопил ее.

– Я еще приду, – бросила, уходя, Лада.

Беглый

В городище был базарный день. Здесь не было торговых рядов в привычном понимании этого слова. Телеги, на которых привезли свои товары купцы и крестьяне из окрестных деревень, образовывали сложную геометрическую фигуру, между линиями которой бродили люди, собравшиеся на воскресную ярмарку. Всюду шла бойкая торговля кожей, полотном, хлебом, просом, гречихой. На прилавках в изобилии лежали также мед, меха лесных зверей, деревянная посуда, различная утварь, седла, сбруи, и многое другое – всего невозможно перечислить. Среди толпы выделялся высокий плечистый человек. Он не был похож на смердов в худых зипунах, с волосами, стриженными под горшок по деревенской манере. Его лицо обрамляла русая, аккуратно подстриженная борода, длинные волосы были сплетены в косичку и схвачены у затылка кожаным ремешком. О роде его занятий можно было догадаться – это был охотник. Несмотря на по-весеннему погожий день, на нем был заячий полушубок, который он, в зависимости от погоды, мог носить мехом внутрь или наружу. На голове – лисий треугольник, штаны и онучи на ногах. Через плечо перекинута переметная сума. Он подошел к торговке солью, купил мешочек и бросил в сумку. Охотник двигался по рядам, покупая необходимые ему вещи, не торгуясь. С церковной колокольни донесся набат. Торговка, немолодая женщина, прибрав монеты, стала истово креститься. Потом сказала своему соседу, указывая на спину уходящего покупателя:

– Ишь, нехристь, гляди, Мотыка, даже лба не перекрестил.

Ее слова услышал неприметный мужичонка, из тех, что слоняются по рынку без дела, смотря товар, щупают, мнут, но ничего не покупают. Он встрепенулся и стал глядеть на «нехрестя», в тот момент разглядывавшего наконечники для стрел. Наконец, словно что-то решив для себя, он торопливо ушел. Через некоторое время к базару подъехало несколько всадников. «Гля, гля, сам пожаловал», – поплыл испуганный шепоток по рядам. Это был местный посадник со своей дружиной. Давешний охотник, увидев всадников, весь как-то подобрался и попытался затеряться среди базарной толпы. Но это ему плохо удавалось, ибо его богатырскую фигуру было видно отовсюду. Воевода коротко распорядился, и двое из пяти дружинников спешили и направились к охотнику, расталкивая людей на своем пути, ни с кем не церемонясь. Охотник уже понял, что они идут к нему. Но выбраться из толпы не мог. Недавнее желание затеряться в ней было ошибочным, оно лишило его маневренности. Он сделал вид, что разглядывает плетеные ивовые корзины, когда они подошли.

– Пойдем-ка, – сказал один из дружинников, беря его под локоть, – Посадник с тобой потолковать хочет.

– На что ему со мной толковать? – спросил охотник, оттягивая время и лихо-радочно соображая, как поступить.

Второй подступил с другого бока, говоря:

– Давай, давай, смерд, воевода ждать не любит. Иди по-доброму, не жди, пока разгневаешься. Ложи корзину.

– Ладно, – покладисто сказал охотник.

Он повернулся, чтобы положить корзину на телегу. Но вместо этого неожиданно ловко надел ее на голову дружинника да дернул так, что плетеная ручка, ободрав ему нос, оказалась под горлом. Второй дружинник принялся выворачивать охотнику руку, крича: «А ну вяжи его, братцы». Но базарный люд не торопился на подмогу. Охотник свободной левой рукой нанес ему страшный удар под дых, отчего дружинник, задохнувшись, упал на колени. Первый дружинник к этому моменту освободился от корзины и, потянувшись за плетью, тут же получил удар в голову. Охотник, бросив сумки, перемахнул через одну телегу, другую, выбрался из базарной толчи и побежал в сторону реки, за которой начинался лес. Но уйти от всадников ему не удалось. Куда человеку против лошади. Воевода с тремя оставшимися дружинниками быстро догнали его и, обнажив мечи, вынудили остановиться.

– Вяжи его, ребята, – приказал воевода.

Когда связанного и избитого Егорку, а это был он, привели на допрос, в палате сидел за столом дьяк, двое стражников стояли по бокам

– Развяжите, – приказал дьяк.

– Лучше не надо, – возразил один из конвоиров, – здоров бугай, когда брали, насилу сладили.

– Ладно, – согласился дьяк.

Он макнул перо в чернильницу и стал задавать пленнику вопросы. Егорка без утайки отвечал: кто таков, откуда, чей холоп, сколько лет. Покладистость узника вызвала у дьяка даже некоторую симпатию. Он поглядывал на него с благожелательностью, видя, что с ним не будет особых хлопот. Но когда дошли до вопроса – в чем виноват, – дело встало. Дьяк быстро осерчал и повысил голос, пытаясь добиться у арестанта признания своей вины. Но узник твердил одно: невиновен. Его спокойные ответы теперь, напротив, стали раздражать и выводить из себя дьяка.

– Ты что же хочешь сказать, – усмехаясь, говорил он, – что у нас невинных людей ни за что, ни про что на улице хватают и в острог тягают?

Егорка кротко улыбался и не отвечал на провокационные вопросы. Тут открылась потайная дверь в стене, и в комнату вошли двое людей, при виде которых дьяк, а также дружинники кинулись на колени. Это были воевода и его староста. Воевода, тучный человек в алом кафтане, сел на лавку. А староста остался стоять.

– Это он? – спросил воевода.

Староста подтвердил.

– Как зовут? – спросил воевода.

– Егорка, – подсказал дьяк.

– Не тебя спрашивают, – буркнул воевода.

– Прости, батюшка, – виновато поклонился дьяк.

– Что же молчишь-то, ирод, – воскликнул староста, – отвечай барину.

– Так сказано уже, – молвил Егорка, – что же зваться-то попусту, не к добру это. Плохая примета.

Воевода вдруг захохотал, смех услужливо подхватили остальные.

– А ты веселый парень, – отсмеявшись, сказал воевода, – на волоске от гибели,

а в приметы веришь. Молодец, люблю таких, может, сладим с тобой. Скажешь мне все как на духу, да и отпущу тебя с миром. А не скажешь – пеняй на себя, в яме сгною.

– А чего ты от меня хочешь услышать? – спросил Егор.

Что-то в этом вопросе не понравилось воеводе, задело. В нем была какая-то дерзость, выражавшаяся в том, что смерд говорил с ним как с равным. Но воевода до поры пропустил это мимо ушей. Он только что отобедал, выпил и находился в умиротворенном состоянии. Но спрашивать узника, как собирался поначалу, передумал.

– Ну, скажи мне, – обратился он к дьяку, – что за ним, какие грехи водятся?

Дьяк, торопясь, схватил какие-то свои записи, видимо, от волнения, ибо читать не стал, а, сбиваясь, стал говорить по памяти: Егорка, сын такого-то, из деревни такой-то. Пропал несколько лет назад вместе со своей сестрой. Спустя два года они вернулись. Построили большой дом, не хуже княжеского. Работать не хотят, оброк, барщину выплатили за десять лет вперед. На вопрос – откуда деньги, ответить отказались. Сестрица вскорости исчезла. Обо всем было доложено воеводе. Сам смерд изъявил желание откупить себе вольную. Но отец-воевода, почуяв неладное, приказал доставить смерда к себе для разговора. Егорку под конвоем повезли к воеводе, но по дороге он убег. Пойман вчера на рынке, спустя шесть месяцев после побега.

Выслушав доклад дьяка, воевода обратился к узнику со словами:

– Ну, что скажешь в свое оправдание?

– Объясни, воевода, в чем моя вина, и я тогда найду, что сказать.

– Вина твоя, смерд, в том, что ты не явился по моему приказу.

– Человек не может быть виновен в том, что не явился на беседу к другому человеку, – спокойно ответил Егорка.

– Всякий другой человек не может. Но непослушание смерда – сиречь тяжкое преступление. Что ты на это скажешь, умник?

Воевода говорил спокойно. Но дьяк, хорошо знавший своего хозяина, уже замечал признаки надвигающейся ярости. Умник сказал следующее:

– Когда мою сестру похитили половцы, мои отец и мать пришли к тебе и бросились в ноги, моля о помощи. Но ты сказал им, чтобы лучше бы они следили за своей шалавой-дочкой. С тех пор я не считаю себя твоим смердом.

– Это как же так? – процедил, едва сдерживаясь, воевода.

– Потому что если смерд принадлежит господину, то господин должен защищать его. Потому что право собственности накладывает обязательства.

Воевода вскочил с лавки, опрокинув старосту, сидевшего на другом конце.

– Твою мать! – взорвался он. – Я тебе покажу обязательства, да я тебе язык вырву за такие слова, пес шелудивый. В колодки его, батогами бить, розгами сечь.

Несколько минут он кричал, затем подскочил и, размахнувшись, ударил связанного Егорку по лицу. Дьяк сделал знак стражникам, и те, подхватив пленника, поволокли бедолагу вон.

– А язык, – напомнил, уточняя, дьяк, который, брызгая чернилами, чертил слова на бумаге.

– Что – язык? – тяжело дыша, спросил воевода.

– Язык отрезать?

– Стоп, – вдруг сказал воевода, точно опомнившись, – верни его.

Дьяк бросился в коридор, по которому волокли Егорку, и того привели обратно.

– Егорка, – спросил воевода, – ведь ты не хочешь сгнить в яме заживо?

Охотник, удивленный переменой тона, взглянул на воеводу, который был воз-

бужден, но старался держать себя в руках. В его голосе даже послышалось некоторое участие.

– Не хочу, – согласился Егорка.

– Так отдай деньги и иди с миром. Даю слово, отпущу тебя. И дом, что ты построил, верну.

– О каких деньгах ты толкуешь, воевода? – лицо узника было непроницаемо, но воеводе оно показалось насмешливым.

– О тех деньгах, что у тебя есть, с которыми ты вернулся из Персии. Уж не знаю, чем ты там занимался – торговал ли, грабил ли, убивал ли, но по всему видать, казну ты привез хорошую. Дом поставил, не дом, а хоромы, княжеские палаты, оброк за десять лет оплатил. С бариним своим знаться не пожелал. Сознайся, кого ты убил и забрал казну.

– Никого я не убивал. Меня в Ширване обманом в рабство продали...

– А ты думал как, – перебил его воевода, – смерд, он везде смерд. Куда бы ты ни подался, везде рабом будешь. А как же, так мир устроен. Так что же ты хочешь сказать, что в рабстве ты столько денег скопил?

– Ты, воевода, что хочешь, думай, а я ничего другого не скажу.

– Ну что же, – свирепея и повышая голос, сказал боярин. – Уводите. Да всыпьте ему батогов, а завтра ко мне. И так будет каждый день. Или ты мне отдашь деньги, или душа из тебя вон.

Когда Егорку вывели из комнаты, воевода приказал:

– В яму не сажайте его. Не ровен час, сбежит.

– Из ямы-то? – удивился дьяк.

– Именно, что из ямы. Вишь, глазами-то зыркал, байстрюк. И здоровый, черт. В Персии в рабстве был и сбежал. И отсюда сбежит. Ход пророчит, с него станется.

Дьяк не стал упорствовать, а только спросил:

– Куда, батюшка, прикажешь?

– Запри его во флигеле, – распорядился воевода, – к двери приставь двух человек. Пусть будет под рукой у меня.

Дьяк, повинувшись, поклонился.

Заключение во флигель Егорка счел везением. Несмотря на то, что приволокли его туда, избитого батогами, он быстро пришел в себя, постанывая, поднялся и стал исследовать свое новое жилище. На это ушло несколько минут. Четыре бревенчатые стены. Под самой крышей было вентиляционное отверстие размером с кулак, откуда проникали свежий воздух и солнечный свет.

Во всем была виновата Лада. Это она захотела выстроить в деревне такой же точно дом, как в Нахчыване. Егорка был против, советовал не лезть на рожон. Пожить, осмотреться, пока не утихнут пересуды, связанные с их возвращением. Но Лада поступила по-своему. Деньги у нее, как известно читателю, были. А отказывать она себе ни в чем не хотела. Собственно, свой расчет у Лады имелся. Отличный от Егоркиного, который был уже счастлив тем, что вернулся домой. Семья в сборе, любимое занятие – охота, и – достаток. Больше ему ничего и не надо было. А пожелай он жениться, любая, самая ладная и красивая девица согласилась бы прийти к ним в дом. Лада же страстно желала иметь мужа и детей. И ее тоже можно было понять. Время, проведенное в неволе, подействовало на них совершенно по-разному. Егорка, ходивший в цепях, спавший на голой земле, делавший самую черную и тяжелую работу,

испытывавший больше физические, нежели нравственные страдания, тем не менее, получив свободу и богатство, остался равнодушен к роскоши и излишествам. Лада же, с первых дней неволи попавшая в царский дворец и, несмотря на ее положение невольницы, не знавшая ни в чем недостатка – ни в еде, ни в питье, проводившая время в увеселении, когда они пели и танцевали, ублажая атабека, – теперь не могла без всего этого обходиться. Она выстроила дом, который опалил завистью всех соседей. Семья Егорки принадлежала к сословию смердов – свободных крестьян. Но свобода их была понятием относительным. Они обязаны были вносить боярину подать, которая всегда была столь велика для них, что жили они бедно. Многие из смердов (кстати говоря, ругательный смысл это слово приобрело значительно позже), чтобы свести концы с концами, брали у боярина землю в пользование, что увеличивало размеры дани. Один неурожайный год, и смерд попадал в долговую кабалу. С Егоркой и его семьей этого не случилось благодаря охоте. Дичь всегда спасала их от голода. И поэтому брать в пользование земельный надел не было необходимости. Когда Егорка вернулся из Азербайджана, то всеми своими действиями вызвал раздражение у окружающих. К тому же он стал вносить подать за год вперед, что не могло не привлечь внимания воеводы, а затем и возбудить его алчность. Когда же Лада, не слушая никого, затеяла строительство большого дома в их нищей деревне, то их возненавидели даже те, кто находился до этого с ними в добрососедских отношениях. Всем было ясно, что дело нечисто. Воевода вызвал Егорку для разговора, а дальнейшее читателю уже известно.

Егорку отвели на допрос на следующий день. Спрашивали, где прячет деньги. Били, подвесив за руки к крюку, вделанному в потолок. В конце допроса, когда дьяк, допрашивавший его, и двое подручных, избивавших плетью Егорку, валились с ног от усталости, в комнату вошел воевода. И узнав, что Егорка все еще молчит, сказал:

– Послушай, смерд. Я даю тебе один день на раздумье. Потом я начну отрубать тебе конечности. Сначала одну руку, затем другую. Сначала одну ногу, затем другую. А напоследок вырву тебе язык, чтобы ты не только мне, но уже никому ничего не рассказал.

Весь следующий день Егорка провел, прощаясь с жизнью. Мысль о том, чтобы отдать деньги для сохранения жизни, он сразу отверг. Потому что знал, что воевода все равно в живых его не оставит. Эти шальные деньги не принесли Егорке счастья. И он дал обет своим богам, что в случае, если они спасут его и сохранят ему жизнь, тратить ровно столько, сколько понадобится. Был еще вариант раздать их бедным. Но это было бы перекладыванием своих бед с больной головы на здоровую. Когда подошло время казни и за ним никто не пришел, Егорка понял, что на небесах что-то пришло в движение, и стал уже по-настоящему верить в то, что сумеет спастись. Отсрочка была вызвана тем, что воевода был неожиданно вызван к посаднику. Егорка об этом знать не мог. Когда ему принесли еду – ковш воды и краюху хлеба, он спросил у охранника, почему за ним не пришли. Но сторож ответил, что это не его ума дело, и закрыл дверь. Егорка сделал глоток воды, отщипнул кусочек хлеба. Кусать он не мог, боясь коснуться хлебной корки разбитыми губами.

При некоторой сноровке можно было заглянуть в окошко, ногами и руками держась за полукруглые выступы бревенчатой стены. Продолговатое вентиляционное окошко было устроено под самым потолком. И поэтому, чтобы заглянуть в него, надо было выгнуть свою шею. В окошко были видны храм на холме, лес вокруг и часть

двора с деревянными постройками. Долго находиться в таком положении было трудно, и Егорка осторожно спустился и лег, разглядывая потолок. Доски были прибиты неплотно, из них торчала солома, которой утепляли крышу. Ломая голову над тем, как устроить побег, Егорка вспомнил, как они бежали с Али из караван-сарая, и улыбнулся. В следующий миг он услышал слабенькое тоненькое «кар-р». Пока Егорка, сдвинув брови, гадал, что бы это могло быть, звук повторился более настойчиво, можно даже сказать, требовательно. Наконец Егорка догадался поднять голову и увидел в окошке маленького, черного как смоль вороненка. Егор обрадовался так, словно встретил родственника. Называя его всякими ласковыми словами, Егорка отщипнул кусочек от краюхи и полез к окну. Вороненок, понятное дело, не стал дожидаться кормильца, тут же ретировался. Егор оставил хлеб на окне и, сожалея, что спугнул птицу, вернулся на свое место. Через некоторое время он услышал шум крыльев, шорох. Вороненок вернулся, заглянул в отверстие, каркнул и улетел, держа в клюве хлеб. Егорка улыбнулся, кое-как улегся на полу, то есть нашел положение, при котором избитое тело болело менее всего, и заснул.

Вороненок прилетел на следующий день, и ситуация повторилась. Егорка угостил его хлебом, и тот улетел. Так продолжалось несколько дней. Егорка привык к птенцу и с нетерпением ждал его появления.

В этот день стражник, принеся, как обычно, хлеб и воду, сказал: «Ну что, отдохнул? Готовься, завтра будем тебе кости ломать. Воевода возвратился».

Вороненок, по обыкновению забрав хлеб, через некоторое время вернулся. Услышав неожиданное «кар-р», Егорка удивился. В карканье вороненка ему послышались новые нотки. Он решил, что птенец вернулся проститься с ним.

– Прощай, малыш, – сказал Егорка, – спасибо, что навещал меня.

Но вороненок не унимался. Он каркнул еще раз, затем еще. Тогда Егорка, раскинув руки и ноги, что твой паук, поднялся к оконцу. Там лежал большой осколок стекла. Егорка поглядел на волю. Вороненок совершал в воздухе сложные кульбиты. Егорка помахал ему и, взяв стекло, спустился, обдумывая значение этого неожиданного подарка. Ему было известно, что птицы, особенно вороны, сороки, галки любят блестящие вещи. И тащат их в свои гнезда отовсюду. Может быть, вороненок отблагодарил узника таким образом за хлеб, за ласку, подарив ему дорогую для него самого вещь. К сожалению, практического значения подарок не имел. С его помощью нельзя было совершить побег, прорезав стены. Ибо Егорка состарился бы прежде, скобля бревна этим осколком. Оставалось только перерезать себе жилы. Но Егорка был не из той породы, чтобы самому покончить с жизнью. Во время этих размышлений из-за облаков появилось солнце, и сквозь щели под кровлей, а главное, из окошка комнату пронизали солнечные лучи. Стекло забликовало солнечными зайчиками. Егорка безучастно наблюдал за этим, держа стекло в ладони. Затем с недоумением почувствовал, что ладонь становится горячей. Он взял стекло большим и указательным пальцами. Через некоторое время соломенная труха под его рукой задымилась. Сообразив, наконец, в чем дело, Егорка стал ползать по полу, соскребая все, что могло гореть – крошки коры, кусочки деревянной стружки. Собрал все это в горку над дымящимся участком, продолжая держать над ним стекло, но солнечный луч сместился. Егорка пополз за ним, передвинув дымящуюся горку, откуда вырвался, наконец, язычок пламени, затем другой. Тогда Егорка, не теряя времени, соскреб воспламеняющийся сор в ладони, одним броском поднялся к окошку и оставил костерчик там. Держась за выступ, стал дергать солому из кровли, из щелей между по-

толочными досками. Солома в избытке и тяга свежего воздуха с улицы пламя оживили так, что через короткое время языки его лизали крышу. Сам Егорка стянул с себя рубаху, намочил ее водой из ковша. А когда дымом заволокло всю комнату, лег и накрыл лицо мокрой рубахой. Деревянные боярские хоромы схватились мгновенно, словно их облили нефтью. Во дворе послышались истошные крики: «Пожар, горим, батюшки, спасайся!» Когда прибежали за Егоркой, он, услышав, как отворяют засов, притворился бездыханным.

– Кажись, угорел, – сказал один голос.

– Господи Иисусе, ежели помре, барин шкуру с нас спустит. Бери его. Ох, тяжелый мерин. Поташили, давай, давай, волоком, волоком.

Егорку вынесли во двор и облили водой. Поскольку он не подавал признаков жизни, его оставили в покое. Во дворе царили неразбериха и путаница, к тому же все было в дыму. Один из дружинников стоял над телом Егорки, а другой побежал за лекарем. Из конюшен стали выводить лошадей и те, ошалев, бросились в полуоткрытые ворота. Дружинник закричал, увидев, что Егорка поднялся. От шума и конного ржания слов его нельзя было разобрать. Но вытащить саблю не успел. Ударом кулака Егорка свалил его оземь. В следующий миг он оказался на спине у одного из беснующихся жеребцов и, вцепившись в гриву, направил коня в ворота.

Лада

Лада пришла на следующий день, заглянула в зарешеченное смотровое отверстие в двери и с улыбкой помахала рукой Али, сидевшему на корточках. У Али стало тепло на сердце от ее улыбки.

– О чем думаешь? – спросила она.

– Ни о чем, – ответил Али, – читаю Коран.

Лада обвела камеру взглядом. Он добавил:

– В мыслях.

– Ну и что там пишут? – спросила Лада.

– Там пишут, что когда человека коснется зло, он взывает к нам. Когда же мы удалим постигшее его зло, он забывает о нас, как будто и не призывал на помощь...

– Ну что же, неблагодарность – первое свойство человека, куда же без этого.

– Как точно ты поняла этот аят, – заметил Али

– Но человек не должен сам себя наказывать, – добавила Лада. И, поскольку Али не ответил, продолжила: – Насчет монголов ты был прав. Обстановка нехорошая. В городе только и разговоров, что о татарах. Говорят, что их уже видели, они где-то рядом. Не сегодня-завтра появятся здесь. Все боятся. Власть молчит. Никаких объявлений о том, будут ли защищаться или сдадут город. В любом случае нам надо срочно уходить из города. О тебе нет никаких распоряжений, поэтому начальник тюрьмы меня свободно пускает к тебе. Ну, за деньги, конечно. Я так поняла, что он сам нервничает. Я подкуплю его. Я уже придумала. Я дам десять золотых динаров, чтобы он разрешил мне побыть с тобою в камере наедине. Я ему уже сказала, он ничего не ответил, только ухмыльнулся. Значит, пустит. Завтра вместо меня под паранджой окажется Ариф. Только смотри, не вздумай обнимать его. Он останется вместо тебя в камере. А ты оденешь паранджу и выйдешь из тюрьмы.

– Ариф согласился? – спросил Али.

– Да. За десять золотых динаров.

– А что с ним станется?

– Думаю, ничего страшного. Ну, поколотят его, потом отпустят. В любом случае он волен в своем выборе. Я думаю, что тебя тоже отпустят. Но у нас нет времени. Так, все, мне машут, я ухожу. Будь готов.

– Подожди, – остановил ее Али. – Возьми вот это. – И вложил ей в ладонь клочок бумаги.

– Что это? – удивилась Лада.

– Это записка. Только дай мне слово, что прочитаешь ее в крайнем случае.

– Хорошо, – торопясь, бросила Лада, закрыла лицо и исчезла.

Али вернулся на свое место. В общем-то, ему было все равно, бежать или сидеть в камере. Но и расстраивать Ладу не хотелось. В настоящий момент эта молодая женщина была единственным близким ему человеком. Собственно, выбор был невелик: умереть в бою с монголами или быть зарезанным безоружным в тюрьме, когда монголы войдут в город. А в том, что это случится, Али не сомневался. После смерти султана Джалала не было ни одного мусульманского владыки, способного противостоять татарам. Монголы захватывали город за городом. И появление их у стен Байлакана было вопросом времени.

Однако на следующий день никто к Али не пришел. Чувствуя нарастающее беспокойство, Али ходил из угла в угол. Город за стеной шумел сильнее обыкновенного, раздавались крики, плач, топот копыт, скрипели несмазанные колеса повозок, кричали испуганные животные. Али стал стучать в двери, окликая надзирателя. Его беспокойство передалось остальным, и тюрьма вскоре загудела как взволнованный улей. Али догадывался, что происходит, но все-таки хотел услышать подтверждение. Но тюремщики, обычно прогуливающиеся по коридору, то и дело заглядывающие в камеры, на этот раз как сквозь землю провалились. Старший надзиратель появился ближе к вечеру и подтвердил опасения Али. Город был окружен монголами.

– И что сейчас происходит? – спросил Али.

– Ведут переговоры с монголами, – ответил надзиратель.

– А что с нами будете делать?

– Насчет вас распоряжений не было.

– Так узнайте.

– Начальник ходил к раису. Тот его выгнал, сказал, мол, не до вас сейчас. Так что сидите пока спокойно и прекратите шуметь.

В эту ночь Али не сомкнул глаз. Не спал и город за стенами, так как шум не умолкал. А на рассвете Али услышал глухие удары и тонкие характерные посвистывания в таком количестве, с такой частотой, что они слились в рой. Али понял, что это звуки тарана, которым долбят городские стены, и стрел, которыми осыпают город. Истошные крики, плач женский и детский, стенания, вдруг вырвавшиеся из монотонного шума, означали только одно: переговоры по какой-то причине сорвались, и монголы начали штурм города. Али надеялся, что теперь-то узников выпустят, но тюремщики не появлялись. Он стал бить ногами в дверь, но все было тщетно. В этой томительной неизвестности прошло два или три часа. За это время состояние Али совершенно изменилось. Апатия исчезла, и он жаждал действия. Беспокойство испытывал не только он, он слышал еще чьи-то встревоженные голоса. Их было немало, ибо место, где он содержался, не было тюрьмой. Это были, так сказать, камеры предварительного содержания при полицейском участке, с отдельным входом

и собственным обслуживающим персоналом. Али услышал грохот двери, по коридору пробежал надзиратель, звеня связкой ключей. Али понял, что он открывает двери камер, напутствуя заключенных словами: «Унесите ноги, татары в городе, спасайте свои жизни». Ему в ответ кричали: «Дай нам оружие, о, сын своего отца, оружие». «Где я возьму оружие? – отвечал надзиратель. – Бегите, сами найдете». Раздался топот ног в коридоре, шум и воинственные гортанные кличи, от которых у Али похолодела кровь в жилах. На мгновение все стихло. Али, уверенный, что про него забыли, стал колотить в дверь. Надзиратель, в самом деле забывший про него, вернулся, проклиная себя за милосердие, ибо выход из тюрьмы был уже отрезан двумя монголами, с которыми схватились безоружные узники. Али услышал, как повернулся ключ в замке, рванул на себя дверь и подхватил падающее на него бездыханное тело надзирателя. Из спины его торчала сабля, за эфес которой держался узкоглазый монгол. Ему не удалось сразу же вытащить клинок. Этих мгновений Али хватило, чтобы, действуя телом надзирателя как щитом и тараном одновременно, атаковать монгола. Они схватились в рукопашной схватке, в которой более рослый и тяжелый Али взял верх. Не позволив монголу вытащить нож, он коленом придавил его запястье, которым он схватился за рукоятку. Он сдавливал горло монгола до тех пор, пока в руках его не хрустнул кадык и монгол затих. Дрожа от ярости и возбуждения, Али поднялся на ноги и вытащил из спины надзирателя саблю. Второй монгол также лежал бездыханный вместе с двумя окровавленными арестантами. Видно, монголы вдвоем заскочили в полицейский участок и нашли здесь свою погибель, взяв с собой на тот свет троих человек.

Али бросился к выходу. Выскочив на улицу, он сразу же оказался в центре яростной схватки. Отбил летящее копьё, скрестил саблю с одним из монголов и зарубил его. В ближайшей подворотне истошно голосила молодая женщина, которую придавливал к земле татарский вояка. Али ударом ноги сбросил его с добычи, а когда тот схватился за саблю, снес ему руку вместе с саблей. Женщина поднялась с земли, бросив на него затравленный взгляд, побежала в дом. Али почувствовал, как что-то обожгло ему плечо. В следующий миг, распознав опасность, едва увернувшись от удара, он сделал выпад сам, и острое сабли вошло в глотку монгола.

Али стал пробираться к своему дому быстрыми перебежками, то и дело вступая в бой, нападая или защищаясь и чувствуя пьянящее чувство небывалого восторга. Так бывает, когда человек долгое время испытывавший гнетущее чувство страха, вдруг оказывается в непосредственном контакте с предметом, вызывающим страх и понимает, что пути назад отрезаны и бояться уже не надо. Али даже испытал удивление от того, что эти низкорослые, косоглазые, смуглые, кривоногие люди смогли навести ужас на весь остальной мир. Они были страшны на расстоянии, своей темной массой, как муравьи, поедающие ослабевшего больного зверя. Но не в прямом контакте, в котором находился сейчас Али. Однако Али был единственным человеком в осажденном городе, который в эту минуту испытывал такие восторженные чувства. Все остальные чувствовали страх и смертельный ужас. Али продвигался к своему дому по улицам, по которым кровь текла рекой.

Цокольный этаж

В день, когда Лада собралась устроить побег Али из тюрьмы, прибежал перепуганный Ариф, крича: «Ханым, все пропало, evimiz yıxıldı, dünyanın axırı gəldi». Когда

Лада, наконец, уяснила, в чем дело, у нее опустились руки. Она долго сидела, не зная, что ей следует делать.

Ариф убежал, а Лада пошла к тюрьме. Начальник полиции, благоволивший ей, поскольку Лада щедро вкладывала в его руку золотые динары, отказался ее принять, а дежурный инспектор объявил, что в связи с осадным положением все свидания с заключенными запрещены. Лада попыталась дать ему взятку, но инспектор, как назло, оказался порядочным, сделал вид, что не замечает протянутого динара, повернулся и закрыл дверь прямо перед носом посетительницы. В растерянности Лада прошлась по городу, поднялась на городскую стену, откуда ее сразу же прогнали защитники. Но, прежде чем уйти, она увидела толпы осаждавших город татар, стенобитные орудия, которыми долбили городские стены сразу в нескольких местах. В воздухе свистели неприятельские стрелы. Лада сошла вниз и, проклиная себя за то, что приехала в этот город, вернулась домой, где провела несколько часов то плача от страха, то впадая в оцепенение. Снаружи доносились голоса, крики, плач прохожих, какие-то команды, топот ног, копыт, скрип колес. Когда татары прорвали оборону и ворвались в город, все звуки поменяли тональность. Крики сменились воплями, в которых слышался смертельный ужас. К ним примешались грохот железа, лязг сабель, яростные крики сражающихся и предсмертные крики раненых. Лада поняла, что конец близок. Она помолилась Аллаху и, на всякий случай, своим Богам, взялась за ладанку, в которой лежал осколок чудодейственного камня, упавшего с небес, которым ее снабдила мать на прощанье. И в ладанке нащупала тот клочок бумаги, который Али дал ей с уговором прочесть в трудную минуту. В том, что крайний случай наступил, у Лады не было ни малейшего сомнения. Прочитав содержимое записки, Лада бросилась к очагу, заглянув в дымоход, увидела свисавшую сверху цепь, повисла на ней и с изумлением обнаружила, что стена топки уходит, открывая потайной лаз. Ладе страшно было лезть в него, но то, что происходило снаружи, было еще страшнее. Она пробралась осторожно в это отверстие и, пользуясь большим металлическим кольцом, вернула стену на место. В кромешной темноте, нащупывая ногой ступени лестницы, спустилась вниз и затаилась там, проведя у подножия лестницы целую вечность, до тех пор, пока ей на голову не свалился Али. При этом Лада завизжала так, что у Али заложило уши. Он ощупью нашел ее и зажал рот:

– Тише, не кричи, это я.

Лада бросилась обнимать Али, плача и причитая: «Ты жив, ты жив».

– Да, я жив, успокойся же, наконец.

Али осторожно высвободился из объятий Лады, разыскал в стенной нише свечу, зажег ее, затем еще одну. Свет озарил помещение, и Лада увидела, что находится в довольно просторной комнате, где были стол и широкая лежанка, сколоченная из досок. Стены были укреплены булыжником.

– Подумать только, здесь даже есть кровать. Что-то ищешь? – спросила Лада.

– Нашел, – ответил Али, достав кувшин с полки, где их стояло около десятка.

– Что это?

– Арак.

– Ты хочешь выпить?

– Выпить? Нет, хотя выпить нам не помешает. Мне надо перевязать руку.

– О Аллах, ты ранен, – воскликнула она, – ты весь в крови.

– Не сильно. Поможешь мне?

– Конечно, – Лада принялась было отрывать подол от своего платья. Но Али

остановил ее и произнес:

– Под лежанкой есть материя. Намочи тряпку и обработай мне рану.

– Рана неглубокая, – заметила Лада, – все обойдется.

Али молчал. Лада сделала из ткани тампон, смочила его в водке и, приложив его к ране, забинтовала руку. Али поблагодарил, опустил руку и перевел дух.

– Что ... там наверху? – запоздало спросила Лада.

Али покачал головой.

– Наверху худшее из всего, что могло произойти. Я не буду тебя слишком обнадеживать. Мы в относительной безопасности, но как долго это продлится, неизвестно. Если нас не найдут татары, то мы сможем продержаться здесь несколько дней, если на то будет воля Аллаха.

– Иншаллах, – добавила Лада. После недолгого молчания она спросила: – Но как ты это все мог предвидеть? Ты дал мне записку, которая спасла мне жизнь. И эта потайная комната, ты все предусмотрел. Я восхищаюсь твоим умом.

– Появление татар было вопросом времени, – ответил Али. – После гибели султана Джалала это было очевидно, поэтому при строительстве дома я вырыл подвал и устроил в нём эту комнату. Здесь есть запас еды, сухари и сушеные фрукты. Вместо воды – вино. Так что нам все равно придется выпить.

– А воды нет?

– Вода есть, правда, я в суматохе и горестях последних дней давно не менял ее. Боюсь, что она годится только для омовения.

Говоря это, Али достал из ниши еще один кувшин, сломал печать и налил вино в чаши. Прежде чем выпить, он сказал:

– Пить вино – сейчас лучшее, что мы можем делать, чтобы скрасить свое существование, забыть о том, что сейчас происходит наверху. Должен сказать, что мне стыдно прятаться здесь, вместо того, чтобы сражаться с татарами наверху. Меня здесь удерживает не страх, но здравый смысл. Наверху происходит избиение, и моя смерть ничего не изменит в этой ситуации. Цепляться за жизнь после смерти моей жены и ребенка у меня тоже нет резонов, но и быть убитым татарами я не хочу.

– Тебе не в чем оправдываться, – дотронувшись до его плеча, сказала Лада, – к тому же, неизвестно, выживем ли мы. Мне приходилось слышать, что некоторые города татары сравнивают с землей. Если мы останемся под завалами, то эта комната станет нашей могилой. Довольно уютной, надо сказать. Мы отсюда не выберемся.

– Я предусмотрел и этот вариант, – сказал Али, – стены здесь укреплены камнем, кроме одной. Коридор заканчивается дверью. За ней земля, обычный грунт, мягкий. Здесь есть лопаты. Если копать в этом направлении, то окажешься в саду. Вопрос в другом, через сколько дней мы сможем выйти отсюда.

– А как вообще отмерять время?

Али извлек из глубины ниши большие песочные часы.

– Они отмеряют ровно три часа. Для того, чтобы следить за ними, мы будем спать по очереди. В лучшем случае татары уйдут из города через три дня, то есть, через 72 часа. Для надежности добавим еще один день. Значит, попробовать высушить голову надо, перевернув эти часы 96 раз...

– Понятно, – сказала Лада. – Только я все равно пить не буду.

– Тогда ложись спать.

– Я не смогу сейчас заснуть. Я натерпелась такого ужаса сегодня. Давай лучше поговорим.

– Давай поговорим, – согласился Али.
– Я очень испугалась сегодня.
– Только не об этом.
– Хорошо, – согласилась Лада и продолжила. – Я была просто в бешенстве поначалу, когда сбежал Ариф. А потом в отчаянии от того, что все сорвалось.
Али на этот раз не стал ее останавливать, а терпеливо выслушал ее рассказ до того момента, когда она прочла записку и нашла потайной ход. Али молча пил вино.
– Налей и мне вина, что ли, – нерешительно сказала Лада.
Али наполнил ее чашу, задул свечу.
– Зачем ты погасил ее? – спросила удивленно Лада.
– Чтобы ты не видела моих слез, – честно сказал Али.
– Прости. Но ты можешь плакать без стеснения. Человек должен оплакивать близких, – говоря это, она сама всхлипнула.
Некоторое время они оба плакали в темноте.
– Ну вот, сурьма потекла, – с досадой сказала Лада, – мне нужно умыться. Можно зажечь свет?
– Можно, – Али зажег свечу, принес бурдюк с водой, полил ей на руки.
– Когда я виделась с женщинами из гарема атабека, – заговорила Лада, – они сообщили мне, как вы с Егоркой залезли ночью к ним в башню. Ты рассказывал им какую-то сказку. Эх, хорошие были времена. Может быть, ты что-нибудь расскажешь?
– Извини, мне сейчас не до этого, – отказался Али.
– Тогда хочешь, я что-нибудь расскажу, – предложила Лада.
– Может быть, помолчим, – помедлив, сказал Али.
– Конечно, – согласилась Лада, – я тебя понимаю.
Некоторое время они сидели в полной тишине и кромешной темноте. Трудно было представить, что наверху в городе идет бой. Сюда не доносилось ни звука.
– Прости, я не могу, – заговорила Лада, – мне страшно.
– Почему? – рассеянно спросил Али.
– Здесь как в могиле, темно, хоть глаз выколи. И ни одного звука. Я боюсь.
– Но я же рядом.
– Но ты молчишь, все равно, что тебя нет.
– Возьми меня за руку.
– Не могу, я мусульманская женщина. К тому же, ты меня волнуешь.
Али кашлянул.
– Извини.
– Что мне сделать, чтобы ты не боялась?
– Нужен либо свет, либо звук.
– Если будем жечь свечи, нечем будет дышать.
– Тогда я должна говорить, мой голос меня успокаивает. Вообще-то я дома пою, напеваю что-нибудь.
– Прошу тебя, – взмолился Али, – петь не надо. Говори, если хочешь.
– Хорошо, хорошо. Обидно мне, правда, это слышать. Но будь по-твоему. Хочешь, я расскажу тебе сказку. Только ты иногда реплики подавай, чтобы я чувствовала твое присутствие. Так я рассказываю?
– Если хочешь, – повторил Али.

Когда они выбрались из подземелья, город лежал в руинах, и все вокруг было

завалено мертвыми телами. Мертвецов никто не хоронил, и от ужасного запаха перехватывало дыхание. Татар не было, они ушли дальше, на север. В течение трех дней город был подвержен грабежам и насилию. Затем, разрушив все, что они не могли унести с собой, монголы покинули Байлакан, оставив после себя только руины.

Наши герои добрались до Араза, перебрались на другой берег. И здесь им повезло. Они наткнулись на караван торговцев, имеющих пайцзу на свободное передвижение. Али договорился с караван-баши, выдав себя за купца, чьи товары пропали в разрушенном Байлакане. Караван шел в Дийар-Бакр.

Сколько он ни уговаривал Ладу вернуться на Русь, к родителям, она наотрез отказалась от этого.

В лесу

Мы оставили Егорку в тот миг, когда он вырвался из боярского плена, подпав хоромы. Доскакав до реки, за которой начинался густой лес, он направил коня в воду. Он плыл, держа коня за шею, направляя его. Пройдя стремнину, почувствовав, что ноги коня достают до дна, вновь взгромоздился на него и, понукая, заставил вынести на крутой берег. Здесь он позволил себе остановиться и посмотреть назад. Погони не было. В боярской усадьбе царил такой переполох, что не нашлось никого, кто бы отрядил за ним погоню. Егорка сжал пятками бока животного и въехал в лес. Здесь уже он ехал, особо не торопясь, выбирая дорогу по одному ему известным меткам. В лесу он чувствовал себя в относительной безопасности. Конечно, и здесь можно было нарваться на засаду, выставленную княжеским тиуном. Но Егорка был уверен, что полоса неудач закончилась. Вскоре он отпустил коня, зная, что тот найдет дорогу назад. Через несколько часов, добравшись до своей охотничьей заимки, Егорка почувствовал себя в полной безопасности. В глухом лесу ему могли угрожать только дикие звери, которые, в отличие от людей, нападают лишь в случае крайнего голода. Приблизившись к своему жилищу, Егорка затаился и пролежал в укромном месте больше часа, чтобы убедиться в том, что в сторожке никого нет. Все тайные знаки, которые он оставил, чтобы узнать при возвращении о том, что были непрошенные гости, оказались не тронуты. И Егорка вошел в землянку. Первым делом он вытащил из тайника оружие – саблю, кинжал, лук и стрелы. После нарвал листьев подорожника, приложил к ожогам и перевязал раны. Затем вскипятил воду из родника, приготовил кашу, поел и заварил травяной чай. Сейчас он жалел, что не уехал с Ладой. Родная земля стала чужой для него. Азербайджан, где на его долю пришлось столько испытаний, вспоминался ему с теплом в душе. Особенно теперь, когда он оказался на родной земле в положении изгоя. Богатство, свалившееся на них, не принесло им счастья. Он понимал, что надо было быть похитрее, постепенно приучать общество к своему достатку. Заняться какой-нибудь торговлей. А еще лучше было бы привезти из Азербайджана товары, сразу заявив о себе как о купце. Это объяснило бы появление денег. Но бесхитростному Егорке тогда и в голову не могло это прийти.

Через два дня к нему пришел отец. Увидев Егорку живым, обрадовался. Рассказал о том, что приезжали люди воеводы, спрашивали, не приходил ли сын.

– Они не знают, убежал ли ты или сгорел при пожаре, – сказал отец.

– Били? – спросил Егорка.

– Нет, пошумели немного. Велели, если ты вдруг появишься, сразу дать им знать. Ты-то как, здоров ли?

- Здоров, – ответил Егорка, – вот руку слегка обжег, но уже заживает.
- А-а, руку, больно, поди?
- Ничего.
- А у воеводы-то хоромы сгорели, ничего спасти не удалось.
- Знаю, – сказал Егорка, – это я их подпалил.
- Ох, ты, – поразился отец, – это зачем же?
- А то бы я с тобой не говорил сейчас.
- Она как, подпалил, значит, а сам улег. Отчаянный ты у меня, Егорка.
- Мать-то как?
- Здорова. О тебе все тужит. Что думаешь делать?
- Уезжать надо, – сказал Егорка, – здесь жизни не будет.
- Куда уезжать-то, сынок?
- В Азербайджан, Персию, Ширван. К черту на рога. Лишь бы отсюда уехать.

А то поедем вместе. В Нахчыване у Лады дом есть.

- Нет, сынок, что мне на старости лет на чужбине делать, умереть разве что.

Уж лучше здесь помру. А дом Лада и здесь выстроила, что теперь с ним делать?

- Продай. Она возражать не станет.

- Кто здесь его купит? Таких денег отродясь ни у кого не водилось.

– На всякий товар найдется купец. В тайнике я оставлю деньги. Будешь брать по мере необходимости. Динары менять езжай в волость, там по базарным дням меляны-евреи приезжают. Это надежней. И они лишних вопросов не задают.

- Когда же ты думаешь отправиться?

- Я тебя ждал, завтра, наверное, и тронусь.

Старик встал, украдкой смахнул слезу, обнял сына:

- Ну, доброго пути.

Егорка вытащил из травы подбитого тетерева:

- Возьми, утром подстрелил. Ты ж на охоту пошел....

Отец приторочил птицу к поясу, хлопнул сына по плечу и ушел. Егорка смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за деревьями.

На следующий день Егорка отправился в дорогу. Прошел лес и вышел в степь. Но мы не будем описывать путь, полный опасностей, который проделал Егорка, чтобы пересечь кипчакские степи. Часть дороги он прошел, пристав к бродникам, которые гнали стадо овец в низовья Волги, часть прошел в одиночестве, а часть – с человеком, с которым познакомился в дороге, звали его Фомой. Случилось это в маленьком рыбацком поселке на берегу реки. Егорка сидел в трапезной на постоялом дворе. В открытые двери была видна мечеть. Человек, сидевший за дощатым столом напротив, пил вино. Каждый раз, прежде чем поднести кружку ко рту, он оглядывался на мечеть, украдкой крестился, а только потом пил. Он с любопытством поглядывал на Егорку, затем спросил: – Никак русский? – А когда Егорка утвердительно кивнул, укоризненно сказал: – А что же ты, дружок, садишься за стол и лба не перекрестишь?

Вместо ответа Егорка спросил:

- А хорошо ли креститься и вино пить?

- А что же, вино, дружок – это кровь Христова.

- Но ты же, вроде, не причащаешься?

Монах смущенно кашлянул. Видно, Егорка попал в цель. Покончив с едой, Егорка расплатился и вышел. Человек вскоре догнал его.

– Меня Фомой кличут, – сказал он. – А тебя?

– Егоркой.

– Ловко ты меня поддел, однако. А далеко ли путь держишь?

– Далеко.

– Издалека?

– Издалека.

– Один ли идешь? – не унимался Фома.

– Больно любопытен ты, прохожий, – усмехнулся Егор. – На что тебе?

– Не любопытен я, но словоохотлив. Я один иду, вот интересуюсь, может, нам по пути.

– Я иду в Ширван. А ты?

– А я, братец, в Иерусалим иду. Послали меня братья выпросить придел в храме рождества Христова в Вифлееме.

– На что же вам придел понадобился? Жить, что ли, там будете?

– Кто же в храме живет? В храме молятся.

– В мечети живут, сам ночевал как-то.

– Ну, что же с нехристей взять.

– А ты, выходит, священник христианский. Миссионер, что ли?

– Инок я, братва послала меня.

– Какая братва?

– Ну, в смысле, братия. Настоятель сказал: «Иди в Иерусалим и уговори их отдать один из приделов храма русской православной церкви. А то там уже армяне подсуетились и греки. Против греков мы ничего не имеем, но если у армян есть придел, то нам сам Бог велел».

– Я против греков тоже ничего не имею, – заметил Егорка, – да и против армян тоже.

– А ты их видал?

– Видал.

– А какие они из себя?

– Обыкновенные, чернявые, сливоглазые, большеносые.

– Вроде иудеев?

– Вроде. А что же ты в монастыре делаешь? – спросил Егорка

– Да все делаю, куда пошлют, чего игумен скажет, то и делаю. Бывает, и в поле работаем, а то, бывает, и рыбу ловим.

– И так все время?

– Да.

– А молиться не пробовали?

– Чего ж не пробовали, – обиделся Фома, – мы и молимся, когда не работаем.

Но вообще-то я переписчик.

– И что же ты переписываешь?

– Всякое, что дадут, то и переписываю. Жития святых, евангелия разные.

– Почему разные, их же, кажется, четыре всего.

– Да нет, брат, их значительно больше. А ты, значит, в Ширван идешь?

– В Арран, если быть точнее.

– Арран, Ширван – мне все едино, – сказал монах, но тут же добавил, противореча себе и выказывая географические познания. – А чего же сюда пришел? Тебе же напрямиком на Дербент сподручнее.

– Нет уж, – заявил Егорка, – один раз пошел да в беду попал. Морем лучше. Сяду в порту на судно да поплыву до Баку. А там напрямик на Гянджу.

– А я вот морем боюсь плыть, – посветовал монах. – Да деваться некуда. До Персии плыть надо. А на твоём месте я бы так в Гянджу не рвался.

– Что так?

– Татарва там.

– Откуда тебе ведомо? – настороженно спросил Егор.

– А нам многое ведомо, в отличие от мирян, – спокойно ответил Фома. – Я гляжу, много ты знаешь про те края, доводилось бывать?

– Жил я там, – ответил Егорка, – да жизнь моя не всегда была весела. Полтора года провел в рабстве. Хороший человек один выручил. По гроб жизни ему обязан.

– К нему, что ли, идешь?

– К нему тоже. Сестра у меня там в Нахчыване живет. Ты правду, что ли, сказал про татар?

– Правду.

– Далеко ли до гавани? – после короткой паузы поинтересовался Егорка.

– Сказывали, недалече, к вечеру будем. Главное, чтобы судно попутное попало. Бывает, что сидишь там неделю, пока не сядешь.

– Так ты бывал здесь?

– Нет. Братва рассказывала. В смысле, братия. Ну, так как?

– Что как?

– Может, вместе пойдем? Нам почти по дороге. Выйдешь в Баку, а я поплыву дальше.

– Но ты, кажется, боишься плыть морем, – напомнил Егорка.

– Это верно, боюсь, – согласился Фома, – однако сушей еще опасней. На море, по крайней мере, татарва не водится.

– А ты их видел вообще?

– Бог миловал. Они как появились, так и исчезли.

– Почему говоришь, что Бог миловал?

– Если бы я их видел, то с тобой бы сейчас не разговаривал.

Беседуя таким образом, путники, не договорившись ни о чем, тем не менее, продолжали идти вместе в одном направлении. К вечеру они дошли до гавани. Грузчики сновали по трапам с мешками, бочонками и ворохами шкур. Фома остановился возле одного судна и заговорил с капитаном, следящим за погрузкой, спрашивая, не возьмет ли он пассажиров. Тот, выслушав обращение, покачал головой.

– Кажись, не понял, – заметил Фома и перешел на греческий. Егорка, будучи когда-то скованным с греческим философом одной цепью, понимал все. Но капитан вновь покачал головой. – Вот басурман, – в сердцах сказал Фома, – как ему растолковать-то.

Тогда за дело взялся Егорка, спросив, куда тот держит путь. Капитан, с ленивым любопытством глядя на славянина, свободно изъяснявшегося по-тюркски, охотно назвал все пункты следования.

– Возьмешь пассажиров? – спросил Егорка.

– Каюта у меня только одна, да я в ней сплю, – ответил капитан.

– Это ничего, мы на палубе посидим.

– Можно, – согласился капитан.

– Что он говорит? – не выдержал Фома. – Куда плывет?

– Он плывет в Персию, а нам действительно по дороге, так что прошу на борт.

– А ты по-басурмански говоришь, ай, молодец, – восхитился монах, – да тебе в дороге цены нет. Токмо погоди, еды надобно купить. Где здесь базар? Спроси, сколько он еще стоять будет?

На вопрос капитан ответил: мол, столько, сколько будет идти погрузка, а затем сразу отчалит.

– Ты тогда стой здесь, – торопливо сказал монах, – а я побегу, вон, вижу торговые ряды. Упроси его, если что, денег посули, я ему заплачу.

Подхватив полы своей рясы, Фома кинулся бежать к рынку. А Егорка, условившись с капитаном об оплате, поднялся на борт.

– Туда иди, – показывая на корму, сказал капитан.

Егорка пошел, здороваясь с гребцами, мимо которых проходил. Оказавшись на корме, он сел, прислонившись к борту, с наслаждением вытянул ноги и глубоко вдохнул морской воздух. Солнце уже зашло за горизонт, но все еще было светло. Повернув голову, он увидел Фому, который торопливо подходил к судну. Бежать он не мог, поскольку под мышкой держал небольшой бочонок, а в другой руке – соломенную корзину, закрытую сверху полотенцем. Он крутил головой в поисках Егорки, увидев, кивнул и поднялся на борт.

Майфарикин

Начальник тюрьмы охотно отпускал заключенных на общественные работы, так как за это городская казна платила деньги, несмотря на то, что работы назывались общественными. Считалось, что плата идет на питание заключенных. Деньги эти, естественно, начальник брал себе, а заключенные просили подаяние у жителей. Сердобольные горожане охотно подкармливали арестантов, поэтому среди узников тюрьмы считалось удачей попасть на эти работы. Это было редкое совпадение интересов всех сторон. На работу, конечно, разрешалось выходить только самым спокойным, безобидным арестантам, сидевшим по пустяковым делам. Насави это не могло касаться. Начальнику тюрьмы желание высокопоставленного узника поработать на общественных работах не понравилось, отказать вазиру он не посмел, но поручил конвоиру не спускать глаз с бывшего канцлера. Он не доверял ему. Насави мел улицы с философской отрешенностью, идя после водоноса, который кропил мостовую водой. Конвоир добросовестно выполнял наставления, не сводя глаз с опасного арестанта. Но поскольку тот работал, не поднимая головы, конвоир присел в тени дерева, прислонив к стволу алебарду, и по многолетней привычке спать на посту с полуоткрытыми глазами, погрузился в дремотное состояние, не сводя при этом глаз с арестантов, которые, подметая площадь перед Джума масджид, были все, как на ладони. Иногда возле узников оставались прохожие и протягивали страдальцам что-нибудь съестное – хлеб, фрукты или просто холодную воду. Конвоир смотрел на это сквозь пальцы, время от времени проваливаясь в мгновенный сон.

Выше мы предположили, что Насави получал определенное удовольствие от своей грязной и тяжелой работы. При этом он старался ни о чем не думать. Эта установка здорово упрощала жизнь. Правда, совсем не думать не получалось. Лишь только он увидел соборную мечеть, сразу вспомнил философа-мистика ал-Газали, идейного противника поэта и математика Омара Хайяма. Ал-Газали, достигнув признания и высокого положения среди улема Нишапура, вдруг бросил все и удалился

от мирской жизни. В течение трех лет он подметал двор большой мечети в Дамаске и жил на подавания горожан, то есть ал-Газали, знаменитый мистик, добровольно сделал то, к чему Насави вынудила судьба. Думая об этом, Насави поднял голову и увидел двух всадников, пересекавших площадь. Они ехали медленно, о чем-то переговариваясь друг с другом. Он мог разглядеть их лица, точнее, лицо мужчины, ибо лицо его спутницы было спрятано под накидкой. Мужчину, Насави готов был поклясться, он где-то встречал. Насави громко и отчетливо произнес: «Малик Али, иктадар Байлакана». Всадник встрепенулся, бросил взгляд на человека, не сводившего с него глаз, и в следующий миг повернул коня в его сторону. Али не то, чтобы узнал Насави в человеке с метлой в руке, которого он, к тому же, видел короткое время, в полумраке шатра. Он скорее догадался о том, кто это мог быть, ибо, кроме погибшего султана и его самого, только один человек мог знать его титул.

– Ты узнал меня? – спросил метельщик.

– Да, – ответил Али. Из уважения к стоящему перед ним человеку он хотел спешиться, но Насави остановил его.

Краем глаза он видел, что конвоир направился в их сторону.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил Али.

– Найди Малику-Хатун. Она в этом городе, – торопясь, сказал Насави. От недавней апатии не осталось и следа. – Уговори ее помочь мне. Я в тюрьме из-за того, что убедил вазира наложить положительную резолюцию на ее просьбу.

Когда встревоженный конвоир подбежал, Насави, опустив голову, продолжил работу.

– Мы не должны были с ним заговаривать, о, страж порядка, – обратился Али к конвоиру. – Возьми вот это, надеюсь, это умерит твой благородный гнев.

Разглядев брошенную ему монету, страж порядка изменил отношение к происходящему. Перехватив свою алебарду, он буркнул:

– Можете поговорить, но не задерживайтесь особо, – и удалился на свое место в тени дерева.

– Ты бросаешься золотыми монетами, – заметил Насави, – кажется, удача повернулась к тебе лицом.

– Я бы так не сказал, но деньги у нас есть. – ответил Али и предложил: – Может, я дам денег надсмотрщику, чтобы он отвернулся, а вы сядете на круп моего коня?

– Ни к чему это, – отказался Насави. – Куда мне бежать от Айюбидов? Мне нужно официальное освобождение. Уговори Малику похлопотать за меня. Не знаю, какие слова ты подберешь, но думаю, что ты сможешь.

– Почему вы в этом уверены?

– Когда мы виделись в первый раз, ты был отчаявшимся, растерянным человеком, просителем у шатра султана. А сейчас, когда султана нет в живых, а я сижу в тюрьме, ты, словно вельможа, путешествуешь верхом в сопровождении прекрасной спутницы, да еще швыряешься золотыми динарами, точно какой-нибудь малик.

– Так я и есть малик, – улыбнулся Али, – разве вы забыли?

– Как я могу об этом забыть, – желчно сказал Насави, – если я сам писал приказ об этом. Надеюсь, он у тебя с собой.

Али похлопал себя по груди.

– Езжай, не задерживайся, – сказал Насави, – каждая минута нашей беседы увеличивает мой срок в неволе.

- Будьте спокойны, – сказал Али, – я выполню вашу просьбу.
- Сукин сын, – глядя ему вслед и качая головой, сказал вполголоса Насави.
- Интересно, как он догадался, что моя спутница прекрасна, – вслух сказал Али, вернувшись к Ладе, – если лицо ее закрыто накидкой и видны лишь ее глаза?
- По глазам и догадался, – скромно ответила Лада. – А кто это?
- Потом расскажу. Поехали.
- Куда мы едем?
- Сейчас увидишь, – ответил Али.

Не задавая более вопросов, Лада тронула коня и поехала вслед за своим спутником. Предусмотрительность и дальновидность Али поразили ее, и она, как бы это высокопарно ни звучало, вверила свою судьбу в его руки.

Малика-Хатун

Малика занимала большой двухэтажный дом в престижной части Майафарикина, который ей предоставил правитель. У нее были прислуга, охрана и пенсия, размер которой вполне осчастливил бы обычного человека, но был просто оскорбителен для принцессы. Она получала 3000 динаров в месяц, то есть сумму, которую в прежние времена тратила на благовония. Но она ничего не могла требовать от Айюбидов, ибо они и этого могли не делать для нее. Малика-Хатун совершила ошибку, вверив свою судьбу наместнику малика Ашрафа в Хилате хаджибу Али. Она решила свои проблемы в короткой перспективе, но в длительной потеряла все. Хаджиб Али освободил ее от притязаний Шараф-ал-Мулка, но сам стал разменной картой в споре Джалала с Ашрафом. Однако беда была не в том, что хаджиба Али казнили в осажденном Хилате. Ей не было дела до хаджиба Али. Она доверила хаджибу свою казну, которая исчезла после его смерти бесследно. В последней беседе хаджиб Али посоветовал принцессе уехать в Майафарикин, под покровительство малика Музаффара, брата малика Ашрафа, и спокойно дожидаться, пока он разделается с Шараф-ал-Мулком и доставит ей казну. В дорогу она взяла лишь то, что смогла спрятать на себе: любимые драгоценности и немного денег, около 100 тысяч динаров. Значительную часть этих денег она потратила на убранство отведенного ей дома. После того, как до нее дошли слухи о гибели хаджиба Али, Малика отправилась во дворец принца Музаффара и рассказала о постигшем ее несчастье. Правитель был с ней преувеличенно любезен, обещал всяческое содействие. Через некоторое время Малика узнала, что ей выделена пенсия. Принцесса добилась еще одного приема у правителя. На этот раз малик Музаффар был деловит и даже несколько холоден. Он заявил, что поиски ее казны не дали результатов. Сам Хилат захвачен хорезмшахом, и, вероятнее всего, казна досталась ему, поскольку хаджиб Али находился до момента своей смерти именно в Хилате. Малика удалилась. С тех пор сельджукская принцесса вела жизнь затворницы, следила за событиями в Азербайджане, пристрастилась к вину и удерживала себя от желания написать письмо своему последнему мужу, понимая, что султан не простит ее поступка.

Узнав о гибели султана, она испытала противоречивые чувства: удовлетворение оскорбленного чувства и жалость. Малика удивилась своим слезам. В конечном итоге он был причиной ее несчастий, хотя короткое время она испытывала к нему чувство, похожее на любовь. Султан Джалал был истинным героем. Прошел год, другой, третий. Она понимала, что ей надо каким-то образом изменить свою жизнь. Но

дальше понимания дело не продвигалось. Надо было предпринять что-то, но что именно, она не знала. Так проходили день за днем, а в ее жизни ничего не менялось. В один из дней, когда принцесса Малика читала поэму Низами «Хосров и Ширин», в покои вошла служанка и с поклоном обратилась к ней со словами:

- Госпожа, некий господин просит вас принять его.
- Кто это? – удивилась принцесса.
- Его зовут Али.
- Что ему надо от меня?
- Он сказал, что должен передать чью-то просьбу.
- Как он выглядит?
- Он выглядит как вельможа, – ответила служанка, – и хорош собой.
- Ну, уж если хорош собой, зови, посмотрим.

Малика-Хатун встретила Али в небольшом зале. Она сидела в большом черном кресле с высокой спинкой, которое было похоже на трон и смотрелось нелепо в этом небольшом помещении. Зато женщина, сидевшая в нем, выглядела как истинная царица. Али поклонился.

– Ваше величество, – сказал он, – прошу меня простить. Я не знаю, как надо вести себя с царствующими особами. Единственный раз, когда я был в подобной ситуации, дело происходило в походных условиях, на войне. Там не было церемоний.

Али замолчал, вопросительно взирая на Малику-Хатун.

– Продолжай, – сказала принцесса.

– Мир вам, ваше величество, – запоздало приветствовал ее Али. – Я перейду сразу к делу... наверное, я нарушаю протокол... простите мне мое волнение... Я проездом в этом городе и совершенно случайно встретил человека, который попросил меня найти вас. Он сейчас в тюрьме и просит, чтобы вы заступились за него.

– Кто этот человек?

– Шихаб ад-Дин Насави.

– Я не знаю такого человека.

– Это начальник канцелярии султана Джалала.

– Это ничего не меняет. Я незнакома с ним. Чего ради я должна просить за него? Если я чем-то обязана ему, пусть он мне напомнит.

– Ваше величество, он не говорил ни о каких обязательствах, но...

– Называй меня как-нибудь иначе, – прервала его Малика-Хатун, – от моего величества уже ничего не осталось.

– Для меня вы все равно остались правительницей Азербайджана.

Принцесса бросила на него взгляд и спросила:

– Кто ты такой?

– Я факих. Работал секретарем у Шамса Туграи до его ареста. А до этого был помощником судьи Кавама Джидари.

– Вот как, – удивилась Малика, – мир тесен. Значит, ты из Табриза?

– Я жил там, но вообще-то я родился в Байлакане.

– Верно ли, что жители Табриза не любили меня? – неожиданно спросила принцесса.

– Не знаю, – растерялся Али. – Мне не доводилось ни с кем об этом говорить.

– А ты сам?

– Что сам?

– Как ко мне относишься?

– Я не могу ответить одним словом.
– Отвечай, как можешь.
– Когда вы отстранили судью от должности, я остался без работы.
– Мне нравится твоя честность, – заметила Малика. – Что ты там говорил об обстоятельствах?
– Насави оказался в тюрьме из-за вашего письма к правителю. Он убедил вазира наложить на него положительную резолюцию. Правитель, узнав об этом, пришел в ярость. А вазир свалил все на Насави. Так из-за желания помочь вам он оказался в тюрьме.
– Я не буду хлопотать за него, – ответила, не раздумывая Малика, – можешь так передать ему.
– Вряд ли я смогу еще раз увидеть его, – сказал Али. – Спасибо, что вы приняли и выслушали меня. Я выполнил его просьбу, и моя совесть чиста. Я пойду, с вашего позволения.
Али предполагал, что от царственных особ надо уходить, пятясь, не поворачиваясь к ним спиной. Он сделал два-три шага, чуть не упал и повернулся, чтобы уйти уже без церемоний. Но Малика остановила его:
– Подожди, предположим, что я соглашусь. Но даже если я вздумаю просить правителя помиловать Насави, из этого ничего не выйдет. Ведь, по его словам, он из-за меня там сидит. Мое обращение еще больше разозлит малика Музаффара.
– Это верно, – согласился Али, – логики здесь нет, я как-то об этом не подумал.
– К тому же я сама в таком положении... – она не договорила, но Али все понял.
– Вы абсолютно правы, – сказал он. – Прощайте, спасибо, что приняли меня. Он направился к дверям. Малика вновь остановила его.
– Подожди, – сказала она, – скажи, с кем ты встречался в походных условиях, с какой царственной особой?
– С султаном Джалалом.
Малика вздрогнула.
– Вернись, – сказала она.
Али послушно вернулся.
– Почему ты не сказал: с вашим мужем? – спросила она. – Разве тебе не известно о нашей свадьбе?
– Мне известны обстоятельства вашего развода с атабеком, – ответил Али.
– Ах, да, я и забыла, что ты был помощником судьи. – Помолчав, Малика-Хатун добавила: – В прежнее время подобная дерзость стоила бы тебе головы. Расскажи про встречу с хорезмшахом.
– Лагерь султана был разбит возле Амида. Когда я нашел его, он сидел в палатке один и пил вино. Дела его шли не лучшим образом.
– Значит, он был одинок.
– Он был похож на затравленного волка. Пригласил меня сесть и угостил вином, затем пожаловал мне титул малика.
– Вот как, – насмешливо произнесла принцесса, – значит, ты мне ровня, что же ты здесь ломаешь комедию, кланяешься?
– С непривычки.
– Наверное, он дал тебе богатое *икта*.
– Он отдал мне Байлакан. Но этого города не существует. Татары вторично разрушили его. Я чудом спасся.

Насмешливое выражение исчезло с лица принцессы. Она подошла к окну.

– Я могу показать фирман о пожаловании мне титула малика, – сказал задетый Али. Он был равнодушен к своему титулу, но сейчас ему хотелось доказать Малике-Хатун свою правоту. Малика сделала жест, означающий, что ей все равно.

– Что тебя связывает с этим человеком? – спросила она.

– Вы имеете в виду Насави? – на всякий случай переспросил Али.

– Да.

– Когда султан отпустил меня, я ночевал в его палатке. Кстати, он был очень недоволен этим. Он же писал указ о моем титуле и жаловании мне икта. Утром я проснулся от ужасного шума. Оказалось, что на лагерь напали татары. Я побежал к палатке султана и увидел, как слуги вывели его из палатки под руки. Он был бледен и с трудом держался на ногах. Его усадили на коня, и они ускакали.

– Он был болен...

– Скорее, пьян, он пил всю ночь... самого султана я больше не видел, но потом до меня дошли слухи о его гибели. А Насави я встретил вчера на площади. Он вместе с другими арестантами подметал площадь.

– Все-таки его участь лучше, чем его господина.

– Совершенно верно.

– Ты сказал, что проездом в этом городе. Куда держишь путь?

– В Мекку. Я совершаю хадж.

– Похвально.

Принцесса молчала так долго, что Али, потеряв терпение, спросил:

– Государыня, вы позволите мне удалиться?

– Не называй меня государыней. Это выглядит сейчас как насмешка. Называй принцессой.

– Да, ваша светлость.

– Я напишу письмо малику Ашрафу, он главный у Айюбидов. Твой путь будет пролегать через Сирию. Малик Ашраф находится в Дамаске. Отвезешь ему письмо. Я попрошу за Насави.

– Благодарю вас, – сказал Али.

– Кроме того, я хочу, чтобы ты сделал для меня одолжение. Малик Ашраф наверняка спросит тебя обо мне. Расскажи все, что ты видишь, в каком положении находится сельджукская принцесса. Свою казну я доверила хаджибу Али, его заместителю в Хилате. Она исчезла, и теперь я вынуждена жить на подаяния его брата. Приходи завтра в это время.

Али поклонился и ушел.

В Майафарикине Али с Ладой не стали ночевать в караван-сараях, а сняли дом в центре. В нем было три комнаты и свой дворик. Возвращаясь, Али специально сделал круг, чтобы пройти через площадь. На этот раз она была пуста. Али сообразил, что заключенных используют в разных местах, но ходить по городу в поисках Насави он не стал. Он был несколько раздосадован этой вынужденной задержкой, но убеждал себя, что делает это в память о султанине Джалале. Когда он вошел в дом, Лада что-то размешивала в склянке, то и дело разглядывая ее содержимое на свет.

– Никак не могу добиться нужного оттенка, – пожаловалась она.

– Что это? – спросил Али.

– Сам знаешь.

- Получается?
- Пока не знаю.

Он понимающе кивнул. После того, как они выбрались из подвала, у Лады обнаружился седой локон. С тех пор она то и дело экспериментировала с хной и басмой, пытаясь подкрасить седую прядь в тон ее русым волосам.

- Где взяла?
- Я ходила на рынок. Купила плов и кебаб. Подними скатерть. Али откинул белую ткань, укрывавшую поднос.
- Выглядит аппетитно, – сказал он.
- Ешь, – предложила Лада.
- А ты?
- Я уже поела.

Лада оставила свое занятие и принесла небольшой таз для омовения и кувшин с водой. Полила Али на руки, затем подала полотенце.

- Ты ее видел?
- Да.
- Что сказала старуха?
- Она не старуха.
- Вот как, может быть, она тебе понравилась? – поинтересовалась Лада
- Она довольно привлекательна, – сказал Али, – я бы даже сказал – красива.

Ну, скажем так, для мужчин постарше. Кстати, ты тоже принадлежишь к дому царствующих особ. Ведь ты жена атабека. До сих пор не могу привыкнуть к этому.

– Не знаю, – холодно ответила Лада, – я привыкла к этому сразу. Но атабек – это не титул, а должность. Когда он умер, я не унаследовала его титула, став его женой.

– Да, это должность, – согласился Али. – Когда он был жив, это было больше, чем должность. Когда был жив его отец, титулованные особы трепетали от одного только его имени. Эмиры, малики и ханы стояли в передней, ожидая приема.

– Ничего, – сказала Лада, – я сейчас закрасю этот седой локон и буду красивей Малики.

- Ты испытываешь к ней неприязнь?
- Я бы назвала это ревностью, – честно призналась Лада. – Какие чувства, по твоему, я должна испытывать к бывшей жене моего мужа?
- Думаю, что ровные. Бывшая жена твоего бывшего мужа. Надо изрядно стараться, чтобы поддерживать в себе ревность.
- Так я стараюсь, – сказала Лада и, не выдержав, засмеялась.

Али заметил:

- Ты красива даже с седой прядью.
- Тогда возьми меня в жены, – предложила Лада.

Али покачал головой.

- Это невозможно.
- Почему, я тебе не нравлюсь?
- Не в этом дело.
- А в чем?

– Йасмин ревновала меня к тебе. Если я возьму тебя в жены, это будет нечестно по отношению к ней.

- Но она умерла. Ей все равно. И, возможно, там, на небесах, она перестала

меня ревновать к тебе. Она теперь лишена человеческих слабостей.

– Возможно, но я-то пока здесь.

– То есть ты хочешь сказать, что ты никогда не женишься?!

– На тебе – нет.

– Но это же нечестно.

– Должен тебе напомнить, что я еще ношу траур.

– Прости. Я умолкаю. – Помолчав, Лада спросила: – Так что она сказала?

– Она напишет письмо правителю Дамаска малику Ашрафу. Он – главный среди династии Айюбидов. Мне вообще-то казалось, что главный – ал-Камил, правитель Египта. Но ей, конечно, виднее. Мы отвезем это письмо в Дамаск. Все равно наш путь лежит через Сирию. Завтра я зайду за письмом.

– Когда мы поедем?

– Я узнаю, идет ли караван в Сирию в ближайшее время.

– А без каравана, сами не можем поехать?

– Можем, но это опасно.

...От низложенной царицы трудно ожидать человеколюбия, тем более, к участи человека из окружения ее бывшего мужа, который в конечном итоге был причиной всех ее лишений. Но в данном случае Насави все рассчитал правильно, ибо он, опытный царедворец, как никто другой знал о том, что благодарность никогда не была сильной стороной царствующих особ. Поэтому он не уповал на то, что Малика, узнав о том, что он пострадал из-за нее, станет просить за него. Но участие в его судьбе было лишним поводом напомнить о себе, и Малика, будучи человеком умным, не преминет воспользоваться этим.

Только напомнить, не просить, это было красноречивее просьбы. Малика-Хатун, сама находясь в стесненном положении, просит за другого человека.

Понимая, что это и не обязательно, Али все же отправился в тюрьму. Насави заметно обрадовался его приходу. Али невольно вспомнил, как он был недоволен, когда глава охраны султана привел его на ночлег в палатку, но напоминать об этом не стал. Он не был злопамятен.

– Спасибо, что пришел, – сказал Насави. – Тебе удалось разыскать ее?

– Да. Я сделал все, что вы просили. Не сразу, правда, но она пообещала написать письмо малику Ашрафу.

– Ты объяснил, кто я и за что попал в немилость?

– Да. Все, как вы просили.

– Правильное решение написать малику Ашрафу. Сам Аллах послал мне тебя.

– Ну что вы, – возразил Али. – Аллаху нет никакого дела до нас. Иначе разве он позволил бы татарам вырезать целые города.

– Не гневи Бога, он послал нам испытания за какие-то наши грехи.

– Я совершаю хадж, – сказал Али. – В Дамаске передам письмо и двинусь дальше в Мекку.

– Только умоляю тебя, не передавай письмо в канцелярию. Оно может лежать там так долго, что я здесь состарюсь. Постарайся передать его прямо в руки.

– Малику Ашрафу? – усомнился Али.

– Я знаю, ты сможешь, – убежденно сказал Насави.

– Иншаллах, – ответил Али. Он протянул Насави сверток. – Здесь еда, я купил на рынке для вас хлеб, сыр, зелень, вареное мясо.

– Спасибо, – сказал растроганный Насави, – не знаю, как и благодарить тебя.
– Али собрался уходить, простился, но Насави окликнул его. – Странно, что ты держишь обиду на Аллаха, – сказал он, – а сам едешь в Мекку.
– В этом нет ничего странного, – невозмутимо ответил Али. – Я надеюсь достучаться до него. Там все-таки поближе будет.

Малика сдержала свое слово: на следующий день она приняла Али и собственноручно отдала ему в руки письмо. Али поблагодарил ее от имени Насави.

– Будет ли у вас, принцесса, еще какое-нибудь поручение дополнительно?

Малика удивленно взглянула на него.

– Отраднo видеть человека, радеющего за интересы других людей.

Али поклонился.

– Скажи честно, – спросила Малика, – каков твой интерес в этом деле?

– Совершенно никакого, – искренно ответил Али.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– У меня недавно при родах умерла жена, – неожиданно для себя сказал Али, – в моей жизни образовалась пустота. И мне нужно ее чем-то заполнить. К тому же вы сами сказали, что это по дороге.

Малика удивленно взглянула на Али. Ответ оказался неожиданным и для нее тоже.

– Начало твоей фразы противоречит ее концу. Но мне жаль твою жену. Когда окажешься в Дамаске, не отдавай письмо в канцелярию, постарайся добиться аудиенции у малика Ашрафа. Я желаю тебе легкого пути и удачи.

Али поклонился и ушел.

Дома он сказал Ладе:

– Может быть, рассказать ей о казне Узбека. Все-таки она была его женой и имеет право на его долю.

– Прежде всего она была причастна к его смерти, – холодно ответила Лада. – И откуда у вчерашних простолюдинов такая жалость к царицам?

(Продолжение следует)
